

Книгоиздательство „Жизнь и Знание“.

Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВЪ.—Книга 4.

133982

К. М. Махтаревъ.

ОЧЕРКЪ

ПЕТЕРБУРГСКАГО

РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ

90-ХЪ ГОДОВЪ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Цѣна 2 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

1918.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДЪНІЯ.

Кн. 1-я. И. П. Покровскій. Государств. бюджетъ Россіи за послѣдніе 10 л.—2 р.

Кн. 2-я. Исторія соціализма. Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Беренштейна. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ ч. I; за обѣ части.—7 р.

Кн. 3-я. М. С. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи.—2 р.

Кн. 7-я. Петръ Масловъ. Исторія народнаго хозяйства.—3 р.

Кн. 8-я. А. М. Коллонтай. Общество и материнство. Государственное страхование материнства.—5 р.

Кн. 10-я. А. Деборинъ. Введеніе въ философію діалектическаго материализма. Съ предисловіемъ Г. В. Плеханова.—4 р.

Кн. 11-я. Вл. Краухфельдъ. Въ мірѣ ідей и образовъ.—3 р. 50 к.

Кн. 13-я. С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. 3 р.

Кн. 14-я. Вл. Бончъ-Бруевичъ. Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ.—3 р.

Кн. 15-я. Вл. Бончъ-Бруевичъ. Къ исторіи русскаго духоборчества.—3 р.

Кн. 16-я. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Новый Израиль.—3 р.

Кн. 17-я. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Среди сектантовъ.—3 р.

Кн. 18-я. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Изъ міра сектантовъ.—3 р.

Кн. 19-я. Фр. Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Пер. съ нѣмецкаго И. и Е. Леснтьевыхъ.—3 р.

Кн. 19-я. Письма Ферд. Лассала къ К. Марксу и Ф. Энгельсу.—2 р.

Кн. 22-я. Ю. Каменевъ. Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ.—1 р. 50 к.

Кн. 23-я. Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи.—1 р. 25 к.

Кн. 24-я. К. Тахтаревъ. Соціологія, какъ наука. 2 изд.—3 р.

Кн. 25-я. Ю. Каменевъ. Экономическая система имперіализма.—1 р. 50 к.

Кн. 26-я. К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Манифестъ коммунистич. партіи.—1 р.

Кн. 27-я. В. П. Милютинъ. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйстве Россіи.—1 р. 50 к.

Кн. 28-я. В. П. Милютинъ. Сельскохозяйственные рабочіе и война.—3 р.

Кн. 30-я. Подъ старымъ знаменемъ. Сборникъ статей.—1 р. 50 к.

Кн. 31-я. С. О. Загорскій. Война послѣ мира.—5 р.

Кн. 32-я. Ж. Гедъ и П. Лафаргъ. Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней.—1 р. 50 к.

Кн. 33-я. И. В. Чернышевъ. Крестьяне обѣи общинѣ.

Кн. 34-я. И. В. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста—4 р.

Кн. 35-я. И. В. Чернышевъ. Исторія общинъ въ Россіи.

Кн. 36-я. Вл. Бончъ-Бруевичъ. Волненія въ войскахъ и военные тюрьмы.—3 р.

Кн. 37-я. Вл. Ильинъ. Аграрная программа соціалдемократіи въ I-й русской революціи 1905—1907 г.—4 р.

Кн. 38-я. Вл. Ильинъ. Изъ исторіи соціалдем. аграрной программы. (Статьи 1901—1906 г.).—1 р. 75 к.

Кн. 39-я. Вл. Ильинъ. Новые данные о законѣ развитія капитализма. (Соединенные Штаты).—3 р.

Кн. 40-я. Вл. Ильинъ. О государствѣ (печатается).

Кн. 41-я. Вл. Ильинъ. Имперіализмъ, какъ новѣйший этапъ капитализма, 2-е дополненное и исправленное изд.—2 р.

Кн. 42-я. Н. Крупская. Народное образование и демократія.—3 р.

Кн. 43-я. Ю. Каменевъ. Борьба за миръ (Отчетъ о мирныхъ переговорахъ въ Брестѣ).—2 р.

Кн. 44-я. Ю. Стенковъ. Карлъ Марксъ его жизнь и дѣятельность.—3 р. 50 к.

Кн. 45-я. Мих. Павловичъ. Французскій имперіализмъ и экономическое развитие Франціи въ XX стол.—2 р.

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВЪ.

Кн. 1-я. М. С. Александровъ. Три года въ одиночной тюрьмѣ.—2 р. 50 к.

Кн. 2-я. В. П. Ногинъ. На полюсѣ колода (печатается).

Кн. 3-я. Каисимовъ. Автобіографія со многими рисунками.—2 р.

Кн. 4-я. К. Тахтаревъ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.—2 р. 50 к.

Кн. 5-я. В. М. Величкина. Съ духоборами въ Канаду (печатается).

Кн. 6-я. Нѣмоевскій. Люди революціи (печатается).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“

Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9, 10, 11. Тел. 227-42.

Другіе труды автора.

К. Тахтаревъ. Первобытное общество. Съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Отд. приложеніе къ журналу „Научное Обозрѣніе“. СПБ. 1903 г.

Отъ представительства къ народо-властію. Къ изученію новѣйшихъ стремлений политического развитія современаго общества. СПБ. 1907 г.

Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ предислов. М. М. Ковалевскаго. Москва 1907 г. 2-е изд. Москва 1912 г.

Главнѣйшія направленія въ развитіи соціології. Соціологические очерки, помѣщенные въ журн. „Современный міръ“ за 1910 г.

Современное государство. (Рядъ очерковъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ „Итоговъ науки“. Кн. XXXIV и XXXV). Москва, 1915 г.

Соціология, какъ наука. (Введеніе въ общий курсъ соціологии, читанный слушат. Психо-Неврологическаго Института и Высшихъ Курсовъ П. Ф. Десграffta). ПРГ. 1916 г.

Книгоиздательство „Жизнь и Знание“.

Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

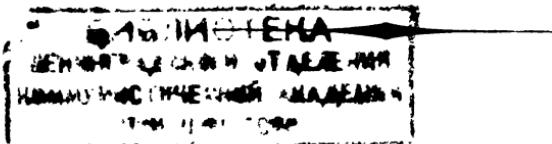
БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВЪ.—Книга 4.

К. М. Махтаревъ.

ОЧЕРКЪ
ПЕТЕРБУРГСКАГО
РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ
90-хъ годовъ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1918.

Оцифровано: КРД "Рабочий путь"

Сайт: <https://work-way.com/>

*Свѣтлой памяти
моего беззавѣтнаго друга
А. А. Якубовой-Тахтаревой,
безъ содѣйствія которой эти
воспоминанія никогда не уви-
дѣли бы свѣта.*

K. T.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение	9
Глава I. Первый периодъ—кружковщина	12
„ II. Начало агитационнаго периода	24
„ III. Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г.	38
„ IV. Зимняя стачка	60
„ V. Организационный периодъ движениія.—Новые задачи союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Ра- бочая Мысль“	74
„ VI. Возникновеніе „Рабочей Мысли“. Ея краткая исторія . .	81
„ VII. Что же собою предоставляла „Рабочая Мысль“?	91

ВВЕДЕНИЕ.

Рабочее движение въ Петербургѣ имѣть за собою большую давность. Его первая волна достигла своей наивысшей точки въ концѣ 70-хъ годовъ. И возникновеніе Сѣверно-Русского Рабочаго Союза было провозвѣстникомъ зарожденія сознательного и организованного рабочаго движенія. Къ этому моменту создался и типъ сознательного петербургскаго рабочаго—борца, выдающимся примѣромъ котораго можетъ служить Степанъ Халтуринъ.

Но героическая борьба тѣсной заговорщической организаціи террористовъ Народной Воли какъ-то невольно захватывала въ то время почти всѣхъ, кто способенъ быть стать революціонеромъ. Не имѣвшимъ никакого политического опыта, но рвущимся къ свободной жизни молодымъ энтузіастамъ вѣрилось въ возможность освободиться однимъ могучимъ ударомъ отъ гнета самодержавія. Съ другой стороны, жестокія преслѣдованія со стороны правительства всѣхъ сознательныхъ рабочихъ убѣждали ихъ въ почти полной бесплодности попытокъ организовать широкое рабочее движение при данныхъ условіяхъ, когда сознательные рабочіе лишь начинали нарождаться, а окружающая рабочая среда давала о себѣ знать главнымъ образомъ какими-то непроизвольными движеніями, вызывавшимися рѣзкими перемѣнами во время кризисовъ.

Террористическая борьба конспираторовъ Народной Воли отзывалась очень губительно на зарождавшемся сознательномъ рабочемъ движениі. Ряды сознательныхъ рабочихъ рѣдѣли послѣ каждого новаго покушенія. Дальнѣйшее развитіе и даже существованіе рабочаго союза при такихъ условіяхъ становилось невозможнымъ. Оставшіеся на свободѣ наиболѣе дѣятельные рабочіе, отчаявшись въ возможности существованія союза, переходили въ ряды террористовъ. Поэтому и подавленіе террористического движенія партіи Народной Воли казалось, хотя и временнымъ, но

полнымъ подавленіемъ всего, что было сознательно революціоннымъ.

Однако жизнь и развитіе страны шли впередъ, несмотря на старанія самодержавной бюрократіи остановить ходъ общественного развитія. Хотя восьмидесятые годы считаются годами полнаго торжества реакціи, но именно въ этотъ періодъ полнаго подавленія тайныхъ революціонныхъ организаций, быстро ростущая сила пролетаріата проявила себя въ цѣломъ рядѣ рабочихъ волненій и стачекъ заставившихъ правительство встать на путь фабричного законодательства и ввести фабричную инспекцію. Самымъ выдающимся изъ этихъ событий была безъ сомнѣнія стачка на фабрикѣ Морозова въ селѣ Орѣхово-Зуево въ 1884 г. Вождями Морозовскихъ рабочихъ явились сознательные рабочие-соціалисты, Моисеенко и Волковъ. Рабочіе, руководимые ими, выдвинули цѣлый рядъ требованій. Во время этой стачки во второй разъ развернулось на русской землѣ красное знамя. Правительство употребило всѣ средства, чтобы задавить движение. Масса рабочихъ была брошена въ тюрьму. Былъ назначенъ судъ. Однако присяжные вынесли оправдательный приговоръ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительнымъ приговоромъ противъ нашихъ порядковъ. Катковъ тогда же назвалъ этотъ приговоръ „первымъ салютомъ русскому рабочему движению“. Оправданные рабочіе были немедленно же послѣ освобожденія арестованы жандармскими властями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство признало справедливость требованій Морозовскихъ рабочихъ и осуществило главнѣйшія изъ нихъ въ формѣ особыхъ законовъ о штрафахъ, изданныхъ въ 1886 г.

Рабочее движение, казалось, должно было быть общепризнаннымъ фактомъ. Казалось, недоставало лишь мыслителей, которые смогли бы понять и вѣяснить смыслъ и общественное значеніе этого движения. И они явились. Въ 1884 г. въ Петербургѣ самостоятельно возникла группа „Рабочій“, которая поставила своею цѣлью соціалдемократическую пропаганду среди рабочихъ и учащейся молодежи и выработала собственную программу. Почти одновременно съ этой первой петербургской соц.-дем. группой, или вѣрнѣе еще раньше ея, далеко за предѣлами Россіи возникла, подъ вліяніемъ германского соціалдемократического движения, всѣмъ извѣстная Группа Освобожденія Труда. При первомъ же извѣстіи о существованіи группы „Рабочій“,

Группа Освоб. Труда завязала съ ней сношенія. Казалось, русская соціалдемократія получила прочное основаніе. Но группа „Рабочій“ просуществовала лишь до 27 января 1886 г., и начавшаяся было пропаганда снова прервалась. Снова дѣлались попытки промикнуть въ рабочую среду, и снова неудачи, благодаря арестамъ. И дѣло пропаганды среди рабочихъ дошло до такого упадка, что среди революціонной интеллигенції стало даже закрадываться сомнѣніе въ возможности работы среди рабочихъ. Но сами рабочіе разбили эти сомнѣнія своими рѣчами 1-го мая 1891 г. Еще раньше, въ апрѣлѣ, рабочіе напомнили о себѣ адресомъльному писателю Шелгунову. „Вмѣстѣ съ искреннимъ чувствомъ признательности къ Шелгунову, какъ къ указателю пути къ свободѣ и братству,—говорили они,—мы проповѣдвали, подачею ему адреса и своимъ присутствіемъ съ вѣнкомъ на его похоронахъ, привлечь вниманіе общества къ рабочему вопросу и, какъ слышно, успѣли въ этомъ“.

„Будемъ учиться, объединяться сами, товарищи, будемъ объединяться въ сильную партію! Будемъ, братья, съять это великое сѣмя съ восхода до захода солнца во всѣхъ уголкахъ нашей земли“.—Такъ закончилъ свою рѣчь одинъ изъ петербургскихъ рабочихъ, говорившихъ на тайномъ собраниі рабочихъ 1-го мая 1891 г.

И присутствіе рабочихъ на похоронахъ писателя Шелгунова и рѣчи ихъ, произнесенные 1-го мая 1891 года, были ихъ открытымъ заявленіемъ о зарожденіи въ Петербургѣ сознательного рабочаго движенія.

ГЛАВА I.

Первый периодъ—кружковщина.

Подъ вліяніемъ голодныхъ 1891—92 годовъ и холеры сильно оживилась дѣятельность интеллигенціи и возобновилась работа народовольцевъ. Въ 1892 году „Группа народовольцевъ“ издала свои „Письма къ голодающимъ крестьянамъ“. Тогда же вышелъ ихъ „Летучій Листокъ“ № 1, носившій главнымъ образомъ радикальный народническій характеръ. Осенью 93 г. группа выпускаетъ № 2-ой „Листка“, „Александръ III“ или „Къ десятилѣтію коронаціи“ и „Братцы товарищи“, обращеніе рабочаго къ рабочимъ.

„Группа народовольцевъ“ имѣла рабочіе кружки въ различныхъ фабричныхъ районахъ Петербурга и во главѣ кружковъ стояли пожилые рабочие, оставшіеся еще отъ временъ „Земли и Воли“. Народовольцы образовывали маленькия кружковыя кассы и библіотеки. Не знаю, кому нужно приписать ихъ устройство—интеллигенціи или самимъ рабочимъ. Читать—было первою потребностью развивающихся рабочихъ, и большая часть кассовыхъ денегъ шла на покупку литературы (преимущественно легальной). Въ кружковыхъ библіотекахъ видное мѣсто занимали сочиненія Шелгунова, Некрасова, Щедрина, Щапова, „Пролетаріатъ во Франції“ Михайлова, „Історія французскаго крестьянина“ Шатріана, „Спартакъ“ Джованіолли, „Экономическая бесѣды“ Карышева, разныя статьи изъ старыхъ журналовъ; попадались и единичные экземпляры „лекцій по русской истории“ Ключевскаго, „Очерки экономической культуры“ Зибера, Лассаль, а въ особой библіотекѣ для интеллигентныхъ рабочихъ имѣлся Марксъ и Н. Чернышевскій (Критика политической экономіи). Главный девизъ, который выставляли тогдашніе народовольцы, было сверженіе самодержавія въ цѣляхъ достиженія лучшаго соціального строя. Главнымъ орудіемъ переворота оставалась по прежнему крайне незначительная группа людей, сплоченная организація самоотверженныхъ заговорщиковъ. Сознаніе слабости этого революціонного

средства побуждало искать опоры во внѣшней средѣ. Отсюда мысль о необходимости „опереться на народъ“. Мѣстопребываніе группы въ городѣ заставляло искать поддержки у городского народа, у наиболѣе отзывчивыхъ его слоевъ, т. е. у рабочихъ. Конечно, работать надо и среди крестьянъ, но городскіе рабочіе признавались народовольцами наиболѣе подходящей для этой цѣли группой людей изо всего трудящагося народа. Слѣдовательно, работа должна быть сосредоточена среди городскихъ рабочихъ.

„Стремиться организовать широкое рабочее движение, создавать рабочую партію при условіяхъ нашего деспотического управления,—говорили они,—значить вращаться въ заколдованнымъ кругу. Ибо главнымъ условіемъ возможности широкаго рабочаго движения является политическая свобода, а главнымъ условіемъ ея достиженія—сверженіе самодержавія. Тратить же силы на рабочее движение, какъ таковое, значитъ не добиться ничего (ибо чего же добьешься, когда правительство даже фабрикантамъ не позволяетъ давать рабочимъ уступокъ); значитъ потратить массу средствъ и людей на безчисленныя жертвы идеѣ, чтобы въ концѣ концовъ все-таки возвратиться къ государственному перевороту“.

Такова была сущность теоріи тогдашнихъ народовольцевъ. На практикѣ у нихъ дѣло сводилось къ возможно широкой организаціи рабочихъ кружковъ и къ веденію въ нихъ противоправительственной пропаганды. Эта пропаганда велась съ такимъ жаромъ, что ее скрѣе можно было бы назвать политической агитацией, если бы дѣло велось среди массы рабочихъ, а не въ малочисленныхъ кружкахъ. Я помню, какъ мои пріятели радовались, когда имъ удавалось устроить небольшое собраніе человѣкъ въ 15, особенно изъ такъ называемыхъ „сѣрыхъ“, т. е. еще не распропагандированныхъ рабочихъ. Въ кружкахъ пропаганда велась главнымъ образомъ устнымъ путемъ. Бывало, одинъ кончаль говорить, приходилъ другой и „жарилъ“ дальше.

Распропагандированные рабочіе на фабрикахъ держались очень осторожно и обыкновенно не принимали никакого активнаго участія въ тогдашнемъ рабочемъ движениі, т. е. въ стачкахъ, „рабочихъ безпорядкахъ“ и волненіяхъ. Такимъ образомъ дѣло сводилось къ политической пропагандѣ и къ вербовкѣ *отдельныхъ личностей* изъ рабочей среды для этой пропаганды, при посредствѣ рабочихъ круж-

ковъ. Въ концѣ концовъ получалось нѣкоторое число вполнѣ интеллигентныхъ рабочихъ, оторванныхъ отъ рабочей среды.

Такъ обстояло дѣло зимою 93 года. Въ это же время въ средѣ нѣкоторыхъ сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ, называвшихъ себя соціалдемократами, сталъ раздаваться протестъ противъ подобного положенія вещей. Нѣтъ!—говорили они, — успѣхъ дѣла лежитъ въ рабочемъ движеніи. А для того, чтобы создать сознательное рабочее движение, необходимы дѣятели, специально для этой цѣли подготовленные. Рабочій пропагандистъ и организаторъ долженъ тонко знать всѣ окружающія условія его рабочей жизни. Его міросозерцаніе должно быть широко и всесторонне, онъ долженъ быть хорошо подготовленнымъ и знающимъ человѣкомъ. А для этого имѣющіеся на лицо сознательные рабочіе должны основывать особые кружки для саморазвитія, приглашая интеллигентовъ для помощи. Иногда доходили до крайностей, высказывая мнѣнія, что въ подобныхъ кружкахъ должны сначала проходить естественная науки; и только усвоивши болѣе правильный взглядъ на природу, можно браться за исторію культуры, а потомъ уже за вершину знанія—за политическую экономію. Въ такихъ кружкахъ пользовались главнымъ образомъ легальной литературой. Вышеупомянутой программѣ для саморазвитія нѣкоторые слѣдовали съ такою прямолинейностью, что кто сомнѣвался въ ея цѣлесообразности, тотъ признавался недостаточно серьезнымъ человѣкомъ, еретикомъ, не заслуживающимъ имени „соціалдемократа“. Впрочемъ, это не было общимъ явленіемъ. Что касается до пропаганды необходимости для рабочихъ политической борьбы, до участія ихъ въ политической революціи, то среди тогдашнихъ рабочихъ „соціалдемократовъ“ существовалъ особый взглядъ. Конечно, сознательные рабочіе хорошо чувствовали всѣ преимущества политической свободы и выясняли ея значеніе своимъ близкимъ товарищамъ. Но въ то же время они очень отрицательно относились къ возможности политической пропаганды среди широкаго круга рабочихъ, а ужъ тѣмъ болѣе къ возможности организаціи рабочихъ для достиженія политической свободы. Если вы говорили о необходимости участія рабочихъ въ политической революціи, о борьбѣ рабочихъ за конституцію, то къ вамъ сразу же начинали косо относиться, видя въ васъ народовольца.

Очевидно, это было прямой реакцией отдельныхъ созна-

тельныхъ единицъ на народовольческую, не классовую пропаганду и на главный пунктъ этой пропаганды—на заговорщическую организацію революціонеровъ съ цѣлью сверженія самодержавія. Реакція, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противоположную крайность, крайность часто нежелательную, но почти всегда неизбѣжную. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ: на необходимость борьбы за политическую свободу временно какъ-то перестали обращать вниманіе. Основная мысль пропагандистовъ конца 70-хъ годовъ какъ будто заглохла, и началась новая проповѣдь сознательной жизни.

На помощь къ рабочимъ, рвущимся къ знанію, подоспѣла соціалдемократическая интеллигенція. И изъ этихъ соціалдемократическихъ рабочихъ кружковъ вышли развитые, образованные рабочіе, ставшіе во главѣ петербургскаго движенія. Правда, имъ пришлось перенести немало разочарованій, откинуть немало предвзятыхъ взглядовъ и предразсудковъ, чтобы изъ культурныхъ одиночекъ превратиться въ настоящихъ рабочихъ-бойцовъ, изъ теоретиковъ въ практиковъ-пропагандистовъ и агитаторовъ. Жизнь, создавшая ихъ, помогла имъ въ этомъ.

При сравненії дѣятельности соціалдемократическихъ кружковъ съ народовольческими мы видимъ, что какъ тутъ, такъ и тамъ, собственно говоря, дѣло сводилось къ выдѣленію изъ рабочей среды культурныхъ единицъ; ибо и культурный рабочій „соціалдемократъ“ въ значительной степени терялъ связь со своею менѣе культурною средою. Но оба эти направленія были страшно враждебны. Поле для работы тогда не было широко, а кругъ сознательныхъ рабочихъ былъ еще уже, поэтому весьма естественно, что въ этотъ кругъ перешла и нашла себѣ богатую почву зародившаяся среди интеллигенціи борьба направленій. Въ рабочей средѣ эта борьба повелась поистинѣ съ ожесточеніемъ и непримиримостью. Въ этой борьбѣ приняли участіе и пожилые рабочіе, лично знававши Халтурину, Желябова и Тимофея Михайлова, бывшіе и на демонстраціи у Казанскаго собора (6/XII 1876), и на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ несчастныхъ жертвъ патроннаго завода (въ 1878 году). Приняли въ ней участіе и молодые рабочіе, только что примкнувшіе къ рабочимъ кружкамъ. Взаимныя теоретическія пререканія подчасъ переходили даже въ личныя дрязги. Такъ рабочій Фунтиковъ, стоявшій во главѣ

одного кружка, пожертвовалъ 190 рублей на пропаганду среди рабочихъ и передалъ ихъ народовольцамъ. А тѣ употребили деньги или на организаціонныя цѣли, или на типографію. Въ концѣ концовъ вышла „исторія“, разнесшаяся довольно широко и послужившая почвой для новаго ожесточенія мѣстной борьбы. Словомъ, это соперничество, такъ ярко проявлявшееся въ средѣ самихъ рабочихъ, ихъ дѣленіе на „соціалдемократовъ“ и „народовольцевъ“ представляло порой зрѣлище далеко непріятное. Но что было дѣлать? Съ этой рознью приходится считаться, какъ съ историческимъ фактомъ.

Тутъ умѣстно замѣтить, что даже въ это время розни и пререканій среди развитыхъ рабочихъ существовало нѣкоторое единство. Я говорю про „Объединенную кассу петербургскихъ рабочихъ“. Дѣло въ томъ, что почти каждый кружокъ рабочихъ, какъ соціалдемократической, такъ и народовольческой, имѣлъ свои деньги. Въ большинствѣ случаевъ это были ничтожныя суммы, шедшія главнымъ образомъ на покупку литературы. Необходимость помогать арестованнымъ товарищамъ и недостаточность для этой цѣли кружковыхъ касъ, заставила объединиться всѣ извѣстные тогда рабочіе кружки для этой общей цѣли. Немногіе кружки каждого рабочаго района Петербурга, даже принадлежавшіе къ разнымъ лагерямъ, были хорошо извѣстны другъ другу. Поэтому были избраны представители отъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ и народовольческихъ кружковъ каждого района, которые время отъ времени, кажется, не чаще одного раза въ мѣсяцъ, собирались на общее собраніе „Объединенной кассы петербургскихъ рабочихъ“. Правда, въ ней участвовали только кружковые рабочіе;—но вѣдь въ то время и все сознательное движение ограничивалось кружками. Въ эту кассу поступали деньги изъ кружковыхъ касъ, а изъ нея шли на помощь арестованнымъ и высланнымъ, ихъ семьямъ, словомъ, жертвамъ революціоннаго рабочаго движенія. Касса издавала гектографомъ свои отчеты, на оборотной сторонѣ которыхъ помѣщалась хроника арестовъ, высылокъ, обысковъ...

Прибавлю, что въ описываемое время въ этой кассѣ участвовало немало „стариковъ“, отъ которыхъ съ большими подробностями можно было услышать про тѣ эпизоды изъ прошедшей исторіи петербургскаго движенія, которые приводятся Плехановымъ въ его талантливой брошюрѣ

„Русский рабочий въ революционномъ движениі“. Послѣ народовольческаго погрома въ апрѣль 1894 г. „Объединенная касса“ стала быстро клониться къ упадку. Вмѣсто нея, при новомъ подъемѣ силъ, въ 95 году стала намѣтаться общая организація рабочихъ Петербурга въ видѣ начавшихся общихъ агитационныхъ собраній рабочихъ представителей отъ отдѣльныхъ районовъ (Невской заставы, Нарвской заст. съ огромнымъ Путиловскимъ заводомъ, Выборгской и Петербургской стор.). Но обѣ этой организаціи рѣчь впереди.

Въ январѣ 1894 года я получилъ кружокъ отъ народовольцевъ, которые допустили меня въ качествѣ независимаго соціалиста. Я читалъ съ рабочими „Экономическое ученіе Маркса“ Каутского и рефераты по рабочему вопросу. Хорошо остался у меня въ памяти одинъ рефератъ, который былъ начать съ краткаго очерка народныхъ и нашего революционнаго движеній (главнымъ образомъ по Туну). Пособіями для критики были взяты „Исторія русскаго революционнаго движенія“ Кричевскаго и только что упомянутая брошюра Плеханова. Рефератъ кончался данными изъ нашего промышленнаго развитія и наиболѣе характерными выдержками изъ „Идеи рабочаго сословія“ Лассалля. Въ рефератѣ проводилась мысль, что рабочее дѣло должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что ему должны быть отдаваемы всѣ лучшія силы рабочихъ, что наша задача приложить всѣ усилия для созданія кадра будущей рабочей партіи. Мнѣ такъ хорошо врѣзались въ память разгоряченныя, полныя жизни и силы, лица рабочихъ...

Наши собранія происходили довольно часто. Но въ концѣ марта мой близкій товарищъ изъ народовольцевъ заявилъ мнѣ однажды: „Какъ ни печально, но намъ придется разстаться съ вашимъ кружкомъ. Мы получили его отъ рабочихъ соціалдемократовъ, но взаимная рознь дошла до того, что они отнимаютъ у насъ кружки, предоставленные намъ въ моментъ соглашенія. Итакъ не ходите больше въ вашъ кружокъ отъ нашего имени“. Разумѣется, при первой возможности я отправился къ рабочимъ выяснить дѣло. Они изумились. „Съ народовольцами мы, правда, разошлись, но съ вами, кажется, у насъ не было разногласій, такъ зачѣмъ же вамъ уходить!“ Я былъ уже для нихъ свой, какъ и они для меня, и я остался среди своихъ.

Весной того же года народовольцы выпустили недурной

рабочій сборникъ, составленный изъ описанія русскихъ стачекъ и изъ хроники заграничнаго рабочаго движенія. Это было главнымъ образомъ дѣломъ Зотова, такъ рано и безжалостно умерщвленнаго русскимъ правительствомъ въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости и извѣстнаго петербургскимъ рабочимъ подъ именемъ „Николая Ивановича“.

21 апрѣля 1894 г. послѣдовалъ грандіозный провалъ „Группы народовольцевъ“ и партіи „Народнаго права“, едва успѣвшей извѣстить особымъ манифестомъ о своемъ выступлениі на арену революціонной борьбы. Рабочихъ въ этомъ провалѣ пролетѣло немногого, между ними было и нѣсколько соціалдемократовъ. Не мѣшаетъ здѣсь отмѣтить активныхъ дѣятелей этого провала. Во первыхъ, Кузьма Кузюткинъ (Василій Кузьмичъ Кузьминъ), тотъ самый, на счетъ которого было большое сомнѣніе у нѣкоторыхъ рабочихъ соціалдемократовъ. Онъ предалъ всѣхъ и выдалъ все до мельчайшихъ подробностей. Потомъ онъ служилъ (а можетъ, и сейчасъ служитъ) на ткацкой фабрикѣ Кожевникова. Во вторыхъ, Штрипанъ (Григорій Штрипманъ), оставшійся еще отъ „Земли и Воли“, бывавшій въ ссылкѣ. Ходили слухи, что не безъ его участія обошлись аресты среди рабочихъ въ 1893 году. Я помню, какъ всѣхъ занимала эта личность, и помню всѣ споры на тему, шпіонъ онъ или нѣтъ? Несмотря на эти подозрѣнія съ нимъ вошли знакомство самые выдающіеся изъ рабочихъ, знавшіе его еще со временемъ Казанской демонстраціи. Про него говорили, что видѣли, какъ онъ ходилъ въ охранное отдѣленіе за жалованьемъ, тѣмъ не менѣе не рѣшались прервать съ нимъ всякую связь. (Слишкомъ уже сжились съ нимъ, должно быть).

Штрипанъ въ провалѣ народовольцевъ игралъ крупную роль. Мало того. Это онъ развратилъ молодого и симпатичнаго „Козленка“ (Козлова) и сдѣлалъ изъ него провокатора. Съ помощью его онъ въ томъ же году выдалъ Нарву и Сестрорѣцкъ.

Послѣ провала народовольцевъ, среди рабочихъ ясно уже преобладало соціалдемократическое направленіе. Работа стала вестись главнымъ образомъ самими рабочими. Временно я оставался единственнымъ интеллигентомъ за Невской заставой, если не считать одного народовольца, который теперь уже почти не появлялся среди рабочихъ,

такъ какъ народовольчество совершенно потеряло для себя почву среди рабочихъ Невской заставы. Оставаясь одинъ, я имѣлъ возможность присмотрѣться къ рабочимъ болѣе внимательно, войти въ болѣе тѣсныя личныя отношенія съ ними, взглянуть на нихъ, какъ они были, лучше понять ихъ общій уровень, ихъ потребности и интересы.

В. А. Шелгуновъ былъ положительно самый выдающійся изъ всѣхъ рабочихъ, какихъ я когда-либо зналъ. Онъ рѣшилъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы поддержать, развить и направить, какъ слѣдуетъ, рабочее дѣло. Онъ отдавался всецѣло служенію общему дѣлу рабочаго движенія, не упуская изъ виду ни малѣйшей мелочи фабричной жизни. Объединеніе рабочихъ представителей отдѣльныхъ рабочихъ районовъ Петербурга, начавшееся къ осени 95 года (какъ уже было упомянуто), было обязано ему и его товарищамъ. Въ то же время вы могли увидать его и въ университѣтѣ на защитѣ какой либо интересной диссертациії, и въ аудиторіи высшихъ женскихъ курсовъ на публичныхъ лекціяхъ.

Вообще средній уровень многихъ кружковыхъ рабочихъ былъ довольно высокъ. Многіе изъ нихъ были вполнѣ сознательными людьми. Стремленіе къ образованію кружковъ и къ занятіямъ, къ совмѣстному чтенію было явленіемъ очень распространеннымъ среди механическихъ рабочихъ. Лично я знаю примѣры, когда рабочіе, стоявшіе въ сторонѣ отъ революціонеровъ, соединялись вмѣстѣ для выписки газетъ и журналовъ. Всего чаще выписывали Русскія Вѣдомости, изъ которыхъ съ особеннымъ интересомъ вычитывались корреспонденціі Іоллоса о германскомъ соц.-дем. рабочемъ движеніи. Изъ толстыхъ журналовъ выписывали Русское Богатство. Знаю также случаи подписки на Сѣверный Вѣстникъ. Изъ книжекъ особенной популярностью пользовались изданія Павленкова.

Лѣто 1894 года прошло довольно спокойно въ вербовкѣ рабочихъ для новыхъ кружковъ, которые естественно образовывались около болѣе развитыхъ рабочихъ. Къ лучшей постановкѣ и развитію этого дѣла Ш—въ употребилъ немало усилий. Около него сгруппировались всѣ наличныя силы нашего обширнаго района. Эта-то группа рабочихъ, правда, не одинаково развитыхъ, но уже съ опредѣленнымъ рѣзкимъ направленіемъ мѣстной рабочей организаціи, и послужила центромъ для дальнѣйшей группировки силь.

Эта группа рабочихъ скоро стала оказывать вліяніе и на другіе районы, и такимъ путемъ создавалось мало-по-малу объединеніе.

Самое дѣло образованія кружковъ шло такимъ образомъ. Какой-либо изъ наиболѣе активныхъ рабочихъ присматривался къ своимъ товарищамъ по мастерской (дѣло идетъ главнымъ образомъ о механическихъ рабочихъ), старался войти въ близкія сношенія съ наиболѣе симпатичными и наиболѣе на его взглядъ пригодными рабочими. Онъ пускалъ по рукамъ газету съ интересной статьей, или какуюнибудь книжку, подчасъ и нелегальную, и такимъ способомъ пробовалъ почву. Лѣтомъ рабочіе собирались гдѣ-нибудь на лугу или въ рощѣ, вели общіе разговоры, читали. Иногда устраивались и систематическая чтенія, во время и послѣ которыхъ порой бывали жаркіе споры.

На помощь стоящему во главѣ кружка рабочему приглашали интеллигента, въ большинствѣ случаевъ студента.

Зимой 1894 года работа по организаціи рабочихъ кружковъ и культивированія отдѣльныхъ личностей продолжалась. Но въ ней было замѣтно уже нѣкоторое разочарованіе. Чего-то не достаетъ! Но чего? Это стало мало-по-малу выясняться и, какъ мнѣ кажется, два событія помогли выясненію. Это были: „безпорядки“ на „Невско-механическомъ заводѣ московского товарищества“ (бы ш. Семянникова) за Невской заставой и стачка въ порту.

Картина „безпорядковъ“ на Невско-механическомъ заводѣ до сихъ поръ живо сохранилась въ моей памяти. Подъ самое Рождество (1894 г.) я отправился къ рабочимъ, причёмъ сильно запоздалъ, благодаря преслѣдованію сыщиковъ. Проѣхавши нѣкоторое разстояніе на паровой „конкѣ“ по Шлиссельбургскому тракту, я вышелъ недалеко отъ дома одного рабочаго. Дома его не засталъ.

— Онъ убѣжалъ на пожаръ, на Семянниковомъ что-то неладно,—сказала мнѣ его хозяйка.

И дѣйствительно, выйдя снова на Шлиссельбургскій проспектъ, я замѣтилъ необычное оживленіе. У воротъ то и дѣло попадались группы рабочихъ, о чёмъ-то оживленно толковавшихъ. Эти группы попадались все чаще и чаще по мѣрѣ моего приближенія къ Семянниковскому заводу. Мимо меня въ карьеръ, съ шумомъ и гикомъ, пронеслась сотня казаковъ, за ней другая съ повозкой для раненыхъ...

— Ну и всыпять же они семянниковцамъ, покажутъ,

откуда ноги растутъ... —раздалось ироническое восклицаніе съ тротуаровъ.

Наконецъ, я у завода. Тутъ стояли тысячныя толпы. У ограды завода въ два ряда стояли спѣшившіеся казаки, при ружьяхъ, офицеры были на лошадяхъ... Тутъ же отряды полицейскихъ. Я взлѣзъ на имперъяль паровой конки (3 вагона), остановленной рабочими при помощи баррикады изъ чухонскихъ саней. Съ имперъяла я хорошо могъ наблюдать зреюще... Фабричная контора была разнесена, окна и двери выбиты; огня въ нихъ не виднѣлось, но заводъ былъ еще освѣщенъ. Стекла кое-гдѣ были повышены. Главный корпусъ завода былъ оцѣпленъ сотнями казаковъ, жандармовъ и полиціи, а эти, въ свою очередь, были окружены нѣсколькими тысячами рабочихъ. (На Невско-механическомъ заводѣ работало тогда около 3000, но такъ какъ дѣло происходило около 8 часовъ вечера, то къ толпѣ присоединились только что кончившіе работу фабричные).

Вся исторія разыгралась вотъ изъ-за чего. Было уже 2—3 случая, что рабочимъ не выдавали во-время двухнедѣльной платы. Такой порядокъ грозилъ стать обычнымъ. Наступало Рождество. Уже истекъ срокъ получки, а администрація завода отговаривалась неимѣніемъ денегъ. Денегъ не оказалось и наканунѣ праздника, когда онъ особенно нужны рабочимъ.

Въ результатѣ разгромъ конторы, битье стеколь въ фабричныхъ корпусахъ, попытка поджога дома управляющаго—съ одной стороны; окачиваніе рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ (это зимой-то!); казаки, жандармы, полиція... Впрочемъ это не все. За удрашившими въ городъ страха ради конторщиками была послана полиція. Изловленные и окруженные казаками, „данными для прикрытия“, въ трехъ саняхъ конторщики были немедленно доставлены на заводъ. Жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку.

„Бунтъ“ кончился побѣдою, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи „наши“ рабочіе не принимали ровно никакого участія; такъ что даже и при нашихъ россійскихъ порядкахъ отыскивать виновныхъ среди тѣхъ, кто на примѣтѣ у полиціи и заводскихъ „ищеекъ“, было невозможно; никто изъ „нашихъ“ рабочихъ не пострадаль въ данномъ случаѣ.

Но волнение, возбужденное „бунтомъ“ на Семянниковскомъ заводѣ, тѣмъ не менѣе, не прошло безъ слѣда; оно явилось поводомъ едва ли не къ первой попыткѣ соціалдемократовъ оказать воздействиe на болѣе широкій кругъ рабочихъ, о необходимости чего начали уже поговаривать въ это время. На скорую руку была изготовлена агитационная брошюра въ видѣ тетради съ изложеніемъ положенія рабочихъ на Семянниковскомъ заводѣ. Прочитанная на собраніи нѣсколькихъ рабочихъ, она была напечатана съ помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый приемъ соціалдемократовъ, хотя еще пока въ видѣ отдѣльного случая, обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, рассказывали о брошюрахъ, листкахъ и о бунтахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно, большинство рассказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти рассказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы.

Другая „исторія“ (стачка въ порту) произошла на мазсеницѣ. Въ порту нового адмиралтейства, равно какъ и въ его отдѣленіи на „Галерномъ островѣ“ рабочій день былъ съ 7 утра до 6 часовъ вечера и часъ на обѣдъ. При этомъ давалось 15 минутъ льготныхъ, т. е. рабочіе могли приходить въ $7\frac{1}{4}$ час. утра и въ $1\frac{1}{4}$ час. послѣ обѣда. Въ январѣ 1895 года командиръ порта, знаменитый Верховскій, отнялъ льготу, такъ что на работу пришлось являться въ 7 час. утра и въ 1 ч. дня. Въ понедѣльникъ, 6 января были объявлены еще новыя правила: являться на работу въ $6\frac{1}{2}$ час. утра, а время для обѣда было сокращено еще на четверть часа.

Во вторникъ часть рабочихъ пришла на работу по старому. Ихъ не пустили. Ворота были заперты и они были вынуждены заплатить штрафъ, какъ не работавшіе часть дня. Запоздавшихъ собралось человѣкъ 100. Рабочіе просили сторожей впустить ихъ, но получили отказъ. Тогда сми разломали ворота и вошли въ мастерскія. Тамъ они обратились къ работавшимъ товарищамъ, приглашая бросить работу, что немедленно же и было сдѣлано. Администрація немедленно же призвала отрядъ городовыхъ и околоточныхъ съ приставомъ во главѣ. Послѣдовало обычное: „а! вы бунтовать!“ и приличная случаю ругань.

На замѣчаніе со стороны рабочихъ, что они желаютъ не ругаться, а поговорить серьезно о дѣлѣ, приставъ стихъ и сталъ обращаться лишь къ отдельнымъ рабочимъ:

— Ты бунтуешь! Чего тебѣ надобно?

На это каждый отвѣчалъ, что „бунтовать“ онъ не думаетъ, а *надобно* ему лишь исполненіе условій, договоренныхъ администраціей при наймѣ; что желаетъ онъ работать, какъ и прежде, и не согласенъ на прибавку времени. Кромѣ того, одинъ рабочій, отъ имени товарищей, подробно и толково выяснилъ дѣло и высказалъ всѣ требования. Сдѣланная попытка его арестовать не удалась, благодаря сопротивленію со стороны всей массы рабочихъ.

Въ часъ дня былъ данъ гудокъ на работу, но онъ возъимѣлъ какъ разъ обратное дѣйствіе. На слѣдующій день та же исторія, но полицейской ругани уже было не слышно. Порядокъ среди рабочихъ былъ образцовы. Было очевидно, что кто-то умѣло руководитъ движеніемъ. Рабочіе, стоявшіе до 1 часу передъ мастерскими и требовавшіе уступки, немедленно же разошлись по домамъ, лишь только былъ данъ гудокъ „на работу“. *Въ среду* та же исторія.

Въ четвергъ сама администрація „прекратила“ работу до конца недѣли подъ предлогомъ „наступленія масленицы“, а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста рабочіе пошли на работу при старыхъ условіяхъ. Побѣда была одержана, притомъ на казенномъ завоѣ. Кое-кто изъ заводской администраціи получилъ нагоняй за *сочувствіе* къ рабочимъ и за *вмѣшательство въ не свое дѣло*.

Вотъ два, не лишенныхъ важности, событія зимы 94—95 гг. Третьимъ событіемъ была забастовка на бумагопрядильнѣ Воронина.

Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершался переломъ. Все сильнѣе и сильнѣе укрѣпляется мысль, что дѣйствительно сознательный рабочій долженъ ближе стоять къ окружающей жизни, долженъ активнѣе относиться къ нуждамъ и требованіямъ массы рабочихъ и къ повседневнымъ нарушеніямъ всякихъ человѣческихъ правъ; что сознательный рабочій долженъ участвовать въ этой окружающей жизни, а не стояниться отъ нея, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Но какъ участвовать? Что дѣлать? На это не получалось еще вполнѣ опредѣленного отвѣта.

Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла, протестъ противъ безучастія, индиферентизма къ частнымъ случаямъ жизни окружающей массы рабочихъ. Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной“ и „саморазвитіемъ“. Является жажда новой, плодотворной работы. Очевидно, наступилъ переходъ къ новому—агитационному—періоду.

Глава II.

Начало агитационного періода.

Весной и въ началѣ лѣта 1895 года уже громко раздается протестъ: „Довольно кружковщины!“. „У насъ есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти къ агитации!“ Послѣ годичнаго мира опять начались пререканія.

— Къ чорту кружки! Они создаютъ лишь умственныхыхъ эпикурейцевъ. Нужно взамѣнъ ихъ собирать маленькия собранія изъ рабочихъ отъ разныхъ мастерскихъ даннаго завода, а также представителей отъ сосѣднихъ фабрикъ. На этихъ собраніяхъ нужно выяснить и обсуждать свое положеніе, записывать о положеніи дѣлъ тамъ и здѣсь, собирать матеріалы... Надо, по примѣру поляковъ, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерскимъ. Такъ говорили одни, поддерживаемые соціалдемократами интеллигентами, впослѣдствіи положившими начало „Петербургскому Союзу Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“.

Другіе же продолжали держаться кружковъ. Споры продолжались все лѣто и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенціи, работавшей среди рабочихъ. Наконецъ, осенью 1895 года большинство пришло къ такому соглашенію: кружки можно сохранить, но тактику слѣдуетъ измѣнить сообразно назрѣвшимъ потребностямъ времени. Надо начать агитацию, собирая рабочихъ съ сосѣднихъ фабрикъ, а также устраивая собранія представителей разныхъ рабочихъ районовъ. Надо на этихъ собраніяхъ обсуждать общее и частное положеніе рабочаго дѣла. Надо разбрасывать литературу въ возможно большемъ ко-

личествѣ. Кружки остаются, но значеніе ихъ измѣняется. Весь смыслъ ихъ отнынѣ—служить школой для подготовки сознательныхъ и образованныхъ агитаторовъ. Внѣ этой задачи, кружки не имѣютъ значенія. Для агитации необходимы агитаторы, для выработки послѣднихъ—кружки. Значитъ, кружки должны служить цѣлямъ агитациі.

Дѣло на Торнтоновской фабрикѣ было первымъ поводомъ къ формулированію и примѣненію новой тактики, и опять оказался удачнымъ. Но прежде, чѣмъ продолжать свой рассказъ, я упомяну въ немногихъ словахъ о тѣхъ организаціяхъ и группахъ, которые работали среди рабочихъ и отчасти соперничали между собою. Во главѣ всѣхъ и по талантамъ, и по числу, и по вліянію среди рабочихъ, надо поставить группу такъ называемыхъ „стариковъ“, или „старыхъ соціалдемократовъ“, или „литератровъ“ по терминологіи другихъ, изъ которой развился „Петербургскій Союзъ Борьбы“. Она-то и была главной сторонницей новой тактики. Затѣмъ на ряду съ ней существовала другая соціалдемократическая группа „молодыхъ“, къ которой, къ несчастію, принадлежалъ извѣстный своимъ предательствомъ зубной врачъ Михайловъ. Обѣ эти группы имѣли сношенія съ рабочими многихъ районовъ. Была небольшая группа, работавшая только за Невской заставой, затѣмъ смѣшанная группа интеллигентовъ различныхъ оттѣнковъ, ограничивавшаяся лишь кружковыми занятіями съ рабочими и не задававшаяся никакими организаціонными цѣлями. Наконецъ, типографская группа народовольцевъ, имѣвшая въ своей средѣ нѣсколько очень видныхъ по своему развитію рабочихъ, но сосредоточившая свои силы главнымъ образомъ на изданіи хорошей рабочей литературы; чѣмъ облегчалось дѣло пропаганды и агитациі соціалдемократическихъ группъ.

Рабочие, входившие въ составъ рабочихъ кружковъ, организованныхъ Ш—вымъ и его товарищами, составляли, какъ было выше упомянуто, особую группу. Эта группа рабочихъ Невской заставы имѣла связи съ только что перечисленными группами соціалдемократовъ. Однако въ своемъ образѣ дѣйствій она была въ значительной степени самостоятельна, находясь подъ вліяніемъ Ш—ва. Онъ былъ ея единственнымъ вождемъ.

Кромѣ этой соціалдемократической группы рабочихъ Невской заставы, въ это время существовала еще особая

группа независимыхъ рабочихъ, „дикихъ“. Это не было принятъ ими названіемъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ такъ себя называли. Но названіе отвѣчаетъ сущности дѣла, потому я прилагаю его къ нимъ для отличія отъ всѣхъ остальныхъ. „Независимые“ организовали свои собственныe кружки, которые занимались саморазвитіемъ. Интеллигентю они не подпускали къ себѣ, какъ говорится, на пушечный выстрѣлъ. Они сторонились даже сношеній съ нею, а подчасъ даже и съ другими кружковыми рабочими, имѣвшими связи съ интеллигентіей. Впрочемъ, съ Ш—мъ и еще кой съ кѣмъ имѣлись кой-какія сношенія, основанныя скорѣе на личныхъ связяхъ. Во главѣ этого направленія „дикихъ“ стояла довольно характерная и своеобразная личность рабочаго, очень развитаго, но осторожнаго до крайности.

Возвращаюсь къ своему разсказу о торntonовскомъ дѣлѣ. Положеніе торntonовскихъ рабочихъ въ описываемое времѧ* было по истинѣ кабальное. Гнетъ былъ тѣмъ сильнѣе, что фабрика стоитъ совершенно изолированно на правомъ берегу Невы, какъ разъ противъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ многолюдного района, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Рабочіе обязаны жить при фабрикѣ въ скверно устроенному корпусѣ. Какъ отдѣльныя каморки, такъ и общія казармы (для мужчинъ, для женщинъ и парные) биткомъ набиты: воздухъ оставляеть желать много лучшаго. Лавочка фабричная, слѣдовательно, со всѣми „прелестями“. Рабочій день въ то время былъ очень продолжительный. Господствовала особыя искусствая система штрафовъ. Рабочіе могли отлучаться отъ завода, даже въ праздники, не позже, какъ до 11 часовъ вечера. Иначе запоздавшимъ оставалось хоть ночевать на открытомъ воздухѣ, если сторожъ не захочетъ сдѣлать „одолженіе“.

Въ описываемое время прижимки и надувательства фабричной администраціи перешли всякие предѣлы. Благодаря заминкѣ въ сбытѣ, придириались къ самымъ пустячнымъ поводамъ, чтобы расчитывать рабочихъ. Расценки на товары понижались самымъ наглымъ образомъ. Напримеръ, ткался „бiberъ“—ткань опредѣленного качества и длины, скажемъ, 56 арш. Плата съ куска давалась 4 р. 32 к. Черезъ нѣсколько времени администрація фабрики объявляла, что на „бiberъ“ мода прошла. Требуется, моль, „ураль“, а цѣна съ каждого куска будетъ 4 р. 14 к. Ра-

бочіе соглашались работать. Что же оказывалось? — *Новая ткаць* была въ сущности тѣмъ же „баберомъ“, только длина куска увеличивалась аршина на 4—6! Въ результатѣ проценты для хозяевъ получались во истину восхитительные. Господамъ Торнтонамъ было тѣмъ легче практиковать всякия надувательства, что рабочіе были очень неразвиты и забиты, а „казарма“ и „лавочка“ держали ихъ въ тискахъ.

Но мало - по - малу у развитыхъ и организованныхъ рабочихъ изъ-за Невской заставы завязались съ торнтоновцами сношения. Нѣкоторые изъ первыхъ прямо приходили въ казармы къ Торнтону и специально бесѣдовали кое съ кѣмъ изъ тамошнихъ рабочихъ. Благодаря опросамъ, удалось завязать знакомство и заполучить многія цѣнныя свѣдѣнія. На одномъ изъ рабочихъ собраній представителемъ отъ наиболѣе вліятельной соціалдемократической группы интеллигентовъ были окончательно собраны всѣ необходимыя свѣдѣнія о Торнтонѣ. На этомъ собраніи былъ также окончательно выясненъ и рѣшенъ общій образъ дѣйствій и отношеніе къ кружкамъ. Послѣ горячаго спора представителей группы рабочихъ района Невской заставы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ, „старыхъ соціалдемократовъ“, иначе „литераторовъ“, было рѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитациі на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той или иной фабрики. Агитациі должна была вестись путемъ печатанія и разбрасыванья по фабрикамъ листковъ съ изложеніемъ положенія рабочихъ той или иной фабрики и съ ихъ требованіями опредѣленныхъ перемѣнъ.

Листки съ изложеніемъ положенія дѣль и требованій торнтоновскихъ рабочихъ были разбросаны по мастерскимъ и корпусамъ фабрики и произвели огромное впечатлѣніе на рабочихъ. 5-го ноября забастовало 500 ткачей. Прибывшій въ тотъ же день фабричный инспекторъ пытался „убѣдить“ рабочихъ, но они стояли на своемъ. Наконецъ, имъ была слѣдана маленькая уступка, и 8 ноября они снова принялись за работу. Рабочіе успокоились на время, но поліція рвала и метала въ поискахъ „подстрекателей“. Однако, на этотъ разъ „виновныхъ“ не нашли, хотя было арестовано нѣсколько человѣкъ. Но ихъ выпустили за недостаткомъ уликъ. Почти одновременно съ этими арестами былъ выпущенъ новый листокъ, который можетъ служить хорошимъ

образчикомъ немногихъ листковъ, изданныхъ до первого провала группо „старыхъ социалдемократовъ“, среди руководителей которыхъ были и будущіе основатели группы и газеты „Искра“. Привожу этотъ листокъ.

Рабочіе и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всѣхъ насы памятными днями. Ткачи своимъ дружнымъ отпоромъ хозяйствской прижимкѣ доказали, что въ нашей средѣ въ трудную минуту еще находятся люди, умѣющіе постоять за наши общіе рабочіе интересы, что еще не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратить насы окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Будемте-же, товариши, стойко и неуклонно вести нашу линію до конца, будемъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ только общими дружными усилиями. Прежде всего, товариши, не попадайтесь въ ловушку, которую намъ подстроили г.г. Торнтоны. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: „теперь время заминки въ сбыту товаровъ, такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикѣ не получить намъ нашего прежняго барыша... А на менѣй мы не согласны... Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочую братію, пустѣ-ка они своими боками поотдуваются за плохія цѣны на рынкѣ... Только дѣльце это надо обстроить не кое-какъ, а съ умѣньемъ, чтобы рабочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы ему подготавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу,— сразу всѣ и поднимутся, ничего съ ними не подѣлаешь, а вотъ мы сначала объегоримъ бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не увернутся... Стѣсняться съ этими людышками мы не привыкли, да и къ чему? У насы новыя метлы чище мечутъ...“ Итакъ, заболтивъ о благахъ рабочихъ хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для рабочихъ всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткацей... Поэтому, если мы всѣ останемся безучастны къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы выроемъ своими собственными руками яму, въ которую въ скоромъ времени швырнутъ и насы. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почитай что на кругѣ, по 3 р. 50 к. въ полуумѣсяцъ, въ теченіе этого же времени они ухищрялись жить семьями въ 7 человѣкъ на 5 р., семьей же изъ мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили послѣднюю одежонку, прожили послѣдніе гроши, пріобрѣтенные адскимъ трудомъ въ ту пору, когда благодѣтели Торнтоны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало, и на ихъ глазахъ выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйствскаго корыстолюбія, а прижимка росла своимъ чередомъ съ самой безсердечной жестокостью... Въ шерсть стали валить безъ всякихъ оговорокъ поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на полученіе основы, будто ненарокомъ, увеличились, наконецъ, стали прямо сбавлять рабочіе часы, а теперь вводятъ куски изъ 5 шпизъ вмѣсто 9, чтобы ткачъ почаше возился съ хлопотами по полученію и заправкѣ основы, за которыхъ, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморомъ хотятъ извести ткачей и заработокъ къ 1 р. 62 к. въ полуумѣсяцъ, который уже сталъ появляться въ разсчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ заработкомъ ткацкаго отдѣленія. — Товарищи, хотите-ли и вы дождаться такой хозяйствской ласки? А если нѣтъ, если еще, накочеца, не совсѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и

мы, бѣдняковъ, сплотимтесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общія требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевывать себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильного отдѣленія, не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повышеніемъ вашего заработка... Вѣдь почти $\frac{2}{3}$ вашего брата уже разсчитаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработка купленъ цѣною голода выкинутыхъ за ворота нашихъ же прядильщиковъ. Это опять-таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отдѣленіе прежде и сколько оно вырабатываетъ теперь. — Рабочіе новой красильни! Вы вырабатываете цѣной 14 съ $\frac{1}{4}$ ч. ежедневнаго труда, пронизываемые съ ногъ до головы убийственными испареніями красокъ, уже и теперь 12 р. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить конецъ и тѣмъ незаконнымъ вычетамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего мастера. — Чернорабочіе и вообще всѣ неспециальные рабочіе фабрики, неужели вы надѣетесь удержать свои 60—80 к. поденныхъ, когда специалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. въ сутки? — Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйствскую ловушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту зиму. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣнокъ и сопротивляться всѣми силами этому гибельному для насъ стремленію... Будьте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ — это голодная страданія нашихъ семей, лишеніе послѣдняго куска черстваго хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмуть въ первую голову ткачей, и мы должны дѣбиватьсь:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шпице;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работы объявлена величина того заработка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фабричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напримѣръ, работы должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о качествѣ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распределено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напримѣръ, подстроили такъ, что ткачъ на каждомъ кускѣ теряетъ день на получение основы, а такъ какъ кусокъ станетъ меньше почти вдвое, то ткачъ и на этомъ будетъ нести, независимо отъ табели расцѣнокъ, двойную потерю. Хочеть у насъ хозяинъ грабить заработокъ, такъ пусть идетъ въ чистую, такъ чтобы мы твердо знали, что отъ насъ хотятъ отжилить;

4) фабричный инспекторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ расцѣнкахъ не было обмана, чтобы онъ не были двойными. Это значитъ, напримѣръ, что въ табели расцѣнокъ не должно за одинъ и тотъ же сортъ товара, но только съ различными названіями, допускать двухъ различныхъ цѣнъ. Напримѣръ, бисерь мы ткали по 4 р. 32 к., а ураль всего 4 р. 14 к., — разг҃ѣ по работѣ это не одно и то же? Еще болѣе наглымъ надувательствомъ является двойная цѣна работы при товарѣ одного наименованія. Такимъ путемъ г.г. Торнтоны сбхо-

дили законы о штрафахъ, въ которыхъ сказано, что штрафъ можно наложить только за такую порчу работы, которая зависѣла отъ небрежности рабочаго, въ такомъ случаѣ вычетъ долженъ заноситься въ рабочую книжку подъ графою штрафа не позже трехъ дней со дня его наложенія. Всѣ же штрафы вмѣстѣ должны находиться въ строгомъ отчетѣ, и сумма, изъ нихъ составленная, не можетъ идти въ карманъ фабриканта, а должна идти на нужды рабочихъ этой фабрики. А у насъ — посмотрите въ наши книжки—чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всѣхъ хозяевъ предобрѣйши. На самомъ же дѣлѣ они сбоятъ по нашему незнанію законъ и ловко обстраиваютъ свои дѣлишки... Насъ, видите ли, не штрафуютъ, а у насъ производятъ вычетъ, платя по меньшей расцѣнкѣ, и пока существовали двѣ расцѣнки—меньшая и большая—придраться къ нимъ никакъ нельзя, а они себѣ вычитаютъ да вычитаютъ въ свой карманъ;

5) вмѣстѣ съ введеніемъ одной расцѣнки, пусть каждый вычетъ заносится въ графу штрафомъ съ обозначеніемъ, почему онъ произведенъ.

Тогда намъ будетъ видна неправильная штрафовка, меньше будетъ пропадать даромъ нашего труда и уменьшится число такихъ безобразій, которыя творятся въ настоящее время, напримѣръ, въ красильной, где рабочіе вырабатывали меньше по винѣ неумѣлого мастера, что по закону не можетъ быть причиной неоплаты труда, такъ какъ тутъ небрежность рабочаго не при чёмъ. А мало ли у всѣхъ настъ такихъ вычетовъ, въ которыхъ мы ничуть не виноваты?

6) Мы требуемъ, чтобы за квартиру съ насъ брали столько, сколько брали до 1891 года, т. е. по 1 р. съ человѣка въ мѣсяцъ, потому что платить 2 рубля при нашемъ заработкѣ положительно не изъ чего, да и за что?.. За эту грязную, вонючую, тѣсную и опасную въ пожарномъ отношеніи конуру? Не забывайте, товарищи, что во всемъ Питерѣ плата по 1 р. въ мѣсяцъ считается достаточной, только сдни наши заботливые хозяева не довольствуются ею и мы должны ихъ заставить прекратить и здѣсь свою алчность. Защищая свои требованія, товарищи, мы вовсе не бунтуемъ, мы только требуемъ, чтобы намъ дали то, чѣмъ пользуются уже всѣ рабочіе другихъ фабрикъ по закону, что отняли у насъ, надѣясь лишь на наше неумѣніе отстоять свои собственные права. Докажемъ же на этотъ разъ, что наши „благодѣтели“ ошиблись.

10 ноября произошелъ такъ называемый „бунтъ“ папироносницъ у Лафера. Волненія происходили еще въ августѣ. Введенія только что машины сильно увеличили количество брака, а браковка производилась со всякими плутнями и придирками. И зачастую „бракованная“ папироны продаивались за первый сортъ. Выведенія изъ терпѣнія непосильными штрафами, браковкой, низкой платой и грубымъ обращеніемъ, работницы рѣшили бастовать. Забастовка вышла бурная: стекла бились, выламывались рамы: папиросная бумага, табакъ, обломки мебели летѣли на улицу... Требовали уничтоженія штрафовъ и недобросовѣстной браковки. Въ результатѣ — жандармы, полиція, пожарные трубы, пло-

скія выходки градоначальника Валя, аресты, это—съ одной стороны; съ другой стороны,—циркуляръ фабричной инспекціи, запрещающей фабрикантамъ произвольно браковать товаръ и приказывающей записывать штрафныя суммы въ шнуровую книгу и употреблять ихъ на нужды рабочихъ.

Вскорѣ послѣ этого происходила трехдневная стачка на фабрикѣ „Т-ва механическаго производства обуви“, сопровождавшаяся уступками администраціи.

Листки, а потомъ уступки производили какое-то магическое дѣйствіе на рабочихъ: подымалась энергія, появлялась вѣра въ возможность бороться, вѣра въ силу массового натиска и въ силу единенія. Дѣло объединенія рабочихъ разныхъ районовъ Петербурга и созданія общей организаціи подвигалось впередъ. Настроеніе среди организованныхъ рабочихъ было самое бодрое. Наконецъ-то найдено средство примѣнять свои силы, развитіе и знанія, накопившіяся за время чисто кружковой жизни. На одномъ изъ собраній, происходившемъ въ ноябрѣ, было до 10 представителей отъ разныхъ рабочихъ районовъ и отъ соціалдемократической группы „стариковъ“. На собраніи сообщалось о положеніи дѣль въ Петербургѣ, въ различныхъ его районахъ и въ отдѣльныхъ заведеніяхъ: каково тамъ положеніе труда и условія работы, отношеніе администраціи и рабочихъ другъ къ другу? Гдѣ ссобенно замѣчается недовольство, причины и слѣдствія ихъ? Гдѣ имѣются связи и можно ли надѣяться на хорошій успѣхъ агитациі? На этомъ же собраніи былъ поставленъ вопросъ объ общей петербургской рабочей кассѣ, т. е. возобновленіи и дальнѣйшемъ развитіи года уже полтора прекратившей свое существованіе „Объединенной кассы петербургскихъ рабочихъ“. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ со стороны рабочихъ района Невской заставы. Они настаивали на организаціи общей самостоятельной боевой рабочей кассы, и въ подтвержденіе ея цѣлесообразности говорили, что такая касса послужить средствомъ для дальнѣйшаго объединенія рабочихъ, какъ кружковыхъ, такъ и единицъ изъ остальной массы. Представители же отъ группы интеллигентовъ, отрицая значеніе этой кассы, какъ средства объединенія рабочихъ, проводили идею, чтобы всѣ деньги шли къ нимъ, въ соціалдемократическую кассу, и оттуда выдавались бы членамъ мѣстныхъ группъ на нужды ихъ района. Разговоры о кассѣ ни къ чему рѣшительному не привели, всякий остался при своемъ

мнѣніи, а группа рабочихъ Невской заставы рѣшила основать свою особую районную рабочую кассу.

Благодаря провокаторству зубного врача Михайлова, 8-го декабря и 4-го января 1896 г. были произведены большие аресты. Вместѣ съ тѣмъ былъ захваченъ и совершенно готовый къ печати № 1 „Рабочаго Дѣла“, газеты, которую предполагала издавать группа „старыхъ“ соціалдемократовъ. Аресты захватили въ общей сложности 115 человѣкъ. Но полиція и жандармерія очень ошиблись въ своемъ расчёте: массового движенія не задавиши арестомъ отдѣльныхъ личностей. И дѣйствительно, движеніе не только не улеглось, но разлилось, словно пожаръ, по всему Петербургу, по всѣмъ его районамъ. Этому въ высшей степени способствовала усвоенная тактика широкой агитациіи путемъ листковъ, которые стали уже во множествѣ появляться отъ имени „С.-Петербургскаго Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Вотъ прокламація, которою Союзъ официально объявилъ 15 декабря 1895 г. о своемъ существованії:

Отъ Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

„Товарищи и рабочие!

Стачки послѣдняго времени привели въ необычайное смущеніе нашихъ капиталистовъ хозяевъ. Съ ужасомъ увидали сми, что петербургскіе рабочіе начинаютъ бороться противъ невыносимаго гнета. Подъ вліяніемъ страха, Товарищества Лафермъ и Торнтонъ попытались кое-какими уступками успокоить выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ; при видѣ волненія, вызванного на Путиловскомъ заводѣ листками, заводское управлениѳ поспѣшило уменьшить объявленную сбавку. Сама фабричная инспекція стала тщательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, и на дняхъ въ особомъ циркулярѣ фабричный инспекторъ призналъ незаконность тѣхъ браковокъ, противъ которыхъ поднялись мастерицы фабрики Лафермъ. Но уступивъ тамъ, гдѣ опасно было не уступать, капиталисты обратились къ правительству за помощью противъ осмѣлившихся пошевелиться рабочихъ. Вѣрныя своему долгу—оберегать интересы богачей, власти горячо принялись за дѣло, чтобы на будущее время избавить г.г. Торнтоновъ отъ непріятныхъ уступокъ ненавистнымъ рабочимъ. Какъ же сдѣлать, чтобы впредь не было такихъ стачекъ? По мнѣнію жандармовъ, стачки и беспорядки вызываются не нищетой и страданіями тѣхъ, чьимъ трудомъ живетъ все общество, по мнѣнію ихъ, все это дѣло „подстрекателей“, безпокойныхъ людей. Еще-бы. Кто, какъ не „подстрекатели“, распространяютъ при каждой новой прижимкѣ тѣ возвзванія, отъ одного вида которыхъ у капиталистовъ дыбомъ встаютъ волосы?

И вотъ, чтобы разомъ вырвать съ корнемъ зло, въ ночь съ 8 на 9 декабря по всѣмъ концамъ города жандармы произвели набѣги. Десятки подозрѣваемыхъ людей брошены въ тюрьмы, фабрики наводнены шпionами. „Порядокъ водворенъ, стачекъ больше не будетъ, листки исчезнутъ“,—такъ думаютъ капиталисты въ то время, какъ ихъ поли-

цейские друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной наградѣ за дикое усердіе. Сейчасъ же послѣ арестовъ г.г. Торнтоны выбрасываютъ передъ праздниками на улицу нѣсколько десятковъ ткачей изъ числа стачечниковъ, вымѣщая на нихъ свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальникъ любезно предлагаетъ имъ единственную помощь—даровой билетъ на родину, въ голодающую деревню. Денежный кошелъ и полицейскій мундиръ не знаютъ жалости. Тѣмъ не менѣе стачки не прекращаются. Поговариваютъ о новыхъ волненіяхъ на фабрикѣ Лафермъ, о стачкѣ на лѣсопилкѣ Лебедева и на Сампсоньевской мануфактурѣ. А листки появляются по прежнему, читаются и встрѣчаются повсюду сочувствіе и Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса, который ихъ распространяетъ, остается невредимъ и будетъ продолжать свое дѣло. Полиція ошиблась въ адресѣ. Арестами и высылками не подавятъ рабочаго движенія: стачки и борьба не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное освобожденіе рабочаго класса изъ-подъ гнета капитала. *Товарищи, будемъ же по прежнему дружно защищать свои интересы!*

Дня черезъ 3—4 или около того, Союзъ выпустилъ большой листокъ „ко всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ“, въ которомъ излагались события послѣднихъ мѣсяцевъ и указывалось, какъ ведутъ себя относительно рабочихъ капиталисты, фабричные инспектора, градоначальникъ и вообще полиція.

„Присмотритесь къ своей жизни, товарищи, — говорится въ концѣ листка, — и вы' увидите, что условія жизни всѣхъ настъ плохи. Развѣ не совершается уже 2—3 года постоянное, быстрое пониженіе платы на Путиловскомъ заводѣ, развѣ у Максвеля не дѣлаютъ того же, что у Торнтона, пуская подъ видомъ нового сорта, съ болѣе дешевой оплатой труда, старый сортъ ткани, развѣ на казенныхъ заводахъ, на Балтийскомъ, Александровскомъ, Патронномъ, въ Порту не уменьшаютъ заработки тѣмъ или инымъ способомъ?“

Всюду одно и то же, пусть же всюду рабочіе слѣдуютъ примѣру своихъ товарищ, работающихъ у Торнтона, Лаферма и т. д. Насть вездѣ норовятъ прижать — будемте повсюду давать отпоръ. Не потому ли мы до сихъ поръ такъ мало боролись со своими хозяевами, что слишкомъ еще мало столковались между собою, слишкомъ еще мало между нами единенія, слишкомъ мало вѣры въ то, что сообща сумѣемъ добиться лучшей доли, что въ соединеніи наша сила? При каждомъ новомъ набѣгѣ нашихъ благодѣтелей на наши карманы будемъ сковѣваться о томъ, какъ дать отпоръ, будемъ бороться единодушно, не будемъ прекращать борьбы, пока не добьемся своего. Чтобы избѣжать поводовъ для вмѣшательства грубой военной силы, будемъ вести свою борьбу спокойно, безъ беспорядковъ и насилий.

Держитесь дружно, товарищи! Не давайте себя въ обиду и пусть всякая новая прижимка хозяевъ застигнетъ васъ единодушными и готовыми бороться...

Отъ Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ зимы въ началѣ 1896 года. Однако, я не могу не упомянуть о нѣ-

которыхъ событіяхъ, а главное о томъ общемъ настроеніи, которое складывалось среди петербургскихъ рабочихъ подъ вліяніемъ агитационной дѣятельности Союза. Отдѣльныя забастовки были на ткацкой фабрикѣ Лебедева, у Кенига, на Сампсоньевской мануфактурѣ, на бумагопрядильнѣ Воронина, въ Новомъ Адмиралтействѣ, на Александровскомъ чугунномъ заводѣ (въ апрѣлѣ), опять у Воронина (въ апрѣль же), на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ (5 апрѣля), на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Балтійскомъ судостроительномъ, вновь у Лаферма... Всякій разъ или до стачки или во время и послѣ ея на сцену выступали листки Союза съ изложеніемъ дѣла и требованій рабочихъ и съ приглашеніемъ твердо и дружно стоять за рабочее дѣло. Союзъ старался не пропустить ни одного случая безобразій фабричной жизни, чтобы не указать на него рабочимъ. Попутно на примѣрахъ разъяснялась и та роль, которую играютъ правительственные власти во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Впрочемъ, пока дѣло ограничивалось лишь указаніемъ на роль полиціи, жандармеріи и фабричныхъ инспекторовъ, ибо съ представителями высшей власти рабочіе столкнулись лицомъ къ лицу лишь во время лѣтнихъ стачекъ 1896 года, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Надо замѣтить, что репутація Союза гремѣла по всему Петербургу и о листкахъ шли разговоры по всѣмъ фабрикамъ. Рабочіе тѣхъ фабрикъ, где не было никого, кто бы имѣлъ сношенія съ Союзомъ, молили всѣхъ боговъ, чтобы и къ нимъ какъ-нибудь проникли „студенты“ со своими листками.

Вотъ какъ сами рабочіе описываютъ день первого появленія листковъ на какой-нибудь фабрикѣ: „Съ самаго утра начинается необычное праздничное оживленіе. „Листки!“ слышится то шепотомъ, то вполголоса. Тутъ и тамъ кучки, происходитъ чтеніе вслухъ. Кучки дѣлаются все гуще и гуще. „Ловко!“ „Такъ, такъ!“ „Совершенно вѣрно!“ и другое возгласы прерываются чтеніе. „Къ директору! послать къ директору!“ Но... посыпать не приходится. Заводскіе ищѣйки уже все пронюхали и донесли, кому слѣдуетъ. Начинается переполохъ. Мастера, директора, хозяинъ — все приходитъ въ движение. Посыпаются гонцы во всѣ стороны — къ жандармамъ, въ полицію, къ фабричному инспектору. Впрочемъ, послѣдніе иногда даже предупреждаютъ приглашеніе, ибо

Союзъ потомъ усвоилъ обыкновеніе разсыпать листки по почтѣ фабричнымъ инспекторамъ, въ жандармское управліе и градоначальнику, иногда министрамъ.

На заводѣ наѣзжали власти всѣхъ сортовъ. На глазахъ у рабочихъ фабричная инспекція и жандармскій полковникъ производили изслѣдованія, пробовали тухлую некипяченую воду въ бакахъ, свѣшивали гири, провѣряли вѣсы, мѣряли куски... Словомъ, эффектъ получался полный. Настроеніе у рабочихъ было самое радостное, особенно когда послѣ всей этой встряски уничтожались уже очень очевидныя злоупотребленія.

Во время стачки обыкновенно рабочими посыпался листокъ къ директору чрезъ сторожа или какого-либо мелкаго служителя. Рабочіе воздерживались отъ единоличнаго разговора съ заводскими или съ полицейскими властями; и если ихъ спрашивали, чего вамъ надо, то обыкновенно всѣ кричали: „все, что надо, прописано, читайте сами“. Если же власти задавали вопросы, на которые приходилось отвѣтить, то у рабочихъ выработался обычай: отвѣщающаго окружала густая толпа, чтобы не видно было его лица, чтобы не могли его расчитать.

Я приведу еще разсказъ одной знакомой, очень хорошо характеризующій то впечатлѣніе, которое производили листки и всѣ слѣдующія за ними передряги даже на пожилыхъ и отупѣвшихъ на фабричной работе рабочихъ. Моя знакомая какъ-то увидѣла у своей кухарки ея брата, рабочаго съ прядильной фабрики. Онъ былъ совсѣмъ не затронутый пропагандой и пожилыхъ лѣтъ. Моя знакомая разговорилась съ нимъ о его работе и пр. И тутъ-то рабочій разошелся.

— Вы подумайте, какія у насъ времена-то! — рассказывалъ рабочій. — Раньше мы работали, работали, свѣту не видѣли. Своими глазами видишь, какъ надуваютъ, а что подѣлаешь? Теперь не то! Теперь какъ пріѣдетъ инспекція, да полковникъ, да начнутъ вездѣнюхать — администрація-то на ципочекахъ заходитъ. Чудно! Прежде тамъ и тутъ видишь прижимку, фальшь — вниманія не обращаешь, привыкли! А теперь малый мальчишка пархатый, и тотъ вездѣ все замѣтить, да подмѣтить. Въ Союзъ, слышишь-ли, говорить, надо дать знать.

— Кто же распространяетъ листки?

— Студенты, надо полагать. Дай, Господи, доброго здоровья тѣмъ людямъ, которые эти листки печатаютъ.

И рабочій истово перекрестился.

Особенно много шума надѣлалъ майскій листокъ Союза, распространенный 19 апрѣля (96 г.) въ количествѣ нѣсколько-^икихъ тысячъ по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ, гдѣ только имѣлись связи. Многіе рабочіе потомъ говорили, что если бы не майскій листокъ, то, можетъ быть, не было бы и лѣтнихъ, стачекъ. Вѣроятно, это мнѣніе преувеличено, но оно характерно. Привожу этотъ листокъ.

Рабочій праздникъ первого мая (по нашему 19 апрѣля).

Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе; оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. Какую же мѣду получаемъ мы за нашъ каторжный трудъ? — По справедливости мы должны бы жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и ужъ во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насыщномъ. Но всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что нашей заработной платы хватаетъ едва на то, чтобы существовать. Наши хозяева понижаютъ расцѣнки, заставляютъ работать сверхурочное время, несправедливо штрафуютъ, словомъ притѣсняютъ насъ всячески, а въ случаѣ неудовольствія съ нашей стороны, разсчитываютъ безъ разсужденія.

Мы много разъ убѣждались, что всѣ, къ кому мы обращались за защитой, оказываются прислужниками и друзьями хозяевъ. Насъ рабочихъ держать во тьмѣ, намъ не даютъ знанія, чтобы мы не надѣялись бороться за улучшеніе своего положенія. Насъ держать въ неволѣ, прогонять съ работы, высылаютъ и арестуютъ всякаго, кто даетъ отпоръ притѣсненіямъ, намъ запрещаютъ бороться. Тьма и неволя—вотъ тѣ средства, которыми держать насъ въ угнетеніи капиталисты и все дѣлающее въ угоду имъ правительство. Какое же есть у насъ средство, чтобы улучшить свое положеніе, повысить заработную плату, сократить рабочій день, защититься отъ оскорблений, читать умныя книги? Противъ насъ всѣ — и хозяева, потому что имъ жить тѣмъ лучше, чѣмъ хуже намъ, и всѣ ихъ прислужники, всѣ тѣ, кто живеть подачками капиталистовъ и въ угоду имъ держить насъ въ невѣжествѣ и неволѣ. Намъ неоткуда ждать помощи, мы можемъ надѣяться только на самихъ себя. Наша сила въ единеніи, наше средство — *дружное, единодушное и упорное сопротивленіе хозяевамъ*. Они-то давно уже поняли, въ чемъ наша сила и всячески стараются разъединить насъ, не дать намъ понять, что у насъ, рабочихъ, одни общіе интересы. Они понижаютъ расцѣнки, но не всѣмъ сразу, а по одиночкѣ; заводятъ старшихъ; вводятъ поштучную плату, а сами, посмѣиваясь въ бороду, видя, какъ нашъ братъ надрывается надъ работой, исподволь понижаютъ расцѣнки. Ну да не все же коту масленица! Всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Въ минувшемъ году русскіе рабочіе показали своимъ хозяевамъ, что покорность рабовъ смѣняется въ нихъ стойкимъ мужествомъ людей, неподдающихся наглости жадныхъ до дарового труда капиталистовъ. Въ разныхъ городахъ воз-

никло мчожество стачекъ: въ Ярославль, Тейковъ, Иваново-Вознесенскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Киевѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Большинство стачекъ кончилось удачно для рабочихъ; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самомъ дѣлѣ онъ страшно пугаютъ хозяевъ, приносятъ имъ большие убытки и заставляютъ изъ страха передъ новой стачкой идти на уступки. Фабричные инспекторы тоже начинаютъ суетиться и замѣтать бревна въ глазу фабрикантовъ. Они бываютъ слѣпы до тѣхъ поръ, пока рабочіе стачки не откроютъ имъ глаза. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить фабричнымъ инспекторамъ безобразіе на фабрикѣ такихъ вліятельныхъ особъ, какъ господинъ Торнтонъ, или акціонеры Путиловскаго завода? Надѣвали мы хлопотъ хозяевамъ и у насъ въ Петербургѣ. Стачка ткачей у Торнтона, папиросницъ у Лаферма, прядильщиковъ у Лебедева, на фабрикѣ механическаго производства обуви, волненія рабочихъ у Кенига, Воронина и въ Порту показали, что мы перестали быть безответственными страстотерпцами и принялись за борьбу. Какъ извѣстно, рабочіе изъ многихъ фабрикъ и заводовъ обратили на насъ Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, съ цѣлью газоблачать всѣ злоупотребленія, искоренять безобразія, бороться съ наглыми притѣщеніями и прижимками нашихъ безсовѣстныхъ эксплуататоровъ хозяевъ и добиться полного освобожденія отъ ихъ власти. Союзъ распространяетъ листки, при видѣ которыхъ трепещутъ сердца хозяевъ и ихъ грислужниковъ-властей. Не листки имъ страшны, а возможность нашего дружного сопротивленія, проявленія нашей могучей силы, которую мы имъ не разъ показали. Мы, петербургскіе рабочіе, члены Союза, приглашаемъ всѣхъ остальныхъ нашихъ товарищей присоединиться къ нашему союзу и способствовать великому дѣлу объединенія рабочихъ для борьбы за свои интересы. Пора и намъ, русскимъ рабочимъ, разорвать цѣпи, которыми спутали насъ капиталисты и правительство, чтобы держать въ угнетеніи, пора и намъ присоединиться къ борьбѣ нашихъ братьевъ-рабочихъ другихъ государствъ, стать съ ними подъ общее знамя на которыхъ написано: *Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!*

Во Франціи, Англіи, Германіи и другихъ странахъ, гдѣ рабочіе уже объединились въ сильные союзы и завоевали себѣ много правъ, они устраиваютъ 19 апрѣля (по заграничному первого мая) всеобщій праздникъ труда.

Бросивъ душные фабрики, они, съ музыкой и знаменами,стройными толпами проходятъ по главнымъ улицамъ города, показывая хозяевамъ все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленныя и многолюдныя собрания, гдѣ говорятъ рѣчи, пересчитывая побѣды надъ хозяевами, одержанныя въ минувшемъ году и намѣчая планы борьбы въ будущемъ.

Подъ страхомъ стачки ни одинъ хоз инъ не штрафуетъ рабочихъ неявившихся въ этотъ день на работу. Въ этотъ день рабочіе напоминаютъ также хозяевамъ свое главное требование: ограниченія рабочаго дня 8 часами: 8 часовъ работы, 8 часовъ сна и 8 часовъ отдыха. Всѣ о чёмъ заявляютъ теперь рабочіе другихъ государствъ. Было время, и не такъ давно, когда они такъ же, какъ мы теперь, не имѣли права заявлять о своихъ нуждахъ, такъ же были подавлены нуждой и разъединены, какъ мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себѣ право обсуждать сообща свое рабочее дѣло. Пожелаемъ же нашимъ братьямъ въ другихъ странахъ, чтобы борьба

привела ихъ скорѣе къ желанной побѣдѣ, къ тому времени, когда не будетъ ни господъ, ни рабовъ, ни рабочихъ, ни капиталистовъ, а всѣ будуть одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи! Если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ всѣхъ капиталистовъ всего міра. И подымется наша мускулистая рука, и падутъ позорныя цѣпи неволи; подымется на Руси рабочій народъ и затрепещутъ сердца капиталистовъ и всѣхъ прочихъ враговъ рабочаго класса.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

19 апреля, 1896 года.

Такимъ путемъ Союзъ Борьбы велъ свою работу, пользуясь всякими случаями, чтобы сдѣлать сознательной и планомѣрной начавшуюся борьбу рабочихъ. Союзъ указалъ рабочимъ, какъ бороться, научилъ рабочихъ формулировать ихъ требованія,—въ этомъ была его великая заслуга.

ГЛАВА III.

Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г.

„...Жаль, что у насъ трудно устраивать кассы на случай стачки. Будь у насъ хлѣбъ, мы не прекратили бы стачки и царское правительство не могло бы похвастать своими разумными мѣрами. (Слова одного рабочаго).

Весна была въ полномъ разгарѣ. Приближалось лѣто. Пришло торжество коронаціи, стоявшее тысячъ искалѣченныхъ труповъ и нѣсколькихъ десятковъ миллионовъ рублей. Не успѣлъ еще слухъ о московскихъ кровавыхъ событияхъ облетѣть всю Россію, какъ разразились петербургскія стачки.

Почвой для стачекъ были давно уже ставшія невыносимыми условія труда на бумаго-предильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ Петербурга. Хотя въ теченіе года, благодаря частичнымъ забастовкамъ и листкамъ, уничтожены были кое-какія вопіючія безобразія, но низкій заработокъ и длинный рабочій день оставались по прежнему. Между тѣмъ, рабочіе уже нѣсколько искусились въ борьбѣ... Непосредственнымъ толчкомъ, поводомъ и предлогомъ къ забастовкамъ были вынужденно-безработные коронаціонные дни, за

которые фабриканты отказались выдать обычную заработную плату.

Эти стачки, какъ и большинство массовыхъ движений, начались и шли какъ-то стихійно, выдвигая временныхъ вождей изъ рабочей среды. Хотя Союзъ, благодаря агитационной работѣ въ теченіе цѣлой зимы, и далъ рабочимъ методъ борбы, создалъ нѣкоторое общее настроеніе, но онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы руководить такимъ широкимъ движениемъ. Силы молодой, неокрѣпшей, постоянно опустошающей арестами организаціи уходили цѣликомъ на агитационную работу. Въ этомъ была и ея слабая сторона: у Союза было въ то время мало рабочихъ кружковъ, и рабочіе, принадлежащіе къ Союзу, были скорѣе агентами по сбиранію свѣдѣній о положеніи дѣлъ и по распространенію книгъ и напечатанныхъ уже листковъ, чѣмъ организаторами и пропагандистами среди массы рабочихъ. Притомъ же, чтобы руководить стачкой, всякая организація должна обладать материальными средствами для ея поддержанія. У Союза, конечно, не было этихъ средствъ, ибо что значать какіе-нибудь 3000 рублей для поддержанія семей 30000 забастовавшихъ рабочихъ! Въ силу этихъ главныхъ условій и кой-какихъ случайныхъ причинъ, роль Союза во всѣхъ этихъ стачкахъ можно скорѣе назвать вспомогательною, чѣмъ руководящею.

Стачки начались на Обводномъ каналѣ, 23-го мая на „Россійской“ мануфактурѣ (она же Калинкинская) подручные явились въ контору и потребовали уплаты за коронаціонные дни. Контора выдала деньги. Подоспѣль фабричный инспекторъ. Подручные заявили, что они требуютъ также уплаты за тѣ лишнія минуты, которыя они работаютъ ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положенного времени. На фабрикѣ шло сильное волненіе. На другой день, проработавъ до обѣда, фабрика стала до 27-го числа. Въ этотъ день опять было начали работать, но послѣ обѣда всѣ окончательно бросили работу. Волненіе быстро распространялось на другія фабрики, и въ тотъ же день 27-го забастовала большая „Екатерингофская“ мануфактура. Затѣмъ въ слѣдующіе дни присоединились двѣ „Кениговскихъ“, „Митрофаньевская“, „Тріумфальная“, „Новая“, „Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводного канала“, а также „Невская“ мануфактура около Смольного (двѣ фабрики Штиглица).

Послѣ „Воззванія къ рабочимъ“, рукописной прокламації *) рабочаго Невской заставы къ своимъ товарищамъ, съ сообщеніемъ о дѣлахъ на Обводномъ каналѣ и съ призывомъ примкнуть, началась стачка и за Невской заставой (стачка на мануфактурахъ Спасской, Петровской, Паля, волненія на заводахъ Александровскомъ, Семянниковскомъ и Обуховскомъ).

Въ послѣднихъ числахъ мая рабочие представители забастовавшихъ заведеній собирались въ количествѣ около ста человѣкъ въ Екатерингофскомъ паркѣ, тамъ сообща выработали свои требованія и передали Союзу. Первая прокламація Союза „Чего требуютъ рабочие петербургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ“ была выпущена 30-го мая. Привожу ее здѣсь:

Чего требуютъ рабочие Петербургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ.

- 1) Мы хотимъ, чтобы рабочій день у насъ продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра до 8 ч. вечера.
- 2) Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался $10\frac{1}{2}$ час. вмѣсто 13 час.
- 3) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы наши заработки не уменьшились бы.
- 4) Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа.
- 5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и непускали ихъ въ ходъ раньше времени.
- 6) Чтобы заработки за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.
- 7) Чтобы было заплачено сполна за коронаціонные дни.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

30-го мая 1896 г.

Черезъ день былъ выпущенъ новый листокъ:

Къ рабочимъ всѣхъ Петербургскихъ бумагопрядиленъ.

Долго терпѣли мы, рабочие Петербургскихъ бумагопрядиленъ, и, наконецъ, не выдержали. Невтерпежъ намъ больше стало работать до

*) Вотъ эта прокламація: „Товарищи! Я хорошо въ томъ увѣренъ, что очень немногіе изъ васъ знаютъ о томъ, что дѣлается на Обводномъ каналѣ. Тамъ съ обѣда во вторникъ работала одна только Новая бумагопрядильная фабрика, а всѣ остальные не работали. Вы меня, конечно, спросите, какъ и почему онѣ не работали? Очень просто, товарищи; тамъ, какъ видно, наши братья рабочіе поняли, что 15 часововой рабочій день выгоденъ для хозяевъ, но слишкомъ вреденъ для рабочихъ. Вотъ это-то человѣческое сознаніе и побудило ихъ прекратить работы и требовать сокращенія рабочаго дня на $2\frac{1}{2}$ час.

Товарищи! Послѣднемъ же и мы ихъ примѣру, потребуемъ и мы дружно, въ одинъ голосъ сокращенія рабочаго дня на столько же, на сколько требуютъ наши ново-канавскіе братья, т. е. на $2\frac{1}{2}$ часа. Довольно съ нихъ и того, что они будутъ пить нашу кровь 10 или 11 час., а никакъ не 14 и 15 час. въ сутки“

изнеможенія силъ, сносить хоziйскія прижимки, видѣть, какъ каждый день насть обсчитываютъ и обвѣшиваютъ, какъ чуть не каждые полгода сбавляютъ расцѣнокъ. А въ послѣдніе дни пуще прежняго проявилась жадность хозяевъ. Жалко нашимъ богачамъ стало даже тѣхъ грошей, что причитались намъ за дни коронаціи; не захѣтили они и отдохнуть-то дать хорошенько отъ работы; такая, молъ, это скотина, что въ отдыхѣ особенно не нуждается.

Довольно! сказали мы тогда себѣ. Довольно мы молча и безропотно слушались нашихъ хозяевъ! Долго мы ждали отъ нихъ улучшения своего положенія, но ничего не дождались. И рѣшили мы сами добиваться всего. Не хотять они уступить, будемъ мы требовать. А нужно намъ требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочій день продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера съ полутора-часовымъ перерывомъ на обѣдъ, т. е. всего $10\frac{1}{2}$ часовъ; чтобы въ субботу вездѣ шабашили въ 2 часа.

2) Чтобы расцѣнки были говыщены такъ, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены всѣ несправедливыя, незаконныя прижимки и чтобы было заплачено за коронаціонные дни.

Будемъ спокойно выжидатъ, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступять они черезъ недѣлю, будемъ ждать вторую; не сдадутся на второй, подождемъ третью; не согласятся и тогда, еще будемъ ждать. Довольно съ нихъ будетъ нашего каторжного труда и въ теченіе $10\frac{1}{2}$ часовъ! Достаточно они прибыли и безъ того отъ насть имѣютъ.

Товарищи, будемъ помнить, что взоры рабочихъ всего міра обращены теперь на насть. Они съ восторгомъ привѣтствуютъ въ насть борцовъ за рабочее дѣло. Петербургскіе рабочіе всячески стараются прійти къ намъ на помощь, устраивая по мастерскимъ сборы въ нашу пользу.

Покажемъ и мы, что рабочій народъ умѣеть добиваться исполненія своихъ требованій, будемъ дѣйствовать дружно и спокойно, безъ буйства и насилий, и побѣда навѣрное останется за нами!

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

1-го іюня 1896 г.

За стачками на Обводномъ и за Нарвской и Невской заставами, забастовка распространилась въ первыхъ числахъ іюня на Выборгскую и Петербургскую стороны (мануфактуры: „Сампсоньевская“ „Новая Сампсоньевская“, „Охтенская“, „Бека“, „Невка“), захватила и Васильевскій островъ (Воронина, бывш. Гука, сахарный заводъ Шухера). Примкнули кой-какія мелкія заведенія. Пошли волненія на „Россійско-Американской“ резиновой мануфактурѣ, на Путиловскомъ и Балтійскомъ заводахъ, на писчебумажной фабрикѣ Варгунина.

Рабочія собранія и сходки происходили непрерывно. Наиболѣе горячее произошло въ первыхъ числахъ іюня на Волковомъ кладбищѣ. Сознательные рабочіе хотѣли получить разъясненіе политическое значеніе этой невиданной

стачки. Благодаря преслѣдованію сыщиковъ и полиціи собраніе продолжалось очень недолго, по той-же причинѣ на немъ было лишь около сотни рабочихъ. Многіе, въ томъ числѣ и интеллигентъ—представитель Союза, не попали во-время, благодаря травлѣ сыщиковъ. Потомъ приходило много рабочихъ, но было поздно. Тѣмъ не менѣе это собраніе было замѣчательно по своему духу. Тамъ было высказано глубочайшее негодованіе рабочихъ на отношеніе правительства къ рабочему классу и его нуждамъ.

Кромѣ общихъ листковъ съ требованіями всѣхъ забастовавшихъ фабрикъ, Союзъ выпускалъ листокъ за листкомъ къ рабочимъ отдѣльныхъ фабрикъ, на основаніи собранныхъ свѣдѣній о частныхъ злоупотребленіяхъ и неустройствахъ той или другой фабрики. Въ каждомъ такомъ листкѣ излагалось общее положеніе дѣлъ и положеніе дѣлъ на данной фабрикѣ, рабочие приглашались стоять дружно; и затѣмъ къ общимъ требованіямъ всѣхъ забастовщиковъ присоединялись еще частные требованія рабочихъ именно этой фабрики. Иногда рабочие сами составляли листокъ и просили его напечатать и издать отъ имени Союза; были случаи, что пускались въ ходъ рукописные листки и гуляли съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ вышеприведенного „Обращенія“, мнѣ известны еще листокъ путиновскій—„Братья-рабочіе“ и „Совѣтъ“.

Послѣдній листокъ очень своеобразенъ. Онъ былъ написанъ съ грамматическими ошибками довольно „сѣрымъ“ рабочимъ, стоявшимъ до того времени въ сторонѣ отъ кружковъ и организаций. Привожу его здѣсь потому, что онъ можетъ дать понятіе о настроеніи рабочихъ, начинавшихъ сознавать свое положеніе.

Гр. рабочимъ петербургскихъ фабрикъ Совѣтъ.

Начатая нами стачка для улучшенія нашего положенія начинаетъ колебаться и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть перевѣсь въ нашу пользу, но, къ сожалѣнію, многіе падаютъ духомъ и поддаются работѣ на прежнихъ основаніяхъ.

Гр. рабочие! прошу не выдавайте себя на смѣхъ, не сдавайтесь ни одинъ до тѣхъ поръ, пока не установятъ требуемыхъ нами правилъ. Начатое вами дѣло очень важное. Объ этомъ дѣлѣ, т. е. объ улучшеніи нашего положенія много хлопотали люди, которыхъ мы должны благода-

рить; но вотъ глупость, которая ярко отражается на рабочемъ людѣ: мы вмѣсто благодарности платимъ зломъ, которое и сами не замѣчаемъ. Мы ихъ топимъ, выдаемъ своими необдуманными восклицаніями; многіе за насть навѣчно страдаютъ на каторгѣ, но мы этого не замѣчаемъ и не дорожимъ нашими ревнителями. Но сольемтесь, братцы, въ одинъ духъ и будемъ стойко бороться за улучшеніе нашего положенія, сами будемъ грудью стоять въ помощь нашимъ ревнителямъ. Замѣтьте, что рабочій классъ прочихъ державъ радъ за насъ, какъ только услышатъ, что русскіе настаиваютъ на улучшениіи своего положенія. Конечно, вамъ покажется страннымъ, что иностранцы такъ вліятельны (?). Я долженъ бы вамъ объяснить, но много времени затратить это объясненіе, но вы и сами это поймете, когда прибѣгнете къ образованію.

Гг. рабочіе-товарищи! Обратите вниманіе и вашъ взглядъ на жизнь свою. Если бы вамъ пришлось встрѣтить иностранца, по чину равнаго себѣ, то вы сразу сознаетесь, что вы противъ ихъ дикари. Они также были угнетаемы своими хозяевами, но благодаря ихъ острому понятію давно улучшили свое положеніе.

Они по нашему въ часы отдыха не валяются въ грязи, въ рваной одеждѣ около кабаковъ и трактиръ, не относятся съ ругательствомъ и нерѣдко съ побоями къ своимъ товарищамъ, какъ русскій мужикъ, а собираются вмѣстѣ и толкуютъ обѣ улучшениіи, или же захотеть развеселиться, то садится на велосипедъ и Ѳдетъ кататься и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ свою мускульную силу.

Такъ будемъ, братцы, помогать другъ другу впродолженій этой стачки. У кого есть, то постараемся дать совсѣду, у котораго страдаетъ отъ голода все семейство; онъ возьметъ на ваши 30 коп. хлѣба и прокормится нѣсколько дней. Что дѣлать, надо потерпѣть, зато улучшимъ положеніе.

Привожу здѣсь нѣсколько сценъ, переданныхъ очевидцами, происходившихъ при началѣ забастовокъ.

„На Новой бумагопрядильнѣ, лишь только пришли извѣстія о стачкахъ на Екатерингофской и Кениговской, пошло сильное волненіе. 30 мая съ самаго утра подручные не явились на работу. Въ 9 часовъ прядильщики стали уходить съ фабрики, говоря что они не могутъ работать безъ подручныхъ. Послѣ обѣда фабрика окончательно стала: къ стачкѣ присоединились и ткачи. Каждаго рабо-

чаго и работницу, которые являлись послѣ обѣда къ воротамъ фабрики, молодые рабочіе останавливали: „Куда идешь?“—„Вѣстимо, на работу.“—„Стой!“ Такъ у воротъ собралась громадная толпа. Появился управляющій и фабричный инспекторъ.

— Чего вы хотите?—спрашиваетъ управляющій.

— Работать только отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

— Отчего же вы работать не хотите? Фабрика у насть хорошая: чѣмъ же вы недовольны? Я думалъ, что вы будете молодцами и не бросите работы, несмотря на стачки на другихъ фабрикахъ.

„Фабричный инспекторъ сталъ читать рабочимъ законы о стачкахъ и приглашаль возобновить работу. Тогда изъ толпы вышелъ одинъ молодой рабочій (ткачъ) и началь говорить о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и говорилъ очень хорошо. Потомъ нѣкоторые рабочіе благодарили его и жали ему руки. „Зачѣмъ,—говорилъ снъ,—у насъ школы строятъ, когда намъ въ нихъ учиться не даютъ?“

„Рабочимъ наскучили и управляющій, и фабричный инспекторъ съ его законами, потому съ криками „ура!“ они удалились отъ воротъ. Потомъ опять къ воротамъ фабрики подходили кучки и расходились съ тѣми же криками.“

„На Петровской и Спасской фабрикахъ (онъ же Максвелля) стачки начались въ корпусѣ мюльщиковъ, гдѣ мальчики первыми бросили работу. Ткацкую остановили подручные, давъ знать въ паровое отдѣленіе, чтобы остановили машины. Узнавъ объ этомъ, управляющій сказалъ, что онъ давно этого ждалъ. Пришелъ приставъ и просилъ рабочихъ обходитьсь безъ буйствъ; онъ-де давно служить въ Шлиссельбургскомъ участкѣ и никогда у него никакихъ беспорядковъ не бывало. Рабочіе заявили, что все будетъ спокойно, если только не будетъ полиціи. Вскорѣ пріѣхалъ окружной фабричный инспекторъ вмѣстѣ съ участковымъ, и оба прошли прямо въ контору. Рабочимъ было предложено выбрать человѣкъ 5, которые изложили бы ихъ желанія. Начали было выбирать, но раздались голоса, что выбирать совсѣмъ не надо. Пусть инспекторъ самъ выйдетъ и разговариваетъ со всѣми. Оба инспектора вышли. Окружной строго обратился къ рабочимъ, но, получивъ нѣсколько рѣзкихъ отвѣтовъ, онъ измѣнилъ тонъ и началъ уговаривать рабочихъ приняться за работу. Онъ ука-

зывалъ имъ, что ихъ образъ дѣйствій по закону считается уголовнымъ преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе, рабочіе на-отрѣзъ отказались приняться за работу и заявили свои требования: $10\frac{1}{2}$ ч. рабочій день, увеличеніе расцѣнковъ и уничтоженіе произвольныхъ штрафовъ. Участковый фабричный инспекторъ на это заявилъ имъ, что проектъ о сокращеніи рабочаго дня до $10\frac{1}{2}$ ч. уже у государя.

— Когда же этотъ проектъ будетъ подписанъ?—спросили рабочіе.

— Года черезъ два.

— Ну такъ мы лучше сейчасъ забастуемъ,—отвѣтили на это рабочіе.

— Все равно голодъ скоро заставитъ васъ снова приняться за работу,—замѣтилъ инспекторъ.

— Помирать на мостовой будемъ, а работать на прежнихъ условіяхъ не пойдемъ!—раздалось въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.

„На другой день фабричной администрацией было вывѣшено объявленіе, приглашающее всѣхъ желающихъ работать явиться въ понедѣльникъ къ 6 часамъ утра на работу. Явились только немногіе, но и тѣ были задержаны толпой, поджидавшей ихъ у фабричныхъ воротъ“.

Союзомъ выпускались листки и для поддержанія колеблющагося духа бастующихъ на той или другой фабрикѣ, и для приглашенія къ стачкѣ тѣхъ фабрикъ, которыя еще не стали. Бывало, что подъ вліяніемъ листка стачечники, принявшиеся было за работу, снова бросали ее, какъ, напримѣръ, у Кенига.

Союзъ по силѣ возможности старался помогать и деньгами. Но какъ уже было сказано, у него не было достаточно средствъ, чтобы оказать существенную денежную помощь. Въ этомъ отношеніи деньги, раздаваемыя Союзомъ, имѣли, мнѣ кажется, болѣе нравственное значеніе, чѣмъ материальное. Одни слухи о томъ, что Союзъ помогаетъ, равно какъ и о томъ, что заграничные рабочіе обѣщали свою помощь, поднимали падающей духъ не у одной сотни рабочихъ.

Но материальную помощь, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, оказывали рабочіе большихъ механическихъ заводовъ, поставленные, въ смыслѣ заработка, въ лучшія условія, чѣмъ какіе-либо другіе рабочіе. На заводахъ шли правильно организованные сборы по мастерскимъ. Деньги

немедленно же и непосредственно передавались стачечникамъ. Къ несчастію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить сумму, собранную такимъ путемъ. Давалъ всякий, кто могъ. Я знаю даже случай присылки рабочимъ 5 рублей на стачку... изъ предварилки! Былъ моментъ, когда шли усиленные толки о забастовкѣ на большихъ механическихъ заводахъ подъ вліяніемъ прокламацій Союза. Возможно, что забастовка заводовъ была бы очень умѣстна; въ Союзъ поступили свѣдѣнія, что министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сильно боялись, чтобы не стали заводы,—тогда, моль, ни за что не сладить, придется пойти на уступки. Однако стачки на заводахъ не состоялось. Насколько я знаю, среди рабочихъ механическихъ заводовъ, возражавшихъ противъ стачки, выдвигалось такое соображеніе: кто же будетъ помогать забастовщикамъ, если и они забастуютъ?

Союзъ въ своихъ прокламаціяхъ приглашалъ рабочихъ стоять дружно и стойко, не производить ни беспорядковъ, ни буйствъ, которые были бы лишь на руку полиціи. И дѣйствительно, спокойствіе и выдержанность забастовщиковъ поразили всѣхъ и особенно правительство.

Впрочемъ, бывали и такие случаи. Соберется толпа человѣкъ въ сто. „Ребята! Идемъ на Петербургскую! Мы всѣ тутъ стоимъ, стоитъ весь Обводный, а тѣ работаютъ!“—говорить какой-нибудь ораторъ. „Къ Гуку“—раздается въ толпѣ. И вотъ утромъ у какого-нибудь „Гука“ или „Бека“ происходила свалка. Камни изъ мостовой летѣли въ окна, попадали порой и въ машины. Часомъ или двумя позднѣе можно было видѣть идущую по городу толпу рабочихъ, оцѣпленную полиціей... Это вели „подстрекателей“ въ какой-нибудь не заполненный еще участокъ, гдѣ держали нѣсколько часовъ или дней, потомъ высылали. Въ этихъ толпахъ, попадавшихся на улицахъ Петербурга, вы могли увидѣть и довольно хорошо одѣтыхъ „квалифицированныхъ“ и бѣдно одѣтыхъ чернорабочихъ, даже молодыхъ матерей съ ребятами на рукахъ, и отца съ шагавшимъ подлѣ сынишкой. И шли они часто даже какъ будто веселые; и невольно вспоминались слова „Коммунистического Манифеста“ „...имъ нечего терять, кромѣ цѣпей“. Впрочемъ, они шли съ сознаніемъ исполненного дѣла: у „Гука“ или „Бека“ уже начиналась забастовка.

Какъ-то, проѣзжая мимо Обводнаго, я видѣлъ такого рода сцену. Передъ Калинкинской мануфактурой стояла толпа народу. Среди нея на кучахъ наваленаго булыжника тамъ и сямъ возвышались надъ толпой отдѣльные рабочіе. Мнѣ было не видно, читали ли они что-нибудь или говорили рѣчь предъ рабочимъ собраниемъ.. А вокругъ толпы смиренno ходили городовые и околодоточные, не вмѣшиваясь въ „чужое“ дѣло. Поневолѣ приходили въ голову тѣ далекія отъ настѣ страны, гдѣ рабочіе могутъ свободно организовываться и собираться на митинги. Когда-то, думалось мнѣ, у настѣ настанетъ то время когда полицейскіе не будутъ вмѣшиватьсь „въ чужія дѣда“ не изъ боязни толпы, а изъ признанія ея *права* собираться!?

Помню также случай, кажется, на „Новой“ бумагопрядильнѣ. Городовой, поставленный „смотрѣть“ за рабочими, замѣтилъ на мостовой свертокъ. Это была только что изданная прокламація Союза, но по какой-то случайности не дошедшая до „Новой“ бумагопрядильни. Поднявши свертокъ и прочтя прокламацію, блюститель порядка нашелъ, что „хорошо написано, справедливо сказано“, и передалъ свертокъ обступившей толпѣ рабочихъ, „завѣряя“, что ихъ дѣло правое и они навѣрное получать свое...

Но... такія идилліи бывали изрѣдка и лишь въ первые дни стачки. Мало-по-малу наши „охранители“ оправились отъ смущенія, вызванного этой неожиданной стачкой и рѣшились попытаться терроризировать рабочихъ и такимъ путемъ задавить движение. По распоряженію градоначальника, рабочіе кварталы стали запружать отрядами казаковъ, жандармовъ, и даже пѣхоты. (Новочеркасскій полкъ былъ поставленъ около Торнтона). Отряды городовыхъ (человѣкъ около 100) селились въ близь лежащихъ трактирахъ, гдѣ они жили, ёли и пили на счетъ фабрикантовъ, которые ихъ сюда пригласили, чтобы имѣть ихъ всегда наготовѣ. На фабрикахъ, гдѣ еще продолжалась работа, и на заводахъ шныряли шпіоны и полиція. Правительство разославо всѣмъ мировымъ судьямъ секретный циркуляръ, предписывая разбирать дѣла фабрикантовъ съ рабочими не по закону, а по обычаямъ, какіе существуютъ на каждой фабрикѣ.

Стали арестовывать всѣхъ, кто казался „подозрительнымъ“, вѣрнѣе, кто попадался подъ руку. Тюрмы были переполнены. Для допроса водили въ „Окружный судъ“ за неимѣніемъ мѣста въ „жандармскомъ“. Допытывались, глав-

нымъ образомъ, кто распространяетъ листки. Конечно, рѣдко чего добивались. Если у кого находили въ карманѣ листокъ, у обвиняемаго всегда наготовѣ былъ вполнѣ определенный отвѣтъ—нашелъ на улицѣ, ибо во многихъ слу чаяхъ такъ и было.

По опустѣвшимъ улицамъ рабочихъ районовъ передви гались отряды жандармовъ и казаковъ. Петербургъ казался на военномъ положеніи. Можно было бы подумать, что на улицахъ его совершается революція. Да и дѣйствительно революція совершалась, но только не на улицахъ Петербурга, а въ головахъ петербургскихъ рабочихъ. Но объ этомъ потомъ.

Хотя, благодаря лѣту, въ Петербургѣ не было наиболѣе отзывчивой учащейся молодежи, однако слухи о стачкѣ вѣбодоражили „общество“. Ходили толки вкрай и вкось, и вообще *стачки* сдѣлались на время любой дня. Чтобы привлечь общественное вниманіе къ этой, небывалой въ Россіи по своимъ размѣрамъ и стройности, борьбѣ рабочихъ за свои интересы, Союзъ Борьбы издалъ прокламацію „Къ русскому обществу“, которая была разослана по городу въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ.

Градонаачальникъ, съ одной стороны, посыпая отряды казаковъ, полицейскихъ, жандармовъ и сыщиковъ, думалъ застрашать рабочихъ; съ другой стороны, думалъ подѣйствовать убѣжденіями и возваніями къ „патріотическому“ чувству. „Успокойтесь“,—говорилъ онъ.—„Подумайте, что царю надо возвращаться домой. Какъ же онъ вѣдеть въ бунтующую столицу?“ „Увѣщанія“ не помогали, все шло по прежнему. Стачки продолжались, на заводахъ шли толки и волненія. Союзъ издавалъ прокламаціи ежедневно, иногда даже по 2—3 въ день. Прокламаціи кой гдѣ читались безъ всякихъ стѣсненій, иногда даже на улицахъ. Во многихъ прокламаціяхъ, иногда даже по специальнѣй просьбѣ рабо чихъ, выставлялось требованіе—освободить арестованныхъ. Рабочіе не разъ ходили толпами къ участкамъ и требовали выпустить заключенныхъ и, случалось, добивались своего.

Градонаачальникъ отъ увѣщаній снова переходилъ къ „устрешенію“. Начались повальные обыски (обыскивали цѣлыми домами) и повальные аресты. Не было мѣста въ тюрьмахъ и участкахъ, начали сажать въ манежъ. Пошли массовые высылки на родину. Стали силою принуждать рабочихъ ити на работу. Конные жандармы, напавши на

толпу рабочихъ на улицѣ, гнали ее по направлению къ фабрикѣ и загоняли во дворъ... Околоточные и городовые, въ сопровождении дворниковъ, по утрамъ врывались въ квартиры, стаскивали рабочихъ съ постелей, полураздѣтыхъ женщинъ отрывали отъ дѣтей и тащили на фабрики. Рабочие прятались, куда могли: на чердаки, въ отхожія мѣста. Происходили раздирающія сцены...

Стачка продолжалась. Мѣры насилия не помогали, пускались въ ходъ хитрости. Встаютъ утромъ рабочіе, видяще изъ фабричныхъ трубъ валить дымъ. На минуту западаетъ сомнѣніе, ужъ не начали ли работать? Въ окнахъ фабрикъ мелькали фигуры рабочихъ... то бишь дворниковъ, переодѣтыхъ рабочими. Конечно, въ концѣ концовъ всѣ эти выдумки возбуждали лишь смѣхъ.

По предложенію градоначальника, рабочіе не разъ отправляли къ нему депутаціи. Рабочіе надѣялись убѣдить его въ томъ, что ихъ дѣло правое, и нѣкоторые думали даже, что градоначальникъ можетъ склонить фабрикантовъ къ уступкамъ. Конечно, изъ депутацій ничего не выходило. Даже жандармскіе офицеры порой пробовали заговаривать съ рабочими, критикуя листки Союза, а рабочіе вступали въ споръ и отстаивали „свои“ листки.

Рабочіе постоянно собирались и также постоянно ихъ разгоняли. Усердіе полиції дошло до того, что полицейскіе дѣлали обходы даже по полямъ и избивали попадающихся имъ навстрѣчу рабочихъ. Рабочіе собирались въ полѣ, чтобы въ свободное время, на вольномъ лѣтнемъ воздухѣ, почитать и поучиться политической экономіи. Правительство же своими преслѣдованіями наглядно ихъ учило русскому государственному праву. Если не удавалось устраивать собраній и въ полѣ, рабочіе забирались куда-нибудь подальше, въ лѣсъ. Однажды было собраніе даже на взморье. Рабочіе лежали въ камышахъ и лежа совѣщались.

Послѣ этого отъ полиції было временное распоряженіе, совершенно непонятное для публики: на взморье были поставлены городовые и не позволяли катающейся публикѣ выходить на берегъ подъ предлогомъ, что это запрещено градоначальникомъ въ виду де повторяющихся въ этихъ мѣстахъ оргий (!!).

Беззаконныя дѣйствія властей и ихъ насильственный мѣры не приводили стачку къ желанному концу. Снова было рѣшено дѣйствовать „убѣждениемъ“. На стѣнахъ фа-

бrikъ и на заборахъ появился циркуляръ градоначальника, взывающей къ „разсудительности“ рабочихъ.

„Отъ С.-Петербургскаго градоначальника симъ объявляется прекратившимъ работу и присоединившимся къ стачкѣ рабочимъ,—говорилось въ циркулярѣ,—что всѣ претензіи и требованія ихъ, послужившія предлогомъ и поводомъ къ забастовкѣ, останутся безъ всякаго разсмотрѣнія до тѣхъ поръ, пока рабочіе не станутъ на работу. Когда же рабочіе приступятъ къ обычнымъ занятіямъ согласно правиламъ внутренняго распорядка, установленного на фабрикахъ, жалобы и заявленія ихъ будутъ подвергнуты надлежащему разсмотрѣнію чинами фабричной инспекціи. И жалобы, подлежащія удовлетворенію согласно закону (устава о промышленности), будутъ удовлетворены немедленно. Тѣ же заявленія, которыя не могутъ быть удовлетворены по силѣ дѣйствующихъ законовъ, будутъ представлены на усмотрѣніе высшаго начальства.

Градоначальникъ ген.-майоръ Клейгельсъ.

„10-го іюня 1896 г.“

На другой день, для большей внушительности, „убѣждение“ было подкреплено угрозой рас считать и выслать на родину всѣхъ, кто не примется за работу.

Наконецъ, на сцену выступило само „царское правительство“, въ лицѣ министра финансовъ Витте, со своей знаменитой прокламацией къ рабочимъ, отъ 15 іюня: объявляющей, что „правительству одинаково дороги какъ дѣла фабрикантовъ, такъ и рабочихъ“. Отмѣчу одинъ курьезный эпизодъ при распространеніи этой прокламации. Министерская прокламация, какъ ей и надлежитъ быть, была расклеена на стѣнахъ и заборахъ и раздавалась полицейскими. Но во многихъ мѣстахъ рабочіе проходили мимо и не читали ее, а получая отъ полицейскихъ, просто рвали и бросали съ упоминаніемъ всѣхъ родителей. Тогда кое-гдѣ усердные городовые начали разбрасывать прокламаціи подобно тому, какъ разбрасывались листки Союза. „Было уморительно смотрѣть,—говорили нѣкоторые рабочіе,—какъ слуги правительства не нашли ничего лучшаго, какъ подражать въ тактике Союзу“.

Между тѣмъ крайняя нужда начинала дѣйствовать. Среди рабочихъ начались разговоры о прекращеніи забастовки, колебанія... Этому способствовали отчасти и неопределенные

объщанія правительства. Кое-гдѣ фабриканты обѣщали сдѣлать кой-какія частныя улучшенія и уступки; что же касается главныхъ требованій, то слышались лишь одни объѣщанія разсмотрѣть дѣло. Листки Союза, призывающіе къ продолженію стачки, уже не производили никакого дѣйствія. Одна фабрика за другой становилась на работу.

Наконецъ, къ 18-му іюня стачка улеглась. Рабочіе всюду вновь вернулись къ своимъ станкамъ, но уже не тѣми, какими отъ нихъ отошли. За время стачки рабочимъ пришлось столкнуться съ правительствомъ лицомъ къ лицу, и столкновеніе не прошло безслѣдно. Съ одной стороны, „увѣщанія“, подкрѣпляемыя угрозами, съ другой стороны, крутыя мѣры, примѣняемыя къ мирнымъ забастовщикамъ, производили настоящую революцію въ головахъ даже наименѣе сознательныхъ и наиболѣе забитыхъ рабочихъ, заставляя ихъ задуматься надъ вопросомъ, кто ихъ дѣйствительные друзья и защитники ихъ интересовъ и кто ихъ угнетатели и враги. По свидѣтельству самихъ рабочихъ, подъ вліяніемъ всѣхъ событий за время стачки, измѣнилось отношеніе широкихъ слоевъ рабочихъ къ соціалистамъ и агитаторамъ и къ нелегальной соціалистической литературѣ. Среди массы рабочихъ обнаружилась такая жажда знанія, такое стремленіе выяснить многія стороны окружающей дѣйствительности и найти выходъ, какихъ до того времени никогда не замѣчалось. Тѣмъ, чѣмъ раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спросъ на нелегальную литературу достигъ небывалыхъ до того времени размѣровъ и далеко превысилъ предложеніе.

Правительству и другимъ классамъ общества впервые пришлось взглянуть на рабочій классъ, какъ на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакціонеровъ стало уже поздно повторять избитую ложь, что у насъ въ Россіи нѣтъ рабочаго вопроса, и хвастаться „патріархальными отношеніями“ хозяевъ къ рабочимъ, якобы царящими на русскихъ фабрикахъ.

Несмотря на все желаніе, движенія нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, какъ говорится, на улицу и благодаря прокламаціямъ Союза получило широкую огласку. Весь Петербургъ могъ провѣрить то, что писалось въ листкахъ. Дѣлать было нечего, и правительство, умудренное горькимъ опытомъ, пускается на новую штуку—объявить официально

о забастовкахъ. И воть въ „Правительственномъ Вѣстнике“ № 158 появляется памятное всѣмъ интересующимся рабочимъ дѣломъ сообщеніе правительства о стачкахъ рабочихъ Петербурга. Конечно, сообщеніе было тотчасъ же перепечатано другими газетами и облетѣло всѣ даже самые отдаленные уголки Россіи. Правительство постаралось однако и тутъ склонить: чтобы умалить грандиозность движенія оно убавило число забастовщиковъ больше, чѣмъ на половину. Любопытно также, что на этотъ разъ члены Союза Борьбы и другихъ революціонныхъ организаций изъ „подстрекателей“, какими они являлись въ прежнихъ секретныхъ циркулярахъ министра Витте, превратились въ „злонамѣренныхъ личностей“, которыхъ „пытались воспользоваться уже совершившимися стачками съ цѣлью придать имъ преступный политический характеръ“.

Какъ бы въ отвѣтъ на всѣ эти правительственные сообщенія, осенью Союзомъ была выпущена длинная прокламація, которая обличала лицемѣріе правительства, разъясняла рабочимъ его поведеніе и выясняла важность и значеніе стачекъ вообще.

Итакъ, стачка кончилась. Главныя требованія рабочихъ—уменьшеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расценокъ—не были выполнены.

Правительствомъ была образована изъ фабричныхъ инспекторовъ и градоначальника комиссія для изслѣдованія причинъ забастовокъ. Фабричнымъ инспекторамъ было поручено составить описание фабрикъ и условій работы. Несмотря на всю осторожность идержанность ихъ авторовъ, эти описанія нарисовали довольно некрасивую картину. Министръ финансовъ выразилъ фабричнымъ инспекторамъ свое неудовольствіе по поводу, того, что они могли допустить существованіе такихъ вопіющихъ безобразій. Неудовольствіе было выражено и самимъ фабрикантамъ *), и нѣ-

*) Дабы кто-нибудь на основаніи этого не заподозрилъ г. Витте въ пристрастіи и въ симпатіи къ рабочимъ и ихъ нуждамъ, не могу здѣсь не отмѣтить очень важного факта, касающагося поведенія Витте во время стачекъ: онъ въ своемъ усердіи поддержать „престижъ власти“ превзошелъ даже министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ Союзъ было сообщено, что еще въ самомъ началѣ стачекъ происходило экстренное засѣданіе, где присутствовали министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, градоначальникъ со помощникомъ и фабричные инспектора. Витте настаивалъ, чтобы во время стачки рабочимъ не было сдѣлано никакихъ уступокъ, хотя на собраніи было выяснено, что многие фабриканты готовы пойти на уступки. Требованіе Витте было горячо поддержано старшимъ фабричнымъ инспекторомъ Рыковскимъ.

которые изъ послѣднихъ были обязаны подпiskой безусловно устранить кой-какія безобразія, всплывшія наружу во время стачекъ. Такимъ образомъ кое-гдѣ было уплачено за лишнія минуты, которыя оттягивались у рабочихъ ежедневно по утрамъ и вечерамъ, благодаря тому, что машины пускались въ ходъ раньше времени и останавливались позже. Кое-гдѣ были удалены мастера-взяточники: была уничтожена чистка машинъ въ нерабочее время: кое-гдѣ была улучшена питьевая вода. На нѣкоторыхъ фабрикахъ были выданы деньги за коронаціонные дни, а на Екатерингофской даже выдали половинную плату за недѣлю стачки всѣмъ рабочимъ, кроме мюльщиковъ.

Но не объ этихъ результатахъ, добытыхъ стачкой 30000 ткачей и прядильщиковъ, приходится намъ говорить, если мы желаемъ отмѣтить наиболѣе крупные плоды этой борьбы. Главное значеніе этой стачки заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что она дала сильный толчекъ развитію классового самосознанія широкихъ массъ рабочихъ. Во-вторыхъ, стачка имѣла огромное организаціонное значеніе для развитія професіональной борьбы рабочихъ.

Что стачка дала огромный толчекъ развитію классового самосознанія, это достаточно доказано измѣненіемъ отношеній широкихъ круговъ рабочихъ къ кружковымъ рабочимъ, къ соціалистамъ и къ агитаторамъ. Это достаточно доказано также небывалымъ спросомъ на нелегальную брошюрную литературу пропагандистскаго характера и требованіемъ книгъ политического содержанія.

Что касается организаціонного значенія стачки, то объ этомъ говорить уже самый фактъ, что это былъ не рядъ стачекъ рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ, а общая мѣстная стачка рабочихъ почти всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ Петербурга, общая стачка почти всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, занятыхъ въ данной отрасли производства. Стачка дѣйствительно велась сообща, требованія стачечниковъ были сообща выработаны на особомъ совѣщеніи рабочихъ представителей отъ фабрикъ. Несмотря на затрудненія, которыя ставить правительство, были организованы сбѣры. И, какъ послѣдствіе стачки, остались кое-гдѣ возникшія за время стачки фабричныя стачечныя кассы.

Правда, стачка была широкою, но лишь временною професіональною организаціею. Она была лишь времененнымъ цеховымъ союзомъ рабочихъ данного производства. Что изъ

того? Возникновение такихъ союзовъ для русскихъ рабочихъ было особенно важно въ виду тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, какія наше правительство ставитъ организаціи постоянныхъ боевыхъ цеховыхъ рабочихъ союзовъ, руководимыхъ рабочими безъ всякаго вмѣшательства полицейской опеки.

Итакъ, резюмируя главное значеніе стачки въ немногихъ словахъ, мы говоримъ, что лѣтняя стачка имѣла огромное значеніе съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, для *розвитія широкаго классового самосознанія рабочихъ, а спльдовательно, для дальнѣйшаго розвитія и расширення нашого соціалдемократическаго движенія:* во-вторыхъ, для *розвитія професіональнаго движенія.*

Перечисленіе результатовъ лѣтней стачки было бы не полнымъ, если бы мы не упомянули о томъ впечатлѣніи, какое произвела борьба петербургскихъ рабочихъ на рабочихъ всей Россіи. Всѣмъ памятны тѣ волненія среди рабочихъ, которая происходили въ то время въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Само правительство помогало этому, высыпая стачечниковъ изъ Петербурга. Никогда не забуду рассказа одного ткача, которому послѣ стачки пришлось работать на Хлудовской мануфактурѣ.

„Насъ,—рассказывалъ этотъ рабочій,—поступило на Хлудовскую довольно много. Приняли насть со всѣмъ удовольствіемъ, потому что въ провинціи всякому фабриканту выгодно имѣть ткача, обученнаго въ столицѣ. Сколько насть ни пришло, всѣ получили работу. Когда рабочіе узнали, что мы изъ Питера, какъ муhi начали лынуть. Разскажи да разскажи о стачкѣ. Ну и разскажываешь. Слушаютъ да удивляются. Вотъ такъ молодцы, говорять. И намъ бы, ребята, такъ надо; долго ли мы будемъ терпѣть. И пошли ходить исторіи про нашу славную стачку, про Союзъ, про листки и про наши требованія“.

Необходимо также отмѣтить то впечатлѣніе, какое стачка произвела на сознательныхъ рабочихъ за границей. Она была, собственно говоря, первымъ фактомъ, который вполнѣ осознательно свидѣтельствовалъ предъ лицомъ европейскихъ рабочихъ о выступлениі русскаго пролетаріата на сознательную борьбу за лучшее будущее. Англійскіе рабочіе привѣтствовали своихъ петербургскихъ собратьевъ особымъ „адресомъ“. Это обращеніе было подписано вождями всѣхъ соціалистическихъ организацій и важнѣйшихъ професіональ-

ныхъ союзовъ Англіи. Переведенное по-русски оно было распространено среди петербургскихъ рабочихъ и произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Подлинникъ обращенія хранился въ архивѣ Петербургскаго Союза Борьбы, а теперь, по всейѣроятности, погребенъ гдѣ-нибудь въ архивахъ Департамента полиціи.

Чтобы картина лѣтнихъ стачекъ лучше запечатлѣлась въ умѣ читателей, привожу описание стачки на фабрикѣ Кожевникова, составленное однимъ очень развитымъ рабочимъ, народовольцемъ, но принадлежавшимъ къ группѣ, имѣвшей близкія сношенія съ Союзомъ. Это описание въ свое время было оттиснуто на мимеографѣ и ходило по Петербургу въ видѣ листка. (Забастовка на фабрикѣ Кожевника началась 30-го мая и продолжалась до 12 июня).

*Разсказъ рабочаго о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ Кожевникова *).*

„Съ 1888 года у насъ на фабрикѣ въ продолженіе 8^{1/2} лѣтъ послѣдовалъ цѣлый рядъ сбавокъ расцѣнки. Съ нѣкоторыхъ товаровъ даже нѣсколько разъ было сбавляемо. Такъ, напримѣръ, въ 1889 году за кусокъ бумаги мы (рабочие) получали по 63 коп., и кусокъ былъ въ 84 аршина, а въ 1890 году мы стали получать 58, 55 и 53 коп. за кусокъ, а кусокъ сталъ уже, самое меньшее, въ 86^{1/2} аршинъ, а то и въ 92 и 98^{1/2} арш. За „пике“ платили намъ по 1 руб. 50 коп. съ куска. „Пике“ переименовали въ „фасоне“ и стали платить по 63 копейки; „пике“ мѣра была 60 аршинъ, а „фасоне“ не меньше 86^{1/2} аршинъ (хотя по табели надо бы не больше 84 аршинъ). Прежде для полотна мѣра куска была 42 аршина и платили по 32 копейки, теперь по табели значится 60 аршинъ, но выходитъ 64, 66, 68 аршинъ и платятъ 42 копейки, т. е. на 20 съ лишнимъ аршинъ прибавили только 10 копеекъ.

„Относительно берда и нитокъ въ основѣ, набора и колесъ — произволъ вполнѣйший, да и вездѣ, и во всемъ произволъ. Пять минутъ опоздалъ на работу, хотя и приѣждишь, сейчасъ штрафъ; иногда стоишь у двери и смотришь въ окно, а тебѣ пишутъ штрафъ; а если гуляешь по винѣ хозяина, то не платятъ, хотя гулять приходится часто.

„И вотъ, наконецъ, наши ткачи, подъ вліяніемъ стачекъ, уже начавшихся тогда на другихъ фабрикахъ, прекратили

*) 30 мая—12 июня 1896 г.

работу 30 мая въ 12 часовъ дня и не возобновляли до 12 іюня 9 часовъ утра. Требованія наши были: 12-часовой рабочій день, съ 7 час. утра до 7 вечера и въ томъ числѣ 1½ часа на обѣдъ, а въ субботу въ 2 часа кончать совсѣмъ, при чемъ, конечно, чтобы заработка плата не уменьшалась прежняя, а, гдѣ можно, тамъ повысить.

„Въ первый день забастовки нѣсколько человѣкъ (около 30 изъ всего числа 500 рабочихъ) пошли работать. Но при такомъ количествѣ рабочихъ могла попортиться машина, и рабочихъ пришлось выслать, а фабрику совсѣмъ остановить. Управляющій сдѣлалъ это, надѣясь, что утромъ всѣ вернутся на работу. (Нашъ управляющій изъ простыхъ, безъ всякаго образованія, у него на фабрикѣ много родственниковъ и земляковъ. Онъ поетъ на клиросѣ у Предтечи. Вообще его попы и глупые люди считаютъ хорошимъ человѣкомъ. По всей вѣроятности, и онъ о себѣ думаетъ тѣ же, что онъ кормилецъ и благотворитель рабочихъ, но онъ жестоко ошибался: теперь онъ увидѣлъ себя такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ по отношенію къ рабочимъ).

„На слѣдующій день, въ половинѣ пятаго часа утра, нагнали массу полицейскихъ, боясь, что рабочие—зачинщики стачки—будутъ останавливать желающихъ начать работать. Но останавливать вовсе некого было, потому что ни одинъ изъ рабочихъ утромъ даже не вышелъ (на работу) изъ своей квартиры, за исключеніемъ одного старика Семена Плѣшиваго. Такимъ образомъ, полицейские немало были удивлены, когда то же самое повторилось нѣсколько разъ: каждое утро они собирались возводить порядокъ, а мы спокойно спали по своимъ квартирамъ. Наконецъ, они рѣшили дѣствовать иначе, и на четвертый день забастовки пошель слухъ, что утромъ околодочные, городовые и дворники будутъ братъ съ квартиръ и таскать на фабрику силой. Я, признаться, мало этому вѣрилъ, но многие изъ рабочихъ запаслись водкой и, какъ погода была теплая, разошлись на ночь—кто куда.

„И дѣйствительно, съ вечера полицейские къ чему-то стали приготовляться; въ подкрѣпленіе городовымъ пригнали много жандармовъ, которые разъѣзжали по фабричнымъ улицамъ и гнали рабочихъ въ квартиры. Улицы буквально опустѣли и наступила какая-то зловѣщая тишина, чувствовалось, какъ приближалась минута борьбы. Неравенство силы каждому было ясно, а главное, у каждого мало было надежды на остальныхъ товарищѣй.

„Но вотъ, наконецъ, настало утро. Дѣйствительно, безобразіе полиції возстало передъ рабочими во всей наготѣ. Около 5 часовъ утра во дворъ дома № 12 по Воронежской улицѣ, гдѣ помѣщается около $\frac{3}{4}$ всѣхъ рабочихъ Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармовъ и полицейскихъ съ дворниками. *Околоточные, въ сопровождении городовыхъ и дворниковъ стали ходить по квартирамъ и таскали съ постели.* Раздѣтыхъ женщины брали съ постели отъ мужей. Особенную ревность въ этомъ дѣлѣ проявилъ околоточный 3-го участка Ал.-Невской части Рапоткинъ. Такимъ образомъ, полицейскіе разбудили и выгнали изъ дома большую половину его жильцовъ. Впрочемъ, большая часть разошлась только изъ квартиръ и попряталась, кто на чердакъ, кто въ ватерклозетъ. Несмотря на то, что на фабрику подъ руку водили, всего удалось загнать туда человѣкъ 20, и тѣ съ 8 час. утра ушли всѣ до единаго.

„Выгнавши всѣхъ изъ квартиръ, околоточный Рапоткинъ объявилъ управляющему, что онъ всѣхъ выгналъ на работу. Но не видя этого, управляющій клялъ и ругалъ полицію, что она бездѣйствуетъ. Ему казалось: быть не можетъ, чтобы рабочаго не заставить работать...

„Такимъ образомъ, кончилась вполнѣ неудачно попытка силою заставить насъ приняться за работу.

„Затѣмъ отъ градоначальника появились объявленія, приглашавшія рабочихъ, подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія, въ трехдневный срокъ приняться за работу. Но рабочіе только посмѣивались надѣть этимъ объявленіемъ и говорили: „наши лучше“, т. е.—прокламаціи. Особенно понравились народовольческія *). И при сравненіи министерскихъ прокламацій съ народовольческими рабочіе говорили: „вотъ бы кого поставить инспекторомъ, а не этихъ дурней“. Во-

---

* *) Таково было мнѣніе рабочаго-народовольца. Надо замѣтить, что упоминаемая прокламація (ибо множественное число обозначаетъ въ данномъ случаѣ многіе экземпляры одной и той же прокламаціи) была единственою, изданною народовольцами за все время стачекъ. Всѣ остальные прокламаціи, числомъ больше 30, были изданы Союзомъ и примыкавшими къ нему соц.-дем. группами. Любопытно отмѣтить, что и эту единственную прокламацію, прекрасно отпечатанную въ типографіи, народовольцы словно не рѣшились издать отъ своего собственнаго имени. Подъ нею стояла подпись „Рабочий Союзъ“, совершенно неизвѣстная какъ до этого времени, такъ и послѣ него. Очевидно, эта подпись была поставлена въ разсчетѣ на болѣе широкое распространеніе прокламаціи, изданной отъ имени „Рабочаго Союза“.

обще прокламації у насть читались очень охотно, и всегда рабочіе при чтенії замѣчали: „вотъ правда-то гдѣ!“ И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мы чувствовали, только сказать не могли, какъ написано. Замѣчу еще, что не осталось ни одного человѣка на всей фабрикѣ, кто бы не читалъ прокламацій или книжекъ, въ такомъ же духѣ написанныхъ.

„Въ первый день стачки, часа въ 4 вечера, явился фабричный инспекторъ и попросилъ для объясненій. Рабочіе заявили свои требованія; инспекторъ-же приглашалъ начать работы, а дѣло обѣщалъ разобрать и сдѣлать, если можно, все, какъ требуютъ. Но рабочіе требовали сначала сдѣлать такъ, какъ требуютъ, а потомъ они начнутъ работу, и, конечно, эти объясненія ни къ чему не привели. Потомъ инспекторъ являлся чуть не каждый день и до того надоѣлъ, что мы перестали съ нимъ разговаривать. Однажды явился онъ къ фабричнымъ воротамъ; рабочихъ около фабрики было много; онъ издалека сталъ звать рукой рабочихъ поговорить. Но они только смѣялись. Наконецъ, онъ истощилъ все терпѣніе,—плюнулъ и ушелъ.

„Послѣ этого, на слѣдующій день, явился околоточный и попросилъ, чтобы мы избрали отъ себя депутацію къ градоначальнику. Мы избрали пять человѣкъ, во главѣ которыхъ былъ сыщикъ Василій Кузьмичъ Кузюткинъ (какъ оказалось потомъ). Они представили передъ очами жреца петербургской полиціи, который не даль сказать ни единаго слова, а сказалъ, что онъ знаетъ, что фабриканты насть притѣсняютъ и что онъ поручилъ это дѣло разобрать, а насть просить начать работу; затѣмъ расшаркался и ушелъ. Но сыщикъ, по своимъ соображеніямъ, рѣшилъ воротить градоначальника и попросилъ выслушать рабочихъ, самъ-же и сталъ говорить, какъ притѣсняютъ рабочихъ и каковы ихъ требованія. Градоначальникъ повторилъ прежнее, „что онъ поручилъ разсмотрѣть, а вы начинайте работать“. На слѣдующій день градоначальникъ прислалъ телеграмму рабочимъ, что онъ выслушалъ нашихъ депутатовъ и вполнѣ сочувствуетъ намъ, что вслѣдствіе этого дѣло онъ поручилъ уже разобрать и самъ будетъ стараться, насколько это возможно, поддерживать насть, а до рѣшенія дѣла просятъ приняться за работу. И вотъ околоточный тысячу разъ прочиталъ, что „его превосходительство...“, а дальше рабочіе кричатъ: „не согласны!...“

„Затѣмъ придумали новый фокусъ: стали насть *вызы-*

вать къ слѣдователю въ фабричную контору. Но мы стояли на своемъ. Когда и это нашли недѣйствительнымъ, тогда потребовали въ зданіе Окружного Суда, и изъ первой же партіи рабочихъ слѣдователь засадилъ въ предварилку троихъ рабочихъ. Этимъ онъ хотѣлъ заставить рабочихъ отказаться отъ своихъ требованій, но рабочіе говорили: „какъ всѣ, такъ и я; люди начнутъ работать, и я пойду работать. А то какъ же: я пойду — меня могутъ побить!“ Хотя рабочій вполнѣ былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ по доброй волѣ и что бить его никто не будетъ.

„Слѣдователь не спрашивалъ, какъ насъ притѣсняютъ, а спрашивалъ: „кто настъ подговаривалъ прекратить работу, кто даетъ денегъ и разбрасываетъ листки и книжки?“ Всѣ рабочіе заявили, что листковъ они не видали ¹⁾, а деньжонокъ не худо бы, если бъ кто далъ хоть пятерочку; а что подговаривать у насъ некому, — всѣ сами не пошли (на работу).

„Когда фабрикантъ убѣдился, что никто рабочихъ не въ состояніи заставить приняться за работу — ни полиція, ни слѣдователь (а въ началѣ стачки онъ на нихъ шибко надѣялся и даже попросилъ, чтобы ему выслали казаковъ отодрать рабочихъ и плестью заставить работать; но драть было нельзя, потому что рабочіе вели себя примѣрно), то перемѣнилъ свой тонъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ зазывать рабочихъ поговорить съ нимъ. Рабочіе отъ себя послали дворника, чтобы Кожевниковъ, если желаетъ говорить, выслалъ полицію и управляющаго прочь. Онъ такъ и сдѣлалъ, но попросилъ рабочихъ къ себѣ во дворъ. Здѣсь рабочіе, быть можетъ, въ первый разъ почувствовали себя равными фабриканту и стали говорить ему горькую правду, что онъ далъ волю управляющему и насъ отъ себя гонить прочь: „благо тебѣ хорошо, а мы работаемъ чуть не даромъ“. Когда же хозяинъ сталъ оправдываться, то рабочіе, чуть не бранью, отвѣчали, что онъ самыи безсовѣстныи образомъ сбавляя расцѣнки и прибавляя мѣры въ кускахъ. Тогда онъ сказалъ: „хоршо, вы только начинайте работать, — я

---

¹⁾ Хотя однажды утромъ, послѣ ночи, въ которую появилась масса листковъ и часть ихъ попала въ руки полиціи, даже жандармскій офицеръ разговаривалъ съ нами о содержаніи ихъ. Онъ хаяль, называлъ ихъ „глупыми и дурацкими“, тогда какъ рабочіе хвалили. Такжѣ при чтеніи телеграммы отъ градоначальника изъ заднихъ рядовъ кричали: „мы не вѣримъ писанному, у насъ свои есть печатныи“.

расцѣнки прибавлю, но время я сейчасъ сбавить не могу: дѣло теперь, какъ ваше, такъ и мое, разбирается, а если я убавлю время, то меня посадятъ за это въ тюрьму".

"Наконецъ, рабочіе, какъ ни крѣпко стояли съ начала дѣла и какъ ни надѣялись тогда на успѣхъ своего дѣла, стали терять надежду; да кромѣ того у многихъ и экономическая необеспеченность давала себя знать самыи чувствительнымъ образомъ, и подъ вліяніемъ этого рабочіе мало-по-малу, начинали работать, и уже 12 іюня фабрика пошла полнымъ ходомъ. Но духомъ мы не упали и при первой же возможности повторимъ то же самое. Товарищи говорятъ: если же мы и не работали двѣ недѣли, то намъ на товаръ набавили немного, такимъ образомъ въ теченіе года мы все свое возьмемъ, кроме того въ барышахъ останется то, что мы двѣ недѣли отдохнули.

"Болѣе начитанные изъ насъ сходились все время стачки человѣкъ по 5 и больше, брали каждый себѣ, и въ укромномъ мѣстечкѣ читали или „Рабочій день“, или „Новые правила“ (она же „Что нужно знать каждому рабочему“), или „Царь голодъ“. Вообще замѣчу, что теперь рабочій не таковъ, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и долго гнуть себя не позволитъ.

"Жаль, что у насъ трудно устраивать кассы на случай стачки. Будь у насъ хлѣбъ, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими „разумными мѣрами“.

Глава IV.

Зимняя стачка.

Стачка кончилась, началась „чистка“. Множество стачечниковъ было выслано изъ Петербурга, тюрьмы и участки были полны арестованными. Къ половинѣ іюля было арестовано 1050 человѣкъ. Въ концѣ іюня была взята на Лахтѣ народовольческая типографія и вмѣстѣ съ тѣмъ были также произведены обширные аресты и обыски. Въ типографіи погибла уже совсѣмъ напечатанная брошюра „Иванъ Гусъ“, предназначенная народовольцами, главнымъ образомъ, для распространенія среди крестьянъ, и безвозвратно пропала готовая къ печати брошюра „Объясненіе законовъ о стач-

кахъ“, переданная для набора отъ Союза. Были взяты также документы, касающиеся договора Союза и Группы Народовольцевъ относительно ихъ совмѣстной работы по части редактированія и издательства рабочей литературы. Такая совмѣстная дѣятельность была вполнѣ возможна, такъ какъ тогдашняя петербургская Группа Народовольцевъ, подъ вліяніемъ массового рабочаго движения, сдѣлала огромный шагъ въ сторону соціалдемократіи. № 4 ихъ „Летучаго Листка“ былъ составленъ въ такомъ духѣ, что, за исключеніемъ немногихъ статей, его свободно можно было бы принять за соціалдемократическое изданіе. Правда, петербургская группа, издавшая этотъ „Листокъ“, навлекла на себя нареканія со стороны многихъ изъ своихъ товарищѣй за границей и въ провинціи. Но Союзу Борьбы приходилось имѣть дѣло именно съ петербургской Группой Народовольцевъ, и именно съ нею были завязаны издательскія сношенія еще группою „стариковъ“. Въ своей прекрасно обставленной типографії народовольцамъ удалось издать нѣсколько хорошихъ брошюръ для рабочихъ, а Союзъ былъ главнымъ ихъ покупателемъ и распространителемъ. Все это подготовило почву для болѣе тѣсной совмѣстной работы: Однако, всѣ планы были разрушены арестами, и теперь прокуроры и жандармы усердно „трудились“, ломая голову надъ распутываніемъ двухъ сложныхъ дѣлъ—Союза и Группы Народовольцевъ.

Сыскное отдѣленіе тоже не дремало. Фабрики и заводы были наводнены цѣлыми тучами шпіоновъ и провокаторовъ. Хотя рабочіе уже начинали мало-по-малу отличать ихъ отъ свсего брата, однако сыщики и провокаторы дѣлали свое дѣло и сильно затрудняли дѣло пропаганды и агитациіи Союза.

За время стачки дѣйствующія революціонныя силы объединились, и Союзъ продолжалъ существовать, несмотря на крупныя потери, понесенные за лѣто и осень 1896 г.

Союзъ былъ реорганизованъ. Его новая организація сложилась слѣдующимъ образомъ. Послѣ разгрома его въ августѣ, отъ Союза уцѣлѣла лишь одна небольшая соціалдемократическая группа, ведшая свое происхожденіе отъ группы рабочихъ Невской заставы. Она примкнула къ Союзу во время лѣтнихъ стачекъ. Къ этой группѣ пришлоось присоединиться немногимъ членамъ Союза, оставшимся на свободѣ, а также вскорѣ выпущеннымъ на свободу за недостаткомъ уликъ. Сказанная группа объявила себя Сою-

зомъ и немедленно же принялась организовывать свои кружки въ различныхъ рабочихъ районахъ Петербурга. Скоро образовалось такимъ путемъ нѣсколько мѣстныхъ союзныхъ группъ: группы Невской заставы, Балтійского завода, Городская группа: группы Петербургской и Выборгской стороны. Кромѣ того была еще группа, завѣдующая технической (ремингтономъ, mimeографомъ и проч.). Организаторы мѣстной и технической группъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы ихъ представителями. Они собирались вмѣстѣ на общія собранія и составляли собою центральную группу Союза. Въ нее входили также кассиръ, товарищъ, завѣдывавшій сношеніями съ заграницей, и еще нѣкоторыя лица. Центральной группѣ принадлежало общее направлѣніе дѣятельности Союза. Выполненіе общихъ рѣшеній, организація, пропаганда и агитациія среди рабочихъ составляли задачу мѣстныхъ районныхъ группъ. Послѣднія пользовались значительною самостоятельностью. И въ случаѣ разгрома Союза оставшейся группѣ предоставлялось право объявить себя Союзомъ и дѣйствовать въ качествѣ такового.

Дѣло организаціи, пропаганды и агитациіи среди рабочихъ велось довольно успѣшно. Однимъ изъ членовъ Союза были выработаны двѣ специальная программы для систематическихъ занятій съ рабочими. Къ сожалѣнію, объемъ этихъ программъ, даже болѣе краткой изъ нихъ, не позволяетъ ихъ привести здѣсь. Скажу лишь, что она начиналась съ разсмотрѣнія фактическаго положенія русскихъ рабочихъ и сравненія условій ихъ жизни съ условіями жизни западно-европейскихъ рабочихъ. Выяснялось значеніе рабочаго вопроса вообще. Затѣмъ давалось понятіе о развитіи капиталистического производства въ Россіи. Выяснились основныя понятія политической экономіи по первому тому „Капитала“ Маркса. Особое вниманіе останавливалось на значеніи прибавочной стоимости, величины рабочаго дня, заработной платы и на всевозможныхъ способахъ эксплоатациіи рабочихъ капиталистами (штрафы, вычеты, браковка и пр.). Выяснялось значеніе развитія машинизма, концентраціи производства, рынковъ, промышленной конкуренціи, перепроизводства, кризисовъ, арміи безработныхъ. Далѣе переходили къ средствамъ, съ помощью которыхъ рабочіе могутъ улучшать свое положеніе. Разъяснялось значеніе рабочаго законодательства, являющагося результатомъ рабочаго движенія. Критически разбирались различные виды самопомощи. Выяс-

нялось значение стачекъ, союзовъ, бойкота и проч. Выяснялось значение классовой борьбы и указывалось, что исходъ изъ современного положенія заключается для рабочаго класса въ его самосознаніи и самоосвобожденіи. Разъяснялось значение рабочихъ партій, политической борьбы, всеобщаго избирательного права и парламентской дѣятельности для пролетариата. Говорилось о необходимости подчинить демократическому контролю всѣ средства производства, распределенія и обмѣна и выяснилось значение ихъ обобществленія. Въ заключеніе останавливалось еще разъ вниманіе на отношеніи современного политического строя къ самосознанію и самоосвобожденію рабочихъ и къ вытекающему отсюда нашему отношенію къ политическому строю. Такова была программа, выработанная зимой 1896 года.

Популярность Союза возрасла, и даже самостоятельные кружки рабочихъ не сторонятся теперь по прежнему Союза, а входятъ съ нимъ въ сношениі и до нѣкоторой степени считаютъ его своимъ выразителемъ.

Союзу необходимо было формулировать всю совокупность тѣхъ основныхъ принциповъ, которыми онъ руководился въ своей практической дѣятельности. Такимъ образомъ, ростъ сознательнаго рабочаго движенія неизбѣжно ставилъ предъ Союзомъ вопросъ о вполнѣ опредѣленной соціалдемократической программѣ. Программа требовалась тѣмъ настоятельнѣе, что функции Союза, какъ представителя петербургскаго сознательнаго рабочаго движенія, становились все болѣе важными и отвѣтственными. Какъ таковому, Союзу приходилось выступать и предъ русскимъ обществомъ, и предъ правительствомъ, и предъ заграничными русскими и иностранными соціалистическими организаціями, и, наконецъ, предъ соціалистическими организаціями, существующими въ предѣлахъ Россійской имперіи, каковы группы Народовольцевъ, Польская Соціалистическая Партия и еврейская организація. Союзу необходимо опредѣлить свою физіономію, и, слѣдовательно, вопросъ о программѣ былъ вопросомъ крайне важнымъ.

Между тѣмъ Союзъ былъ такъ заваленъ текущей работой, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни силъ заняться составленіемъ программы, и эта работа была поручена одному товарищу, стоявшему тогда въ сторонѣ отъ активной дѣятельности. Порученіе было выполнено въ видѣ проекта программы партіи. Но, къ несчастію, въ силу по-

лицейскихъ условій, проектъ программы былъ уничтоженъ, даже не будучи прочитанъ большинствомъ участниковъ Союза.

Осень давно уже прошла, а неопределенные обѣщанія, данныхы правительствомъ рабочимъ, не думали выполнятся. Среди обманутыхъ рабочихъ все время шло волненіе. Между ними ходили слухи, что между фабрикантами и министерствами идутъ какіе-то переговоры, и всѣ ждали... Какъ лѣтомъ ждали осени, такъ и теперь ждали нового года. Союзъ вѣдь отъ времени издаваль прокламаціи, напоминая обѣщанія правительства. Вотъ, напримѣръ, что писалось въ прокламаціи къ рабочимъ Екатерингофской мануфактуры въ декабрѣ 1896 года.

Товарищи!

Наша лѣтняя стачка, которую заграничные рабочіе въ своихъ привѣтствіяхъ намъ называли „великой”, показала фабрикантамъ и правительству, что русскіе рабочіе будутъ отнынѣ бороться за улучшеніе своего быта, хорошо понимая свои интересы и сознавая собственную силу. Фабриканты и правительство испугались нашей объединенной силы и по-доброму по-здравому рѣшили заговорить съ рабочими на нѣкоторыхъ фабрикахъ о сокращеніи рабочаго дня. Этотъ же вопросъ рѣшается и въ комиссіи. Но комиссіи и раньше занималась этимъ баловствомъ, а мы по прежнему ведемъ жизнь каторжниковъ.

Нѣтъ, товарищи, фабриканты и правительство только подъ постояннымъ напоромъ нашихъ силъ будутъ удовлетворять наши требованія. На этихъ клячахъ безъ кнута далеко не уѣдешь.

Дальше въ прокламаціи излагаются мѣстныя злоупотребленія администраціи фабрики и выставлено 9 требованій, которыхъ необходимо добиться. Прокламація заканчивается такъ:

„Закончимъ пока на этомъ. Впереди у насъ борьба за *сокращеніе рабочаго дня*. Готовьтесь, товарищи, защищать свои требованія. Борьба давно началась. Сумѣйте же довести ее до конца“.

„Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

Уже по этой прокламаціи читатель самъ видѣть, что Союзъ напоминалъ рабочимъ о невыполненному требованіи, но не призывалъ сейчасъ же настаивать на его выполненіи. И правда, по всему было видно, что правительство лишь въ томъ случаѣ пойдетъ на уступки въ главномъ требованіи—сокращенія рабочаго дня, если снова начнется общая забастовка. Между тѣмъ стояли сильные морозы. Какъ можно было звать людей къ забастовкѣ, когда ихъ ждетъ не только голодъ, но еще и холодъ?

Но рабочіе, очевидно, такъ утомились отъ напряженного ожиданія, что даже забыли суровыя условия зимы. Всюду шли волненія. Полиція тоже не дремала. До Союза окольнымъ путемъ дошли свѣдѣнія, что правительство готовится къ новой стачкѣ. Что всюду разосланы циркуляры, приказано усиленно слѣдить и немедленно доносить. Что подписана масса арестовъ. Что войска наготововъ и проч.

Прошелъ новый годъ, давно ожидаемое 1-ое января 1897 года. Измѣненій рабочаго дня не было объявлено. Тогда прекратили работу двѣ фабрики Максвелля (Петровская и Спасская). Это были именно тѣ самыя фабрики, рабочіе которыхъ еще лѣтомъ заявляли, что если правительство не выполнитъ обѣщаній, они станутъ къ новому году.

Все дѣло началось съ разговора между собравшимися рабочими и фабричнымъ инспекторомъ. На его вопросъ, „почему они не работаютъ?“ рабочіе отвѣчали: „какъ намъ работать, когда правительство не исполняетъ своихъ обѣщаній? Вѣдь лѣтомъ намъ обѣщали, что новый рабочій день будетъ введенъ чрезъ 2—3 мѣсяца. Теперь прошло слишкомъ 7 мѣсяцевъ, а обѣщаніе не исполнено“.

— Надо обождать,—отвѣчаетъ инспекторъ.—Вы, рабочіе, не знаете, какъ трудно вводить новый порядокъ. Вѣдь для уменьшенія рабочаго дня на 1 часъ потребовалось для разработки проекта 12 лѣтъ (!!). Вы же теперь хотите уменьшенія рабочаго дня на $2\frac{1}{2}$, а гдѣ и на 4 часа.—При этихъ словахъ раздаются ироническія восклицанія.

— Ну, ребята, теперь надо, значитъ, намъ ждать 48 лѣтъ! Инспекторъ отвѣчаетъ, что такую реформу нельзя сразу ввести.

— Да и мы не думаемъ добиться всего *сразу*. Мы намѣрены устроить по крайней мѣрѣ семь бунтовъ въ одинъ годъ,—слышатся иронические крики изъ толпы.

„Разговоръ“ ни къ чему не привель. „Предупредительная“ администрація фабрики заперла было на Петровской части рабочихъ. Но двери были выломаны. За Петровскими послѣдовали и Спасскіе.

— Вы—нищѣ, а беретесь за такое дѣло,—пустиль въ рабочихъ язвительно директоръ Шульцъ.

— Не благодаря ли нашей нищетѣ ты разбогатѣлъ?!— отвѣчали изъ толпы, и въ лицо управляющему полетѣли книжки, „Царь и царица въ гостяхъ у французовъ“, разда-

ваемая во время праздниковъ рабочимъ фабричной администрацией.

Рабочіе выставили лѣтнія требованія и просили Союзъ напечатать листки, приглашая всѣ фабрики примкнуть къ забастовкѣ. Заволновался Александровскій и Обуховскій заводы и на фабрикахъ Максвелля волненіе еще болѣе усилилось. Союзъ тянуль время, чтобы выяснить хорошенко, стоитъ ли, слѣдуетъ ли въ зимнюю пору приглашать всѣхъ рабочихъ къ общей забастовкѣ? Поддержать ли остальная фабрики лѣтнія требованія?

3-го января максвелльцы послали на Обводный своихъ представителей, приглашая пристать къ забастовкѣ. А за Невской заставой полиція вздумала заняться популяризаціей Союза. Тамъ объвился провокаторъ—рабочій Козловъ, выдававшій себя за представителя Союза; онъ настаивалъ, что ему отъ Союза поручено организовать стачку, указывалъ лицъ, къ которымъ слѣдуетъ направлять денежную помошь. Впрочемъ, послѣднее случалось не разъ; не разъ до Союза доходили слухи, что то тамъ, то сямъ собираются деньги „для Союза“. Но предупредить подобныя злоупотребленія было очень трудно.

Козловымъ была издана даже какая-то прокламація весьма нелѣпаго содержанія, поддѣланная и довольно искусно подъ шрифтъ Союза. Однако рабочіе скоро раскрыли эту плутню.

Администрація на Российской мануфактурѣ (на Обводномъ) пригласила выборныхъ отъ рабочихъ и вздумала ихъ успокаивать тѣмъ, что, молъ, „проектъ вырабатывается“, что, молъ, забастовка тѣмъ и неудобна, что отдаляетъ время выработки проекта.

На это рабочіе отвѣчали: „проектъ вырабатывается съ 1886 г., а толку все нѣтъ. Вы имъ отвалите вотъ столько—(показывается на большой картонный листъ),—они и начнутъ снова „вырабатывать проекты“.

Администрація пыталась возражать.

— И въ газетахъ пишутъ про сокращеніе рабочаго дня.

— Въ газетахъ предлагаются, *какъ дѣлать*, но еще ничего не дѣлаютъ—послышалось въ отвѣтъ:

Администрація вздумала напомнить рабочимъ, что они явились виновниками лѣтней стачки („вспомните, что забастовка лѣтомъ началась на Российской мануфактурѣ“), намекая, что теперь они не должны повторять того же. На это рабочіе отвѣтили:

— Мы и теперь не ручаемся за то, что не бросимъ работу. Если придутъ и скажутъ „бросьте работу!“, мы не можемъ не бросить.

У Штиглица тоже происходили уговариванья рабочихъ, съ завѣреніемъ о близкомъ сокращеніи рабочаго дня. На Екатерингофской, Новой, у Воронина, Чешера—та же история. На Балтійскомъ неспокойно.

Между тѣмъ 3-го же января министерство финансовъ созвало совѣщеніе изъ фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ, чтобы рѣшить вопросъ, какъ предупредить дальнѣйшее развитіе начавшейся у Максвелля стачки. Рѣшено было разослать по фабрикамъ объявленія приблизительно слѣдующаго содержанія: „Министерство финансовъ, благодаря ходатайству фабрикантовъ и рабочихъ (!) обратить вниманіе на вопросъ объ уменьшеніи рабочаго дня, выработало законопроектъ, который скоро и поступить на разсмотрѣніе государственного совѣта; законопроектомъ предполагается регулировать рабочій день для всей Россіи. Въ настоящее же время, пока нѣтъ соотвѣтственнаго закона, уменьшеніе рабочаго дня зависитъ отъ доброй воли фабрикантовъ, и всякое вымогательство (!) со стороны рабочихъ противозаконно“.

Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, совѣщеніе министра рѣшило отказаться отъ программы дѣйствій, предпринятой во время лѣтнихъ стачекъ, когда было предписано всѣмъ фабрикантамъ не соглашаться ни на какія требованія рабочихъ относительно ограниченія рабочаго дня.

Любопытны нѣкоторыя подробности этого совѣщенія. Присутствовавшаго на совѣщеніи градоначальника Клейгельса Витте спросилъ: „можетъ ли онъ заставить рабочихъ работать?“

На это Клейгельсъ отвѣтилъ:

— Если бы рабочіе толпились на улицѣ, нарушили бы тишину и порядокъ, я съ ними справился бы. Но разъ они сидятъ по домамъ, я ничего не могу съ ними подѣлать.

Зашелъ разговоръ о томъ, какъ остановить движеніе. Главный фабричный инспекторъ Рыковскій сталъ доказывать, что никакихъ уступокъ рабочимъ дѣлать нельзя. Нѣкоторые же помощники фабричного инспектора стояли за уступки, такъ какъ иначе не остановить движенія. Стали голосовать, кто за уступки, кто противъ. Витте былъ сильно перепуганъ. Всѣ крупные фабриканты стояли за уступки,

мелкіе—противъ. Начали считать голоса. Витте предложилъ счетъ по числу рабочихъ, занятыхъ у бывшихъ на совѣща-ніи фабрикантовъ. Оказалось, что 12,000 рабочихъ за уступки и 11,000—противъ. Такъ г. Витте заочно распо-рядился голосами рабочихъ! Рѣшено было сдѣлать уступки.

Рѣшено было также немедленно разослать по всѣмъ фабрикамъ бланки такого содержанія.

„Симъ объявляется рабочимъ... мануфактуры, что съ... числа рабочій день сокращается съ... на... часовъ“. Слѣ-дуетъ печать фабричной инспекції.

Оставленные пробѣлы должны были служить мѣстомъ для вписыванія „добровольныхъ“ уступокъ гг. фабрикан-товъ. Въ тотъ же день объявленія были разосланы по фа-брикамъ, а 4-го градоначальникъ прекратилъ ихъ раз-сылку. Волненія распространялись все шире и шире. За-бастовалъ Александровскій чугунный заводъ. Рабочіе тре-бовали прежней расцѣнки, уничтоженія штрафовъ, а глав-ное, чтобы въ субботу кончали работу въ 2 часа.

Администрація завода переполошилась. Извѣстно, что этотъ заводъ является мастерскими Николаевской желѣз-ной дороги. Создано было собраніе начальниковъ тяги. Директоръ завода Герцъ заявилъ, что онъ за заводъ не ручается. Рѣшено было уступить. Забѣгая немногого вп-редь, я скажу, что 7-го января было вывѣшено объявленіе за подписью управляющаго дорогой о томъ, что требованія рабочихъ будутъ удовлетворены, и рабочіе принялись за работу. Болѣе того, относительно прекращенія работы въ 2 часа по субботамъ было дано знать во всѣ желѣзно-дорожныя мастерскія казенныхъ дорогъ по всей имперії*).

4-го января у Воронина администрація призвала въ кон-тору выборныхъ отъ рабочихъ и объявила, что съ 14 января рабочій день сокращается на $1\frac{1}{2}$ часа.

Въ тотъ же день на Обводномъ каналѣ попъ сказалъ въ церкви проповѣдь на тему „о стачкѣ за Невской заста-

*) Отъ одного своего пріятеля рабочаго, работавшаго въ одномъ про-винціальномъ городѣ въ желѣзодорожномъ депо, я слышалъ разсказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело это распоряженіе въ провинціи. Прежде нельзѧ было урваться раньшѣ 6 ч., а тутъ въ 2 часа ихъ почти гнали изъ мастерскихъ. Рабочіе сначала были удивлены. Но ихъ уди-вленіе перешло въ настоящій восторгъ, когда изъ распространенной среди рабочихъ прокламаціи „о значеніи Петербургской стачки“, они узнали суть дѣла; улучшеніе, добытое борьбой Александровскихъ рабо-чихъ, распространилось на всю Россію.

вой". Онъ грубо доказывалъ „заботливость" г.г. фабрикантовъ; а рабочихъ, моль, мутять нѣмцы да англичане, да тѣ что живутъ въ № 44 по Волынкѣ...

Рабочіе были возмущены. Хотя въ церкви было много городовыхъ и сколоточныхъ, однако одинъ рабочій крикнулъ попу:

— Если бы ты самъ проработалъ столько, сколько мы работаемъ, то и безъ англичанъ додумался бы до стачки!

Многіе просто ругали попа и вслухъ высказывали предположенія, что вѣроятно за проповѣдь онъ получилъ хорошую плату отъ хозяевъ.

На другой день другой тоже говорилъ проповѣдь о стачкѣ и съ тѣмъ же успѣхомъ.

5 января было новое совѣщаніе въ министерствѣ. Рѣшено было съ 16-го апрѣля ввести новый законъ о сокращеніи рабочаго дня по всей Россіи. Я не знаю подробностей объ этомъ совѣщаніи. Не помню, на этомъ ли или на предыдущемъ совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, какое значеніе будетъ имѣть новый законъ на агитацию— уменьшить ли ее или увеличить. Одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ на это заявилъ, что имъ трудно считаться съ этимъ вопросомъ. Если рабочій день не будетъ сокращенъ, агитация будетъ. Если рабочій день сократится — агитация все равно будетъ.

Въ тотъ же день, т. е. 5 января, на совѣщаніи рабочихъ представителей нѣсколькихъ мануфактуръ, съ участіемъ рабочихъ мѣстной группы Союза, было *рѣшено немедленно же предъявить лѣтнія требованія* на всѣхъ фабрикахъ и въ случаѣ ихъ неисполненія 7-го января всюду начать забастовку. Быль изданъ краткій листокъ съ требованіями.

Движеніе разросталось. Заволновался одиноко стоящей Торntonъ. Администрація приняла мѣры, чтобы уничтожить сношеніе торntonовскихъ рабочихъ съ райономъ на лѣвомъ берегу Невы.

Волненіе перенеслось на Выборгскую. Заволновались мануфактуры Шау и Мальцева (Старо- и Ново-Сампсоньевская мануфактуры). У Шау директоръ распинался предъ рабочими о своихъ добродѣтеляхъ. Женщинамъ онъ далъ на водку, а рабочимъ объязвилъ, что сбавить время работы, какъ и на другихъ фабрикахъ... Сбавилъ бы, моль, и больше, да ему не позволять... Плата у него, моль, и безъ того высокая. Рабочіе заявили, чтобы онъ лучше хлопокъ

отпускалъ подоброкачественнѣе, — обѣщалъ и это. Однако рабочіе рѣшили примкнуть къ забастовкѣ. Волненія проявились также у Кожевникова, Паля и на Глухо-Озерскомъ цементномъ заводѣ.

Настало 7 января, назначенный день общей забастовки. На Россійской мануфактурѣ „мальчики“ образовали группу человѣкъ въ 100 и пошли по всѣмъ этажамъ выгонять мюльщиковъ. Сопротивлявшихся женщины брали за руки и выводили. Явился директоръ и просилъ всѣхъ рабочихъ поскорѣе уходить съ фабрики, очевидно опасаясь поломки машинъ и бурныхъ сценъ. На его вопросъ:

— Явитесь ли 8-го на фабрику или будете сидѣть по домамъ? получился отвѣтъ:

— Встать придется, какъ обыкновенно, чтобы пройти къ фабрикѣ во-время. Придется поудерживать народъ; а то, знаете, найдутся такие, которые, пожалуй, вздумаютъ работать... Постоимъ около фабрики часа $1\frac{1}{2}$ и разойдемся.

Администрація многихъ фабрикъ (Россійской, Екатерингофской, Кенига, Штиглица) того же 7-го января вывѣсила объявленіе, что съ 16-го апрѣля рабочій день будетъ съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, $1\frac{1}{2}$ часа на обѣдь. Но рабочіе рѣшили добиваться лѣтнихъ требованій, настаивая на *немедленномъ ихъ выполнении*.

8-го числа на Россійской мануфактурѣ произошелъ такой разговоръ у рабочихъ съ фабричнымъ инспекторомъ:

— Господа, что же вы не идете на работу? — говорилъ инспекторъ. — Вѣдь вамъ же сдѣлана уступка? Кто не захочетъ изъ васъ работать на фабрикѣ, можетъ поѣхать въ деревню, тамъ отдохнетъ...

На этомъ мѣстѣ рабочіе прерываютъ его и, указывая на изможденныя лица „мальчиковъ“, стоявшихъ впереди, говорятъ:

— Господинъ инспекtorъ, посмотрите вы на нихъ. Какие они работники въ деревнѣ!

— Вижу, господа, что плохіе... Ничего, ничего не могу сдѣлать. Не отъ меня зависитъ.

— Почему же въ объявлениі значится, что сокращеніе рабочаго дня до $11\frac{1}{2}$ час. будетъ только съ апрѣля, а не сейчасъ?

— Раньше нельзя — былъ отвѣтъ инспектора.

— Такъ пусть намъ особо пока платятъ за лишніе часы, которые мы будемъ работать по старому, если „раньше 16-го апрѣля нельзя“.

— Не отъ меня это зависитъ,— отвѣчалъ инспекторъ.

Видя, что никакого толку не добьешься, рабочіе крикнули: „по домамъ!“ и разошлись.

У Кенига въ тотъ день волненіе было сильное, но съ грѣхомъ пополамъ работали. Вдругъ рабочіе увидали изъ оконъ фабрики, что пригнали три вагона городовыхъ.

— Какъ? мы работаемъ, а на насъ шлютъ городовыхъ!

Началось рванье нитокъ, бросаніе цѣвокъ и ровницы. Выставлены лѣтнія требованія.

9-го забастовала большая Охтенская мануфактура, несмотря на объявленіе о сокращеніи рабочаго дня. Выставлены лѣтнія требованія. Въ тотъ же день произошелъ разгромъ на Екатерингофской. Фабрика была вся освѣщена. Но рабочіе быстро поняли обманъ и собрались въ большомъ количествѣ къ воротамъ. Между тѣмъ полиція была наготовѣ и городовые стояли въ два ряда по всей Волынкѣ.

Рабочіе стояли около воротъ фабрики, переговариваясь между собою, до послѣ-обѣденного свистка. Къ этому времени подошли рабочіе и съ другихъ фабрикъ. Были даже съ Путиловскаго завода. При свисткѣ всѣ стали выжидатъ: „что дѣлать?“ Вдругъ одинъ рабочій выступилъ впередъ и крикнулъ: „Пойдемъ работать!“

Вся масса хлынула на фабрику. Околооточные и администрація завода начали креститься отъ радости, что все уладилось, какъ нельзя лучше. Но не прошло и 10 минутъ, какъ въ воротахъ показался изъ фабрики блѣдный и дрожащий подмастеръ Николай Петровъ, крича, чтобы городовые шли на фабрику.

Двѣ сотни городовыхъ стягивались къ фабрикѣ, изъ оконъ которой между тѣмъ летѣли вмѣстѣ со стеклами, гири, цѣвки и прочее. Рабочіе прежде всего поднялись на верхній этажъ и стали гнать тѣхъ мюльщиковъ, которые приготовились было работать. Стали ломать рамы отъ машинъ и обломки летѣли въ окна. Когда полиція подошла къ фабрикѣ, рабочіе, стоявшіе еще на улицѣ, подали свистки, предупреждая товарищей объ опасности.

Быстро вызваннымъ жандармамъ былъ данъ приказъ немедленно оцѣпить всю фабрику, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ изъ нея. Но на это жандармамъ потребовалось около $1\frac{1}{2}$ часа.

Директоръ фабрики, говоря, обратился къ офицеру со словами: „Чего же вы смотрите? Берите ихъ!“ На что на-

чальникъ жандармовъ будто-бы отвѣтилъ: „Я явился не брать ихъ, а успокаивать“.

Городовые же плохо знали ходы и, пока они блуждали, рабочіе, пробирались по знакомымъ ходамъ и спускаясь по пожарнымъ лѣстницамъ, успѣли пройти на задній дворъ, а тамъ оставалось лишь перелѣзть черезъ невысокій деревянный заборъ... Такимъ образомъ, рабочіе другихъ фабрикъ всѣ убѣжали, а нѣсколько человѣкъ изъ своихъ попались въ руки администраціи, но скоро были отпущены.

На другой день самъ околоточный не пускалъ никого изъ „усердныхъ“ рабочихъ на фабрику. Вечеромъ среди Екатерингофскихъ рабочихъ было арестовано около 20 человѣкъ, у Максвеля, по указанію администраціи, арестовано около 30 человѣкъ.

9-го же января было два большихъ рабочихъ собранія. На одномъ были представители всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ (всѣхъ около 60 чел.), отъ Союза былъ представитель рабочій. Рѣчь шла о болѣе прочной организаціи рабочихъ и обѣ организаціи денежнай помощи. Другое собраніе было частное. Оно состояло изъ рабочихъ представителей фабрикъ Кенига, Россійской и Екатерингофской. Было рѣшено, что если въ субботу 10-го января предложить разсчетъ, то разсчета не брать. Требовать, чтобы платили особы вплоть до 16 апрѣля за всѣ тѣ лишніе часы, которые рабочіе будутъ работать ежедневно сверхъ 11^{1/2} ч. Въ случаѣ высылки кого-либо изъ рабочихъ на родину, собрать деньги, причемъ подручные должны внести по 1 руб., концевые по 50 коп., задніе по 25 коп. Наконецъ, было рѣшено держаться, пока можно. Какъ на предыдущемъ собраніи, такъ и на этомъ Союзъ Борьбы былъ представленъ рабочими, принимавшими участіе въ мѣстной группѣ Союза.

Въ тотъ же день отъ Союза былъ выпущенъ листокъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, которые моментально разошлись по фабрикамъ. Въ этомъ листкѣ были выставлены требованія рабочихъ, выработанныя ими на ихъ общемъ собраніи.

Въ тотъ же день по фабрикамъ было вывѣшено объявление отъ фабричныхъ администрацій такого содержанія: „На основаніи 105 ст. уст. о пром. симъ объявляемъ рабочимъ (такой-то) мануфактуры, что если кто не придетъ на работу 10-го числа, пусть явится за разсчетомъ. 11-го числа тѣмъ, кто не явится, разсчетъ будетъ разосланъ

по квартирамъ чрезъ полицію". Подписаны имена хозяина фабрики и старшихъ фабричныхъ инспекторовъ Рыковского и Мейера.

10-го января опять было собраніе рабочихъ представителей отъ фабрикъ, съ участіемъ интеллигентовъ, представителей отъ Союза. Было рѣшено заявить, что разсчета не желаютъ, а требуютъ простую получку. Вновь предъявить старыя требования. Согласны и на новыя условія, но пусть они будутъ введены теперь же, въ январѣ. Рѣшено выпустить новый общій листокъ. На другой день появился новый листокъ ко всѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ съ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ рабочимъ за денежною помощью.

Однако фабричное начальство и полиція дѣлали свое дѣло. Начались массовые разсчеты, при чемъ рабочимъ объявляли, что если хотятъ, то могутъ наниматься снова. Тѣмъ, кто не шелъ за разсчетомъ, его пересыпали черезъ полицію, а послѣдняя приказывала немедленно убираться изъ Петербурга. Болѣе умѣренные элементы среди рабочихъ стали уговаривать начать работу въ виду того, что сокращеніе рабочаго дня обѣщано весною. И стачка прекратилась.

Настроеніе среди рабочихъ было самое бодрое. Одна мысль о томъ, что отъ ихъ дружнаго напора моментально зашевелились власти, воодушевляла головы борцовъ. Да и можно было быть бодрыми. Пока рабочие говорили и волновались въ теченіе осени, правительство готово было даже позабыть о своихъ лѣтнихъ обѣщаніяхъ. Работа собиравшихся комиссій шла крайне вяло, и дѣло, казалось, затягивается надолго. Но достаточно было забастовать только нѣсколькимъ фабрикамъ, какъ моментально зашевелились всѣ пружины. Экстренные засѣданія въ министерствѣ, объявленія по фабрикамъ—все это слѣдовало съ стремительно быстрытою. Конечно, моментъ для стачки былъ выбранъ неудачный, ибо суровая зима—плохой союзникъ для забастовщиковъ. Очень возможно, что если бы, какъ предполагалось Союзомъ, забастовка устроилась бы къ веснѣ, то уступки правительства были бы болѣе полныя и болѣе удовлетворяющія нужды рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ, зимняя стачка, начавшаяся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, еще разъ хорошо и наглядно показала правительству, что лѣтнія требованія ра-

бочихъ не было пустымъ звукомъ, что рабочіе сознали, что болѣе короткій рабочій день есть первое необходимое средство для того, чтобы выйти изъ состоянія физического и умственнаго порабощенія. Словомъ, зимняя стачка показала правительству, что прошло то время, когда можно было устрашать рабочихъ Петербурга репрессіями или убаюкивать лживыми обѣщаніями. Правительство волей-неволей *принуждено* было приняться за непріятную для него работу подготовленія новаго закона.

Но излагать ходъ этой работы не входитъ въ мою настоящую задачу. Всѣхъ интересующихся исторіей и дальнѣйшей судьбой закона 2-го іюня 1897 г. я отсылаю къ интереснѣйшимъ „Тайнымъ документамъ“ и къ брошюре „Новый фабричный законъ“, изданнымъ „Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ“, и къ другимъ брошюрамъ, посвященнымъ вопросу объ этомъ законѣ.

Мнѣ же приходится перейти къ изложенію новаго *организаціоннаго* периода петербургскаго движенія и къ выясненію тѣхъ новыхъ задачъ, которыя „Пет. Союзу Борьбы“ предстояло выполнить, и тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ появилась группа и газета „Рабочая Мысль“.

Глава V.

Организаціонный періодъ движенія.—Новые задачи Союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Рабочая Мысль“.

Описанные на предыдущихъ страницахъ ростъ и развитіе широкаго рабочаго движенія и постепенное пробужденіе къ сознательной жизни все болѣе и болѣе широкихъ круговъ рабочихъ естественно выдвинули впередъ массу новыхъ запросовъ и потребностей и поставили передъ дѣйствующими соціалдемократами цѣлый рядъ новыхъ задачъ. Нарожденіе въ самой рабочей средѣ сознательныхъ и дѣятельныхъ личностей, стремившихся отвѣтить на запросы своихъ товарищъ, было однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій того же подъема, того же движенія.

Начавшаяся среди рабочихъ, особенно со времени лѣтней стачки 1896 г., организація постоянныхъ стачечныхъ кассъ не прекратилась. Теперь часто уже приходилось слы-

шать, что то на той, то на этой фабрикѣ рабочіе устроили кассу съ цѣлью поставить свое дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Стоитъ взять одну изъ подобныхъ кассъ, чтобы получить понятіе объ ихъ характерѣ. Образцомъ этихъ кассъ можетъ служить касса, устроенная рабочими на фабрикѣ Кожевникова, на Обводномъ каналѣ. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притска средствъ со стороны, такъ что сравнительно большой ея денежный оборотъ можетъ быть объясненъ лишь дѣятельнымъ участіемъ въ ней мѣстныхъ рабочихъ. Въ описываемое время ея расходъ былъ около 300 руб. (за нѣсколько мѣсяцевъ), ея наличность состояла изъ 100 руб. Питалась она членскими взносами. Расходованіе денегъ шло на такихъ основаніяхъ: $\frac{1}{4}$ всѣхъ суммъ шла на стачки. Остальное дѣлилось на 4 части, изъ нихъ 2 части—на взаимопомощь, 1 часть на книги и 1 часть составляла постоянный фондъ. Какъ видитъ читатель, кассы подобного рода, конечно, не были кассами революціонныхъ соціалдемократическихъ организацій, а скорѣе походили подъ понятіе, такъ называемыхъ, кассъ самопомощи. Кассами цеховыхъ рабочихъ союзовъ или трэдъ-юніоновъ подобныя кассы тоже нельзя называть, хотя они, между прочимъ, въ число своихъ задачъ вмѣщали и задачи кассъ подобного рода. Кассы, о которыхъ намъ приходится говорить, пре-слѣдовали болѣе широкія цѣли. Составъ членовъ подобныхъ кассъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ смѣшанный. Въ нихъ принимались просто надежные рабочіе, независимо отъ того, къ какому цеху они принадлежали.

Но организаторская дѣятельность активныхъ рабочихъ не ограничивалась кассами. Общеніе рабочихъ различныхъ мѣстностей быстро росло и развивалось. Частныя собранія рабочихъ представителей кружковъ различныхъ рабочихъ районовъ Петербурга теперь уже не прекращались. Подобного рода общеніе, взаимный обмѣнъ мыслей и мнѣній должны были находить себѣ, въ концѣ-концовъ, и письменное выраженіе. И оно находило его. Стоило бы только заглянуть въ архивъ тогдашняго Петербургскаго Союза Борьбы, чтобы увидѣть цѣлый рядъ образцовъ тѣхъ рукописей, которыми рабочіе заваливали Союзъ. Въ эту минуту, когда я пишу эти строки, у меня находится подъ руками какъ разъ нѣсколько подобныхъ рукописей. И я думаю, что читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я приведу нѣсколько строкъ изъ этихъ рукописей, чтобы показать, какъ активные ра-

бочіе того времени понимали свои организаціонныя задачи. Беру три первыхъ случайно попавшихся рукописи. Двѣ изъ нихъ являются обращеніемъ дѣятельныхъ рабочихъ къ своему же брату-рабочему. Третья носитъ заглавіе „О кассахъ“ и была явно обращеніемъ рабочаго соціалдемократа къ интеллигентамъ Союза.

„Главная наша задача,— пишетъ рабочій, авторъ первой рукописи,— соединиться въ одинъ общий союзъ; для этого самое лучшее средство: организовать небольшия кружки и заводить при нихъ кассы, въ которыхъ дѣлать взносы по возможности средствъ участвующихъ; соединить эти кружки въ одно цѣлое не будетъ стоить особаго труда“.

Рабочій, авторъ другой рукописи, задается, повидимому, той же задачей объединенія своихъ товарищѣй, хотя формулируетъ ее иначе. Онъ стремится разъяснить своимъ товарищамъ значеніе организованной силы вообще на частномъ примѣрѣ организаціи нашего правительства.

„Правительство, говорить нашъ авторъ, поддерживается общими силами тѣхъ людей, кому оно нужно для поддержанія своихъ интересовъ. Почему же и намъ не устроить среди насъ самихъ нѣчто въ родѣ правительства? Чтобы наше общее дѣло шло впередъ, необходимы люди, ведущіе его, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше. Гдѣ же ихъ взять? Надо выбирать среди своихъ же товарищѣй такихъ людей, потому что только сами рабочіе знаютъ хорошо свои интересы, только сами рабочіе могутъ честно и добросовѣстно исполнять требованія своихъ товарищѣй, своего класса. Но чтобы были такие люди, надо, чтобы была возможность учиться, развиваться, потому что мало только знать потребности самихъ рабочихъ, надо умѣть ихъ выполнять, а для этого надо знать много“.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свой организаціонный планъ, мало чѣмъ отличающійся отъ предыдущаго предложения. Онъ предлагаетъ рабочимъ цѣлую сѣть фабричныхъ и заводскихъ „кружковъ самопомощи и кружковыхъ кассъ“.

„Благодаря такимъ кружкамъ самопомощи,— пишетъ рабочій,— всякий членъ будетъ чувствовать себя смѣлѣе при столкновеніяхъ съ начальствомъ, будетъ знать, что у него есть хорошия пріятели, есть деньги про запасъ, а это много значитъ. При теперешнемъ положеніи вещей всякий надѣется *только на себя*, и получается такое положеніе, что будто онъ находится въ непроходимомъ дѣственномъ лѣсу, или въ темномъ погребѣ, идетъ наугадъ, не понимая и не видя, того, что онъ дѣлаетъ. Тогда же у него будутъ деньги, будутъ товарищи не только на заводѣ или фабрикѣ, а вездѣ въ Петербургѣ; вездѣ онъ найдетъ поддержку, всякий заранѣе будетъ знать, гдѣ лучше, въ случаѣ перехода съ мѣста на мѣсто; будетъ знать, гдѣ нужень народъ, а гдѣ нѣтъ. Да мало ли преимуществъ кружковцевъ противъ обыкновенныхъ рабочихъ. А что касается наказанья за это, то помните, что не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ“.

Рабочій, авторъ третьей рукописи (помѣченной 31 октября 1896 г.), обращается къ интеллигентамъ соціалдемократамъ и, очевидно, стремится повліять на нихъ въ желательномъ ему направлениі:

„Главная цѣль передовыхъ, критически мыслящихъ людей,—пишетъ онъ,— должна быть: соединить въ одно цѣлое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требуетъ немалого труда, благодаря деморализаціи рабочихъ и нашего строя. Нужно почти заставить рабочихъ хорошошенько вдуматься въ свое положеніе, нужно вырвать у нихъ рутинное убѣжденіе и доказать выгодность соціалистического строя. Повторяю, что этого достигнуть трудно. Интеллигенты соціалистической партіи скажутъ, что я преувеличиваю и смотрю на дѣло сквозь пальцы; быть можетъ, но имѣть такое мнѣніе я имѣю уважительныя причины и въ свою очередь мнѣ кажется, что интеллигенты и многіе даже изъ рабочихъ смотрятъ на положеніе вещей сквозь розовое стеклышко; это происходитъ отъ того, что интеллигенты въ большинствѣ случаевъ приходится сталкиваться съ рабочими нѣсколько уже развитыми, которыхъ такъ мало, что они теряются въ большинствѣ неразвитыхъ. Но объ этомъ мы потолкуемъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь нужно порѣшиТЬ, какимъ путемъ скорѣе и легче можетъ быть достигнута цѣль. Передовые люди, отдѣльные личности должны быть, по возможности, предусмотрительны, при чѣмъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что передовыя личности это только *механизмы, дающіе направлениѣ*; но главная двигательная сила—это *масса*; слѣдовательно, на обязанности личности лежитъ забота о сохраненіи этой силы и ея группированіи. Здѣсь нужно нѣкоторое терпѣніе, чтобы выждать большаго скопленія силы и, не разсѣивая ее въ разныхъ пунктахъ, дать отпоръ угнетающему строю.

Въ настоящее время борьба безспорно далеко не равная: на золотомъ знамени противоположнаго лагеря начертаны пугающія массу слова: „Богъ, Царь и Отечество“; на нашемъ: „Равенство, Свобода, Братство“. Не слѣдуетъ забывать, что первыя слова, которыя выкрикиваются попами и полиціей, заглушаютъ шопотъ вторыхъ, произносящихся шепотомъ. Но мы видимъ, что время отъ времени попы и полиція теряютъ свою силу, и армія подъ соціалистическимъ знаменемъ увеличивается.

Мы должны безпрерывно идти впередъ, собирая вокругъ себя большую силу, но для этого необходимо стараться выгоднѣе пользоваться тѣми атомами свободы, которые мы имѣемъ, и по возможности съ меньшими жертвами достигать ихъ расширенія. Какъ этого достигнуть? Вотъ вопросъ, на который нельзя дать рѣшительного отвѣта, тѣмъ болѣе потому, что не можемъ видѣть могущихъ быть всевозможныхъ измѣненій, которыя могутъ потребовать немедленныхъ реформъ въ революционномъ дѣлѣ; также въ разныхъ мѣстахъ рабочіе, пользующіеся не одинаковыми условіями, должны имѣть хотя и къ одной цѣли ведущіе, но нѣсколько видоизмѣненные планы. Тѣмъ не менѣе движеніе должно быть водворено вездѣ по возможности въ одинаковыхъ формахъ. Первымъ и главнымъ къ этому шагомъ должны быть рабочія кассы, обѣ устройства которыхъ я и хочу поговорить нѣсколько подробнѣе.

Кассы должно устроить такъ, чтобы онѣ не казались рабочимъ непосильными, для этого опредѣленнаго взноса выставить нельзѧ, и

члены должны дѣлать таковые по возможности своихъ средствъ; при чемъ необходимо заботиться о томъ, чтобы участвующіе въ кассѣ не смотрѣли бы на нее, какъ на лимонъ, изъ котораго можно, въ свое удовольствіе, выжимать сокъ.

Касса прямо для революціонныхъ цѣлей хороша, но она найдетъ слишкомъ мало участвующихъ лицъ, слѣдовательно, должны быть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колеръ.

Въ каждой фабрикѣ или заводѣ удобнѣе устраивать нѣсколько маленькихъ кассъ, каждой изъ нихъ можетъ руководить одинъ болѣе развитой рабочіи; число членовъ, смотря по возможности обстоятельствъ, человѣкъ 5—6 и болѣе. Представители каждой изъ такихъ кассъ въ каждомъ завоdѣ или фабрикѣ должны имѣть сообщеніе, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты и проч.

Каждый представитель кружка долженъ вырабатывать изъ своихъ товаришей быть способными въ будущемъ руководить такими же кружками и одного всегда не мѣшаетъ имѣть въ виду для необходимыхъ поручений, замѣнить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшійся кружокъ и т. д.

При каждомъ завоdѣ или фабрикѣ нужно имѣть главную кассу, куда будетъ помѣщаться запасный капитальчикъ мелкихъ кассъ. Личность, завѣдующая этимъ пунктомъ, должна быть вполнѣ надежная, потому что здѣсь будутъ стянуты всѣ нити завода или фабрики въ одинъ узелъ. Этотъ кассиръ долженъ имѣть прямое или косвенное сообщеніе съ представителями кружковъ, слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламаций, имѣть сообщеніе съ интеллигентіей, вести отчетъ главной кассы и проч.

Изъ такихъ кассъ каждого завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться въ центральную кассу соц. дем. партіи, которая должна хранится „аки зеница ока“. Завѣдующіе центральной кассой прямого сообщенія съ заводами имѣть не должны, хотя не мѣшаетъ иногда пересыпать отчетъ завѣдующимъ главными кассами и, по усмотрѣнію опытного интеллигента, остальнымъ надежнымъ рабочимъ.

Въ случаѣ стачки, завѣдующіе центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособие (если таковое будетъ возможно сдѣлать) достигало своей цѣли...

...Интеллигентамъ необходимо посѣщать рабочихъ, но нужно быть по возможности осторожнѣе, потому что такие люди дороги и имъ на удалую итии не слѣдуетъ. Вообще надо стараться, чтобы рабочіе сами шли впередъ; косвенно на нихъ вліять нужно, но не слѣдуетъ ставить въ такое положеніе, чтобы они чувствовали, что ихъ тянутъ“.

Какъ же отвѣчать Союзъ Борьбы на подобные и другіе организаціонные запросы рабочихъ того времени?

Врядъ ли въ настоящее время кто-либо изъ дѣйствующихъ петербургскихъ товарищѣй станетъ оспаривать или, еще болѣе, возражать что-либо противъ значенія настоящаго, смѣшанного состава Союза Борьбы, въ который на одинаковомъ основаніи входятъ и рабочіе и интеллигенты. Врядъ ли теперь кто-либо станетъ возражать противъ того, что образованный дѣятельный рабочій сможетъ болѣе умѣло,

лучше и болѣе конспиративно выѣполнять роль организатора рабочихъ, чѣмъ сталъ бы выполнять эту роль менѣе знакомый рабочей средѣ и менѣе знакомый съ рабочею средою интеллигентъ? Однако, эти самоочевидныя истины не казались еще таковыми въ 1896 г.

Ни для кого не составляетъ тайны, что ядро Союза состояло изъ интеллигентовъ. Всего точнѣе конституцію тогдашняго Союза можно было бы опредѣлить слѣдующими словами: онъ состоялъ изъ центральной и мѣстныхъ группъ, членами которыхъ были интеллигенты, имѣвшіе связи съ дѣятельными рабочими. Такой составъ Союза, можетъ быть, еще годился для кружковой работы и отчасти для той начальной стадіи агитациі, которая велась еще до лѣтнихъ стачекъ; но онъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ организаціоннымъ, агитаціоннымъ и даже пропагандистскимъ задачамъ, какія впервые были поставлены передъ Союзомъ лѣтними стачками и теперь самымъ настойчивымъ образомъ требовали новыхъ силъ, пріемовъ и средствъ для своего разрѣшенія.

Прежде всего было необходимо возстановить общую рабочую организацію (объединеніе мѣстныхъ районныхъ организацій), разрушенную арестами 95 и начала 96 годовъ. Единство дѣйствій районныхъ организацій обеспечивалось бы центральной агитаціонной группой или рабочимъ комитетомъ изъ рабочихъ, представителей отъ районовъ. Такая группа организовалась, но *относительно ея роли* между членами центральной организаціи Союза происходили разногласія.

Разногласіе въ тогдашнемъ Союзѣ происходило по той причинѣ, что часть членовъ центральной организаціи Союза настаивала, чтобы *все оставалось по старому*, т. е. ядро Союза состояло бы по прежнему только изъ интеллигентовъ, и чтобы только они были руководителями движенія. Что же касается агитаціонной рабочей группы, то она должна стоять на периферіи.

Другіе же настаивали, что вести дѣло подобнымъ способомъ дальше нельзѧ, ибо тогда Союзъ потеряетъ свое значеніе и влияніе среди рабочихъ: что мы *должны* считаться съ наличностью среди рабочихъ сознательныхъ силъ, которая рвутся къ работѣ и къ дѣятельному участію въ Союзѣ. Организація Союза *должна* быть измѣняема, собразно потребностямъ времени, иначе она будетъ мертвою

организацией; что не надо закрывать глаза на факты: функции Союза растутъ, мы не успѣваемъ дѣлать даже ту работу, которую выполнять можемъ только мы, въ то время, какъ мы бесполезно тратимъ силы на такую работу, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ быть выполнена самими рабочими. Силь у насъ недостаетъ, и главное недостаетъ такихъ силъ, которыя могли бы вести организаціонную работу въ рабочей средѣ. Поэтому *необходимо* отказаться отъ прежней системы, необходимо включить въ центральную организацію Союза нѣсколько представителей отъ агитаціонной рабочей группы и ввести болѣе правильное раздѣленіе труда. Только такимъ путемъ Союзъ можетъ развиваться дальше, расширять свою дѣятельность, распространять свое вліяніе и проникать глубже во все болѣе и болѣе широкіе круги рабочихъ и приобрѣтать фактическую возможность руководить рабочимъ движениемъ Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ, наконецъ, было бы разъ навсегда покончено съ той перегородкой, которая отдѣляла соціалистовъ интеллигентовъ отъ соціалистовъ-рабочихъ.

Подумать обо всемъ этомъ было тѣмъ болѣе своеевременно, что среди рабочихъ, рвущихся къ активной дѣятельности, начинало зарождаться глухое недовольство Союзной организаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ у рабочихъ было такое уваженіе къ Союзу, что они хотѣли работать именно подъ его знаменемъ. Среди насъ, стоявшихъ за дѣятельное участіе рабочихъ въ Союзѣ, не разъ возникала мысль, что если Союзъ сейчасъ не исполнить своего долга, то въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, намъ придется считаться съ печальнымъ фактомъ, что часть сознательныхъ рабочихъ отстанетъ отъ Союза и будетъ дѣйствовать самостоятельно: и кто знаетъ, что можетъ выйти изъ этого, быть можетъ, даже борьба съ Союзомъ и его тактикой.

Читатель спроситъ, какіе же аргументы выдвигали тѣ члены Союза, которые отстаивали старый порядокъ. Эти аргументы сводились главнымъ образомъ на то, что введеніе рабочихъ въ центральную группу Союза невыгодно въ конспиративномъ отношеніи. Почему и отчего развитой рабочей-практикѣ менѣе конспиративенъ, чѣмъ интеллигентъ, на это не получалось никакого удовлетворительного отвѣта. Впрочемъ, однажды одинъ изъ главныхъ сторонниковъ старого порядка вѣщей выразилъ даже опасеніе, что рабочие внесутъ въ Союзъ новые порядки и, быть можетъ, лишать насъ руководящей роли.

На это оставалось лишь сказать, что если мы окажемся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несостоятельными, то не будетъ вреда для дѣла, если мы лишимся руководящей роли въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мы дѣйствительно не въ силахъ руководить.

Споры подобного рода едва ли не больше трехъ мѣсяцевъ занимали мѣсто среди текущихъ дѣлъ, пока, наконецъ, сторонники старого порядка не начали сдаваться.

Споры относительно лучшей постановки организаціоннаго дѣла Союза и допущенія рабочихъ къ дѣятельному участію въ его организаціи кончились тѣмъ, что въ концѣ февраля было рѣшено принять въ центральную группу Союза двухъ рабочихъ, представителей агитационной группы, или, какъ еще называли эту группу, рабочаго комитета. Но не успѣла центральная группа Союза собраться на общее собраніе въ новомъ составѣ, какъ произошелъ давно уже ожидавшійся (послѣ январскихъ стачекъ) провалъ, унесшій съ собою изъ Союза всѣхъ сторонниковъ участія рабочихъ въ его внутренней организації. Все пошло по старому, силы Союза на время ослабѣли, участіе рабочихъ въ центральной группѣ Союза на время сдѣлалось недоступнымъ и было осуществлено, какъ всѣмъ извѣстно, лишь въ позднѣйшее время. Запросы рабочихъ организаціонные, агитационные и даже литературные оставались по прежнему неудовлетворенными. Надежда на Союзъ въ этомъ отношеніи, повидимому, пропала. Отсюда вытекло стремленіе нѣкоторыхъ рабочихъ самостоятельно обеспечить себѣ удовлетвореніе своихъ насущныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей, и, какъ одно изъ средствъ осуществленія этихъ стремленій, выступленіе на сцену группы рабочихъ, основавшихъ газету „Рабочая Мысль“.

ГЛАВА VI.

Возникновеніе „Рабочей Мысли“. Ея краткая исторія.

Описанныя на предыдущихъ страницахъ условія медленно подготовляли почву для возникновенія группы и газеты „Рабочая Мысль“. Послѣдняя возникла не сразу. Еще въ началѣ 1896 года одинъ кружокъ рабочихъ замышлялъ издавать свою рабочую газету. И рабочій, ставшій впослѣд-

ствії однимъ изъ основателей и главнѣйшимъ сотрудникомъ „Р. М.“, принадлежаль именно къ этому кружку. Я не знаю, что помѣщало этому кружку рабочихъ завести свою газету, хотя бы весною 1896 г. Быть можетъ, недостатокъ силъ. Быть можетъ, надежды на изданія Союза; я не знаю. Впрочемъ, косвеннымъ подтвержденіемъ такой догадки можетъ служить то обстоятельство, что въ архивѣ петербургскаго Союза того времени мы могли бы найти нѣсколько рукописей сказанного рабочаго, писанныхъ имъ еще осенью 1896 г. и переданныхъ имъ въ Союзъ для напечатанія. Рукописи эти не были напечатаны Союзомъ, главнымъ образомъ, по недостатку для того у Союза техническихъ средствъ.

Въ началѣ февраля 1897 г. Союзъ выпустилъ первый и, можно сказать, единственный номеръ своей газеты „Петербургскій Рабочій Листокъ“ (помѣченный январемъ 1897 года). Въ немъ были, между прочимъ, помѣщены корреспонденціи двухъ работницъ. Происшедший вскорѣ послѣ выпуска первого номера „Листка“ провалъ лишилъ Союзъ силъ и средствъ для продолженія этого изданія, а рабочихъ лишилъ послѣдней надежды видѣть свои рукописи напечатанными. Такимъ образомъ, давно сознаваемая потребность въ заведеніи своей собственной газеты получила въ глазахъ петербургскихъ рабочихъ новое основаніе.

Первый номеръ „Рабочей Мысли“ появился въ октябрѣ 1897 года. Даже трафаретъ и мимеографъ для печатанія „Р. М.“ были собственноручно приготовлены самими рабочими.

Цѣль изданія „Рабочей Мысли“ была опредѣлена издававшимъ ее кружкомъ рабочихъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета „Рабочая Мысль“, первый номеръ которой у читателя въ рукахъ. „Рабочая Мысль“ будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и нѣсмѣшкіи нашу опричнину“.

Итакъ, по мысли ея основателей, „Р. М.“ должна была служить, съ одной стороны, органомъ общенія петербургскихъ рабочихъ, выраженія ихъ запросовъ и ихъ нуждъ; съ другой стороны—„Р. М.“ должна была стать органомъ обличенія нашего разнузданнаго бюрократического произвола

(опричнины) и выясненія дѣйствительного экономического и правового положенія рабочихъ.

Средства на изданіе „Р. М.“ составлялись, во-первыхъ, изъ специально опредѣленныхъ на то суммъ, отчислявшихся двумя рабочими кассами А. и В., а во-вторыхъ, изъ частныхъ пожертвованій, дававшихся тоже специально на изданіе „Р. М.“. Самое веденіе издательского дѣла, какъ редакція, такъ и техника, находились въ рукахъ сказанного кружка, члены которого являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и главнейшими сотрудниками „Р. М.“.

Съверно-Русскому Рабочему Союзу не удалось выпустить даже первого номера рабочей газеты, организовывавшейся Халтуринымъ и его товарищами на основаніяхъ, повидимому, весьма аналогичныхъ только что описанной организаціи „Р. М.“ Рабочая газета, замышлявшаяся Халтуринымъ и его товарищами, организовывалась тоже „на средства и стараніями группы, состоявшей исключительно изъ рабочихъ“ *).

„У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ,—говорилъ Г. В. Плехановъ **).—Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично заводского быта недостатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые, материалы“.

Къ несчастію, Халтурину и его товарищамъ не удалось осуществить своихъ завѣтныхъ стремленій. Газета „вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ первого же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшій уже потомъ ни разу“ ***).

Такимъ образомъ, на группу рабочихъ „Рабочей Мысли“ выпала завидная доля осуществить завѣтную мечту Халтурина и его товарищей и быть основателями первой русской „чисто рабочей газеты“.

*) См. Календарь Народной Воли, 1883, стр. 40, статья „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ“.

**) Г. Плехановъ „Русскій рабочій въ революціонномъ движениѣ“ (по личнымъ воспоминаніямъ).

***) Г. Плехановъ. Тамъ же.

Первый № „Р. М.“ вышелъ въ октябрѣ 97 г. За нимъ въ декабрѣ послѣдовалъ № 2. Эти два номера, ставшіе теперь большою библіографическою рѣдкостью и возбуждающіе относительно себя самыя превратныя толкованія, были въ свое время встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ. Въ своей библіографической замѣткѣ о № 2 „Р. М.“ въ № 7 листковъ „Работника“ В. И. Засуличъ весьма справедливо отмѣтила „характерную особенность“ статей „Р. М.“, которыхъ „и пишутся и редактируются самими рабочими“. „Если бы даже мы не знали этого заранѣе,—писала В. И. Засуличъ *),—то характерные особенности языка, встрѣчающіяся на каждой страницѣ листковъ, увѣрили бы настъ, что авторы этихъ страницъ съ дѣтства говорили чисто народной рѣчью, не на школьной скамьѣ провели свое отрочество и лишь взрослыми ознакомились поближе съ литературнымъ языккомъ, съ книжными оборотами рѣчи“.

„Пожелаемъ же еще разъ,—заканчивала В. И. Засуличъ **) свою библіографическую замѣтку,—возможно болѣе широкаго развитія той чисто рабочей литературы, образчики которой мы видѣли въ... „Рабочей Мысли“*. Между прочимъ, она будетъ полезна уже и тѣмъ, что, заинтересовавъ русское общество, познакомитъ его съ истинной физіономіей новаго борца, выступающаго на то поле, на которомъ, не дождавшись его, уже погибло столько русскихъ людей, слишкомъ нетерпѣливо рвавшихся къ жизни“.

Издательское дѣло группы „Раб. Мысли“ быстро развивалось и расширялось. Связи и средства росли. Печатанье „Р. М.“ кустарнымъ способомъ, при помощи пишущей машины и mimeографа, было найдено неудовлетворительнымъ, и третій номеръ было решено отпечатать въ особой типографіи, нарочно для того устроенной однимъ изъ членовъ группы за границей. № 3 „Р. М.“, вышедший въ юлѣ 1898 г., не отличался отъ предыдущихъ номеровъ ни по своему духу, ни по самому характеру статей, писанныхъ почти исключительно рабочими. Единственное отличіе пока состояло лишь въ лучшей постановкѣ техники изданія. Впрочемъ надо сказать, что условія переноса техники „Р. М.“ за границу, на ряду съ своими положительными послѣдствіями имѣли и чисто отрицательныя. Самымъ отрицательнымъ изъ нихъ надо признать то, что, благодаря переносу

*) Листокъ „Работника“ № 7, апрѣль 1898 г., стр. 16.

**) Тамъ же, стр. 21.

печатанья за границу, группа, издававшая „Р. М.“, лишилась той безусловной гарантіи своихъ исключительныхъ редакціонныхъ правъ, каковою эта группа обладала, сосредоточивая въ своихъ непосредственныхъ рукахъ все дѣло веденія изданія „Р. М.“ И мнѣ кажется, что эта отрицательная сторона переноса печатанья „Рабочей Мысли“ за границу сказалась отчасти и на четвертомъ номерѣ.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ изданія готовилось въ дальнѣйшемъ измѣниться еще и въ другомъ направленіи. До сихъ поръ (кончая 4-мъ номеромъ) „Рабочая Мысль“ была независимымъ органомъ петербургскихъ рабочихъ, какъ съ томъ гласило ея двойное заглавіе: „Рабочая Мысль, органъ петербургскихъ рабочихъ“. До сихъ поръ газета издавалась силами особой литературной группы „Р. М.“ Теперь же это положеніе дѣлъ готовилось измѣниться.

Петербургскій Союзъ Борьбы, лишившійся, благодаря проваламъ зимы 1896—7 г., всѣхъ своихъ пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ, былъ сильно ослабленъ. Имъ руководилъ кое-кто изъ „стариковъ“, уцѣлѣвшихъ послѣ разгрома. Внутри Союза происходили разногласія между старикиами и вновь поступившими членами, получившими название „молодыхъ“. Осенью 1897 г., почти одновремѣнно съ появлениемъ первого номера „Рабочей Мысли“, нѣсколько интеллигентовъ, примыкавшихъ къ Союзу, вышли изъ него и образовали отдѣльную группу технологовъ. Эта группа вошла въ сношенія съ бѣлостокскою группою „Рабочихъ Революціонеровъ“ и приняла имя „Рабочаго Знамени“. Въ самомъ Союзѣ часть оставшихся „молодыхъ“ тянула къ „Рабочей Мысли“, часть къ „Рабочему Знамени“, и обѣ части не ладили со „старикиами“, представлявшими собою консервативный элементъ хранителей печати и прошлыхъ традицій группы „стариковъ“.

Весною 1898 года произошелъ первый съѣздъ делегатовъ отъ нѣсколькихъ соц.-дем. организаций и было положено основаніе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партии. Но такъ какъ въ выборѣ делегата на съѣздъ никто изъ „молодыхъ“ петербургскихъ товарищѣй не участвовалъ и они едва ли даже знали о предполагавшемся съѣздѣ, то и самый фактъ возникновенія партіи не окказалъ никакого вліянія на положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и не прекратилъ разногласій внутри Союза. Однако, такъ какъ существованіе отдѣльныхъ группъ, работавшихъ рядомъ съ Союзомъ, по-

стоянно вызывало тревогу, то возникла мысль объ объединении. Это объединение предполагалось совершить путемъ реорганизации Союза, въ рамкахъ которого продолжали действовать обѣ фракціи „молодыхъ“, не покидавшихъ мысли объ объединеніи. Предполагалось создать центральную организацію, въ составъ которой должны были войти: два члена отъ Союза (въ дѣйствительности отъ группы „молодыхъ“, тянувшихъ къ „Рабочей Мысли“), два члена отъ группы „Рабочей Мысли“, два члена отъ „Рабочаго Знамени“ и сочувствующей ей группы „молодыхъ“ и одинъ отъ „стариковъ“ Союза. Предполагалось издавать два органа—„Рабочую Мысль“ для широкой массы и „Рабочее Знамя“ для болѣе тѣснаго круга развитыхъ рабочихъ. Однако новый разгромъ въ декабрѣ 1898 г., поглотивший „Рабочее Знамя“, кореннымъ образомъ измѣнилъ дѣло. Объединеніе оставшихся совершилось уже подъ знаменемъ органа петербургскихъ рабочихъ „Рабочая Мысль“.

Однимъ изъ условій соглашенія съ группою „Рабочая Мысль“ было обязательство со стороны ея издателей поставить надъ заголовкомъ газеты слова: „С.-Петербургскій Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. „Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партии“. Однимъ словомъ, „Р. М.“, не переставая быть „органомъ петербургскихъ рабочихъ“, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ стать и органомъ Союза Борьбы. Всякому понятно, до чего этими фактомъ осложнялось дальнѣйшее дѣло редактированія „Р. М.“ До сихъ поръ „Р. М.“ была мѣстной рабочей газетой, теперь же, становясь органомъ комитета партіи, она, казалось, должна была бы естественно стать партійнымъ политическимъ органомъ.

Итакъ, соглашеніемъ съ Союзомъ, въ декабрѣ 1898 г., вся исторія „Р. М.“ явно дѣлится на два периода: 1) до соглашенія и 2) послѣ соглашенія. Первый периодъ „Р. М.“, обнимающій собою время появленія ея первыхъ четырехъ номеровъ, есть периодъ „Р. М.“, какъ независимаго органа петербургскихъ рабочихъ.

Второй періодъ не такъ-то легко опредѣлить, потому что, несмотря на соглашеніе, состоявшееся еще въ концѣ 1898 г., „Р. М.“ стала фактически официальнымъ органомъ Союза въ сравнительно самое недавнее время. Поэтому второй періодъ „Р. М.“ мнѣ приходится опредѣлить, какъ періодъ превращенія „Р. М.“ изъ независимаго органа

петербургскихъ рабочихъ въ подчиненный общепартійнымъ цѣлямъ органъ петербургскаго комитета партіи. Только что сказанное крайне необходимо принимать въ соображеніе всѣмъ критикамъ „Р. М.“ и современнааго ей Петербургскаго Союза Борьбы.

Соединеніе „Рабочей Мысли“ съ Союзомъ оказалось на дѣлѣ далеко неудовлетворительнымъ. Фактически веденіе „Р. М.“ находилось по прежнему въ вѣдѣніи членовъ группы „Р. М.“ Въ ихъ рукахъ была техника, а это обстоятельство приводило къ фактическому существованію особой редакціи „Р. М.“ надъ общей редакціей Союза. Въ результатѣ — постоянная возможность измѣненія статей, данныхъ для напечатанія Союзомъ, а слѣдовательно, и неудовольствія и тренія. Примѣромъ можетъ служить первый же номеръ „Р. М.“, вышедший подъ фирмой Союза (№ 5). Для составленія его передовицы по поводу стачки на фабрикѣ Мак-свеля *) Союзъ послалъ за-границу конспектъ желаемой

*) Одинъ изъ участниковъ Максвелльской стачки даетъ описание расправы правительства съ рабочими, послѣдовавшей вслѣдъ за стачкой. Это описание дышетъ непосредственной жизненной правдой и, между прочимъ, оно даетъ нѣкоторое представление объ уровне политическихъ понятій средняго фабричнаго рабочаго того времени. Потому привожу его здѣсь цѣликомъ:

Б О Й З А П Р А В Д У .

Фабричный народъ предъявлялъ фабричной министраціи, что расцѣнокъ малъ на пудъ или на кусокъ матеріи.

Фабричная министрація не приняла рабочихъ словъ и дѣлала по своему. Тогда фабричный народъ задумалъ сдѣлать стачку.

Въ это время появились печатные листки. Фабричный народъ читаль листки 13-го декабря въ 12 часовъ ночи, а 14-го декабря была устроена стачка.

Въ это время пріѣзжалъ инспекторъ и требовалъ съ рабочихъ жалобы. А фабричная министрація въ это время въ главной конторѣ сняла рабочихъ фотографической машиной.

На 15-е декабря рабочіе увидѣли гибель братій. Тогда рабочіе предъявили писарю, который служилъ въ домѣ фабриканта, чтобы не пускать полицію по ночамъ, на то день даденъ, чтобы ходить забирать; писарь не обратилъ на слова рабочихъ вниманія.

Полиція каждую ночь убавляла рабочихъ. Тогда рабочіе захотѣли открыть кровавый бой. На 17-е декабря въ коридорѣ была полная партія русскаго народа, нѣкоторые народы играли въ карты и у каждого человѣка было полѣно въ рукахъ или больше. Въ 11½ часовъ ночи залаяла собака, которая была у двери входа. Въ это время рабочіе были готовы приняться за бой, вдругъ на порогѣ входа появилась полиція. Рабочіе бросились на полицію и полиція была разбита. Тогда самъ приставъ потребовалъ еще больше войска, коннаго.

Пристава приказъ былъ исполненъ, и приблизилось войска 310 человѣкъ, конныхъ городовыхъ и жандармовъ.

Въ это время нѣкоторые рабочіе видали, что каждому городовому и

статьи, предоставивъ ея выполненіе товарищу, завѣдывавшему всей техникой „Р. М.“; состоявшему въ то же время и въ редакціи. Составленная имъ и отпечатанная передовица однако не понравилась Союзу. Благодаря этому, распространеніе первого же совмѣстно изданного номера задерживалось Союзомъ въ теченіе цѣлого мѣсяца. Номеръ бѣ вышелъ совсѣмъ безъ передовицы.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы не проvalъ, случившійся во время подготовленія материаловъ для № 7, унесший съ собою всю петербургскую группу „Р. М.“ и часть Союза Борьбы. При этихъ условіяхъ оставалось что-нибудь одно изъ двухъ: или совсѣмъ не печатать № 7, что, вѣроятно, было бы наилучшимъ исходомъ, хотя большинство материаловъ уже было готово; или все же какъ-нибудь издать данный номеръ, въ надеждѣ на возобновленіе редакціи „Р. М.“ въ Петербургѣ. Членами группы, бывшими въ то время за-границей, было принято послѣднее рѣшеніе, была накоротко написана передовая статья и, надо сознаться, написана довольно односторонне. Эту статью дѣйствительно можно назвать своего рода проповѣдью трѣдѣ-юніонизма,

---

жандарму было принесено водки для разгара сердца; откуда водку представляли, это неизвѣстно.

Въ это время открылся бой настоящій. Рабочіе бросали въ полицію ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами.

Въ эту несчастную войну, я знаю, много малыхъ дѣтей пострадало, потому что война была полныхъ 4 часа, а въ это время былъ очень большой шумъ и крикъ, потому что у русскаго народа не было команда, а также и городовые были всѣ пьяные. Отъ такого шума и крику малютки-дѣти испугались и кричали дурнымъ голосомъ.

Какихъ-нибудь минутъ 15,—тогда бы полиція сдалась въ плѣнь рабочимъ.

Въ это время рабочіе видѣть, что нечѣмъ бросаться, а непріятель уже въ 4-мъ этажѣ. Пришелъ непріятель уже въ 5-й этажъ.

Когда полиція вошла въ 5-й этажъ, въ 5-мъ этажѣ была большая масса народа; въ это время одинъ городовой ударилъ женщину опасную и женщина черезъ два дня выбросила малаго мертваго ребенка, а полиціймейстеръ кричалъ: „я васъ вышлю въ Сибирь, а дѣтей на отбросную яму выброшу“; а приставъ кричалъ: „всѣ по мѣстамъ!“. Рабочіе видѣть, дѣло неустойка и побѣжали кто куда, кто въ квартиру уѣжалъ, а нѣсколько человѣкъ ушли на чердакъ, а одинъ человѣкъ ушелъ на крышу дома.

Приставъ далъ полиції приказъ, чтобы у каждой квартиры было 15 человѣкъ городовыхъ. Приказъ пристава былъ исполненъ, нѣкоторые городовые вытащили шашки наголо и рубили шашками лари, въ ларяхъ находились рабочаго разные припасы: водка, мясо, сырь и т. п. Городовые водку пили, а мясомъ закусывали.

Въ $4\frac{1}{2}$ часа пошла кровавая переборка русскому народу. Приставъ ходилъ по квартирамъ съ писаремъ; еще было съ приставомъ нѣсколько сыщиковъ.

Когда выводили арестованного человѣка на волю, то на волѣ стояло два

но отвѣтственность за нее не должна падать ни на петербургскую группу „Рабочей Мысли“, ни на Петербургскій Союзъ Борьбы. То же самое можно сказать съ еще большимъ правомъ про отдѣльное „Приложение“.

Межу тѣмъ къ зимѣ Союзъ снова собрался съ силами и сталъ готовить матеріалы для № 8. Но среди оставшихся членовъ группы „Рабочей Мысли“ произошли серьезныя разногласія. Часть членовъ пришла къ заключенію, что за отсутствіемъ въ Петербургѣ мѣстной группы „Р. М.“, газета лишилась возможности выполнять свою основную задачу, и считала нелѣпостью самую мысль о возможности хотя бы и временной заграничной редакціи для мѣстного органа. Изъ затруднительного положенія были лишь два выхода: или прекратить самое изданіе или передать редактированіе въ руки Петербургскаго Союза, оставивши себѣ только иностранный отдѣлъ. Первый исходъ, въ силу соглашенія, былъ невозможенъ безъ согласія Союза, а послѣдній не хотѣлъ прекращенія, ссылаясь на то, что рабочие такъ привыкли и такъ любятъ „свою газету“, что немыслимо и думать о прекращеніи „Рабочей Мысли“. Доводъ былъ ува-

---

ряда городовыхъ, по объимъ сторонамъ по двадцать городовыхъ; это происшествіе называется „сквозь строемъ“. Городовые пихали рабочаго сквозь строй и рабочаго сѣкли пletѣями, послѣ чего рабочій видаль на своемъ тѣлѣ раны, хоть не очень большія.

Приставъ обходилъ всѣ квартиры, а на чердакѣ еще не былъ. Идеть приставъ на чердакъ и видѣть тамъ людей, эти люди были взяты въ плѣнъ, также и съ крыши дома былъ человѣкъ стащенъ и взяты въ плѣнъ.

Теперь приставъ собралъ вольныхъ дворниковъ въ свидѣтели. Дворники съ радостью шли въ свидѣтели, а сами дѣла не видѣли.

Теперь русскаго народа взято въ плѣнъ 50 человѣкъ слишкомъ. Забранные люди были замѣчены сыщикомъ или писаремъ, а больше всего простымъ русскимъ человѣкомъ, т. е. русскій человѣкъ, не замѣчаль ни въ чёмъ, а выдавалъ по осердкѣ или чтобы защитить самъ себя.

Кровавая битва кончилась въ 12 часовъ пополудни. 17-го числа въ 9 часовъ утра были плѣнники посажены на дилижаны и отправлены въ Рождественскую часть.

Прибавлю, что я вамъ не всѣ предъявилъ притѣсненія министраціи и также фабричныхъ подмастерьевъ. Фабричная министрація очень притѣсняетъ рабочихъ совсѣмъ не за что; такъ что за какія-нибудь бездѣлушки даютъ рабочему разсчетъ, не отработавши двухъ недѣль; еще фабричная министрація дала волю подмастерьямъ, а подмастерье что хочетъ, то и дѣлаетъ. Однажды одного человѣка, т. е. рабочаго, мастеръ уволилъ и даль пропускъ за ворота, а подмастерье Лисицынъ увидаль и взялъ отъ рабочаго пропускъ и разорвалъ, а рабочаго послалъ работать на старое мѣсто. Мастеръ Карла Карловичъ своего лакея поставилъ въ подмастерья; а лакей не знаетъ, какъ держать ключъ въ рукахъ, а всячески занимаетъ двѣ должности: лакея и подмастерья. (Слѣдуетъ полная подпись).

жительный. О второмъ исходѣ не хотѣли и слышать тѣ члены, которые считали возможнымъ разорвать связь съ Союзомъ и редактировать газету за-границей до возобновленія въ Петербургѣ такой рабочей организаціи, которая могла бы продолжать дѣло исчезнувшей петербургской группы „Р. М.“ Съ выступленіемъ въ Петербургѣ Рабочей Организаціи, которая возвѣстила о своемъ существованіи возваніемъ (напечатаннымъ въ № 9 „Р. М.“), оказалось на лицо и послѣднее необходимое условіе для передачи. Скоро Петербургская Рабочая Организація соединилась съ Союзомъ (октябрь 1900 г.), и часть § 13-го устава Комитета С. П. Б. Союза Борьбы *), говорящаго: „Для редактированія газеты... составляется редакція изъ трехъ членовъ. Два изъ нихъ выбираются агитационной группой“ (т. е. комитетомъ Рабочей Организації)—до *нижеприведенной* степени примирила протестующихъ съ передачей „Р. М.“ Союзу.

№ 11 былъ изданъ подъ исключительною редакціею С. П. Б. Союза. Послѣ него даже самое печатанье „Р. М.“ было перенесено въ Россію и съ заголовка № 12 были даже сняты слова: „газета петербургскихъ рабочихъ“ **), что служило уже окончательнымъ признакомъ того, что „Р. М.“ превратилась въ официальный органъ Петербургскаго Комитета Партии.

Подробное изложеніе этихъ сравнительно недавнихъ событий не входить въ мою задачу; что же касается до прежней „Рабочей Мысли“, то ея истинное значеніе еще не уяснено и даже не выяснена еще ея истинная физіономія. Безпристрастного суда надъ „Р. М.“, еще не произнесено. Онъ принадлежитъ исторіи. Обвиненія, направляемыя въ настоящее время противъ „Рабочей Мысли“, въ значительной степени основаны на незнаніи какъ самой „Р. М.“, такъ и ея исторіи.

Въ заключеніи моего очерка, я постараюсь восстановить въ представленіи читателя истинный образъ „Р. М.“, и притомъ я постараюсь сдѣлать это такимъ способомъ, чтобы читатель могъ совершенно свободно составить свое самостоятельное мнѣніе о томъ, что въ сущности представляла собою „Рабочая Мысль“.

*) См. „Рабочая Мысль“ № 11.

**) Впрочемъ, эти слова были потомъ восстановлены.

Глава VII.

Что же собою представляла „Рабочая Мысль“?

Само собою разумѣется, что для того, чтобы возможно опредѣленнѣе, точнѣе и ярче отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взять „Рабочую Мысль“ въ томъ ея видѣ, въ какомъ она появилась на свѣтѣ и въ какомъ она оставалась въ теченіе всего первого періода своего существованія, такъ какъ второй (переходный) періодъ менѣе характеренъ. Въ этотъ послѣдній періодъ истинная физіономія „Р. М.“, подъ вліяніемъ борьбы, какъ бы нѣсколько искажилась и даже наиболѣе характерныя ея черты стали менѣе отчетливыми.

Что же представляла собою „Р. М.“, какъ независимый органъ петербургскихъ рабочихъ?

Мнѣ кажется, что самое лучшее и вѣрное средство опредѣлить истинную физіономію и характеръ прежней „Р. М.“ заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы сдѣлать до очевидности ясными самыя сокровенные, самыя завѣтныя стремленія и задачи „Р. М.“, какъ ихъ представляли себѣ сами рабочіе, ея основатели, и ея дальнѣйшіе руководители.

Всякій, знающій прежнюю „Р. М.“, всякий, кто серьезно и вдумчиво прочелъ всѣ ея номера, можетъ сказать, что для опредѣленія истинныхъ стремленій и задачъ этой газеты (какъ ихъ представляли сами ея основатели) не мыслимо найти болѣе подходящей статьи, чѣмъ основная статья въ № 1, занимающая половину всего первого номера *). Для того, чтобы каждый читатель могъ свободно и самостоятельно составить свое собственное мнѣніе по данному вопросу, я привожу здѣсь эту статью цѣликомъ. Статья эта съ полнымъ правомъ можетъ быть названа декларациою принциповъ „Рабочей Мысли“. Вотъ она:

„Никто изъ сочувствующихъ рабочему движенію не станетъ отвергать всѣми признанной и не опровергимой истины, что улучшеніе нашего рабочаго положенія зависитъ отъ насъ самихъ.

*) На сколько мнѣ известно, она была написана тѣмъ самымъ рабочимъ, который еще весною 96 г. мечталъ объ основаніи газеты.

„Какъ бы ни былъ добръ и великодушенъ капиталистъ, все же у него, какъ и у каждого смертнаго, на первомъ планѣ стоять свои личныѣ интересы и свои потребности, обѣ удовлетвореніи которыхъ онъ и заботится больше всего. Средства для удовлетворенія этихъ потребностей капиталистъ получаетъ съ эксплуатируемыхъ (обираемыхъ) имъ рабочихъ; изъ этого уже становится вполнѣ яснымъ, что заботиться о рабочихъ капиталисту нѣтъ никакой надобности, потому что съ улучшениемъ положенія рабочихъ ему не удастся выжать изъ нась столько соку, сколько онъ можетъ выжимать тогда, когда мы находимся подъ болѣе сильнымъ гнетомъ. Капиталистъ знаетъ, что вся роскошь и излишество, которыми онъ пользуется, приобрѣтаются не его ничего недѣланьемъ, а трудомъ тѣхъ, которыхъ онъ обираетъ и которые терпятъ всевозможныѧ лишенія, такъ какъ ему хорошо извѣстно, что чѣмъ больше лишеній переносятъ имъ обираемые, тѣмъ больше прибыли переваливаютъ на его долю.

„Капиталисты могутъ быть добры къ намъ на столько, на сколько мы имъ нужны, и они при всей ихъ добротѣ и великодушіи, при первомъ удобномъ случаѣ, всегда готовы сократить нашъ заработокъ, или выбросить нась на мостовую. Интересы капиталистовъ и рабочихъ совершенно противоположны; поэтому капиталисты уступаютъ только то, что они не могутъ удержать. Рабочіе могутъ улучшить свое положеніе только упорнымъ требованіемъ, такимъ, отказать которому капиталистъ не въ силахъ. Я не стану углубляться въ дальнѣйшія подробности о положеніи рабочихъ и обѣ отношеніи къ нимъ капиталистовъ, потому что все это извѣстно намъ рабочимъ, которые на своихъ плечахъ выносятъ всю тягость капиталистического гнета. Желающіе ознакомиться близко съ этимъ вопросомъ, могутъ достигнуть это при помощи нѣкоторыхъ книгъ, достать которыхъ не особенно трудно.

„Изъ вышеуказанного видно, что дѣло улучшенія рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Послѣднія слова, пожалуй, никому изъ читающихъ эти строки не новы, и я нѣсколько опасаюсь, что читатели „Рабочей Мысли“ посовѣтуютъ мнѣ подзаняться выдумкой такого способа, при помощи котораго можно было бы улучшить нашу черезчуръ обремененную жизнь, прочесть о чёмъ было бы гораздо интереснѣе и полезнѣе, чѣмъ то, что я писалъ въ первыхъ

стРОКАХЪ ЭТОЙ СТАТЬИ. ВЫДУМАТЬ ТАКОГО СПОСОБА, КОНЕЧНО, НЕЛЬЗЯ, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРАГО КАЖДЫЙ ИЗЪ РАБОЧИХЪ МОГЪ БЫ УЛУЧШИТЬ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, И ПОКА МЫ БУДЕМЪ ЗАБОТИТЬСЯ ТОЛЬКО О СВОЕМЪ СОБСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНИИ ОТДѢЛЬНО, МОЖНО СЪ УВѢРЕННОСТЬЮ СКАЗАТЬ, ЧТО МЫ НЕ ДОСТИГНЕМЪ НИЧЕГО ЛУЧШАГО; А ЕСЛИ И УДАСТСЯ НѢСКОЛЬКО УДОБНѢЕ УСТРОИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, ТО ЭТО УДАСТСЯ ОЧЕНЬ НЕМНОГИМЪ И ТАКЪ МАЛО, ЧТО ТАКОЕ УЛУЧШЕНИЕ ВСЕГДА ОКАЗЫВАЕТСЯ НИЧТОЖНЫМЪ ВЪ СРАВНЕНИИ СЪ ТѢМЪ ГРОМАДНЫМЪ ТРУДОМЪ, КОТОРЫМЪ ПРИШЛОСЬ ЕГО ПРИОБРѢСТЬ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО ЛУЧШЕЕ УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ ДОСТИГАЕТСЯ ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ И БЕЗЪ ВСЯКИХЪ СЧАСТЛИВЫХЪ СЛУЧАЙНОСТЕЙ. Но, какъ оказывается, задумывать какой-либо особый способъ нѣтъ надобности, потому что онъ давно открытъ и давно признанъ рабочими другихъ странъ самымъ вѣрнымъ, что подтверждаетъ его примѣненіе къ дѣлу. Способъ этотъ — объединеніе рабочихъ: онъ не представляетъ изъ себя новинки для насъ, потому что мы слышимъ о немъ и знаемъ его; но и устарѣлымъ его назвать тоже нельзя, во-первыхъ, потому, что такія вещи не старѣютъ, а во-вторыхъ, что мы его не употребляли, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, напримѣръ стачки; рабочіе, выведенныес изъ терпѣнія общимъ гнетомъ, предъявляютъ общее требованіе. И у насъ, безъ всякой подготовки и самостоятельной организаціи рабочихъ, способъ этотъ оказываетъ громадные успѣхи.

„Рабочіе разныхъ заводовъ и фабрикъ составляютъ, такъ сказать, одинъ классъ, разница между нами только та, что одинъ изъ насъ исполняетъ одну, другой другую работу; но всѣ мы обязаны работать съ утра до вечера, всѣ мы подчиняемся общему закону, возложенному на насъ капиталистами и стоящимъ на ихъ сторонѣ правительствомъ. Законъ этотъ, какъ извѣстно, составленъ такъ, какъ нашли сдѣлать это удобнѣе для себя его представители. И мы видимъ, что законъ этотъ не только ничего не даетъ намъ, но даже отнимаетъ у насъ то, что составляетъ неотъемлемую собственность каждого человѣка. Мы всѣ скованы одною цѣпью призыва, порвать которую мы можемъ только общими силами.

„Несмотря на всю очевидность необходимости объединенія, нельзя не замѣтить полной разрозненности рабочихъ, не только по всей Россіи, но и здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ сообщеніе вполнѣ возможно. Однако несмотря на то, связи

между рабочими почти совсѣмъ отсутствуютъ. Причиной нашей разрозненности являются первымъ долгомъ тѣ неудобства, которыя приходится встрѣчать при поддержкѣ связей, при чёмъ нельзя не признать того грустнаго явленія, что мы сами слишкомъ мало заботимся о возстановлении связей; но главная причина этого зла заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ ничего такого, что представляло бы общий интересъ. Разрозненность эта не остается безслѣдной: ея результатомъ является то, что кружки рабочихъ, потерявши своего руководителя, ищутъ возстановленія новыхъ связей черезъ товарищѣ другихъ заводовъ или фабрикъ; между тѣмъ ихъ можно было бы возобновить черезъ лицо, находящееся только въ другой мастерской. Также мнѣ приходилось встрѣчать организованную группу товарищѣй, которая составилась сама по себѣ и не знала, какъ ей примкнуть съ Союзу и получать книги.

„Вообще о разрозненности можно сказать, что она поглощаетъ и безъ того небольшія наши силы и мѣшаетъ приложению ихъ къ дѣлу. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что потребность объединенія существуетъ, которую вызываетъ сама наша жизнь, и мы должны считать своей обязанностью способствовать удовлетворенію этой потребности. Мы, какъ и другихъ странъ рабочіе, тоже сознаемъ, что способъ объединенія является въ данномъ случаѣ единственнымъ и вѣрнымъ, который можетъ принести намъ громадную пользу, но какъ одолѣть тѣ препятствія, которыя встрѣчаются при его примѣненії? Вотъ вопросъ, который при первыхъ же шагахъ столько запугиваетъ насъ своею сложностью, что мы отказываемся отъ его рѣшенія и малодушно остаемся въ бездѣйствіи. Многіе изъ насъ и, быть можетъ, даже большинство рабочихъ сознаютъ необходимость объединенія и желаютъ его, но слишкомъ мало стараемся перейти отъ слова къ дѣлу, утѣшаая себя тѣмъ, что сдѣлать этого у насъ пока нельзя; мы видимъ предъ собою мрачную стѣну монархического строя, которая препятствуетъ доступу къ намъ свѣта; мы сознаемъ все неудобство нашего пребыванія во мракѣ, но приступить къ этой стѣнѣ не рѣшаемся, видя, какъ отдельныя попытки къ этому ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что мы видимъ случаи только отдельныхъ попытокъ и принимаемъ результатъ ихъ за общую неизбѣжность. Стѣна современнаго строя крѣпка и произ-

воль нашего бюрократизма непоборимъ, но непоборимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльныя силы, которая настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ сбѣсъмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила—сила сознанія самостоятельности рабочаго класса, справедливыя требованія кото-рого должны быть удовлетворены. Каждый изъ насъ подавленъ заботой о содержаніи себя и своего семейства, забота эта поглощаетъ все время и силы рабочаго, такъ какъ только при напряженномъ усиліи мы можемъ гарантировать себя отъ особой нужды; т. е. сводить концы съ концами. Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса таково, что работая надъ достижениемъ своего благополучія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса, есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправіе и къ достижению его должны мы стремиться: только тогда мы можемъ сказать что жили не напрасно, и это подтверждать наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ необходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены только тогда, когда они будутъ общими требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Для прочности объединенія рабочихъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ необходимо имѣть рабочую кассу, которая въ свое время окажетъ намъ громадную услугу. Касса такая уже существуетъ и уставъ ея, выработанный петербургскими рабочими, распространенъ. Кассу эту мы должны поддерживать всѣми силами, потому что безъ нея дѣятельность на рабочемъ поприщѣ почти невозможна. Внести 25 коп. въ мѣсяцъ можетъ каждый рабочій безъ особыхъ затрудненій, и я надѣюсь, что всѣ сознательные рабочіе примутъ участіе въ дѣлѣ для пользы народа. Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета „Рабочая Мысль“, первый номеръ который у читателя въ рукахъ. „Рабочая Мысль“, будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу опричнину“.

Само собой разумѣется, что только что приведенная

статья, являющаяся декларацией принциповъ „Рабочей Мысли“ и опредѣляющая ея задачи, черезъ это самое и есть та основная статья, которая опредѣляетъ направлениe „Рабочей Мысли“, поскольку направлениe это вытекало изъ принциповъ „Рабочей Мысли“ и изъ ея задачъ и стремлений. Однако надо прибавить, что это направлениe, вытекая изъ задачъ и стремлений ея основателей, слагалось вмѣстѣ съ тѣмъ подъ влияниемъ тѣхъ, разобранныхъ нами въ главѣ VI, отрицательныхъ условій, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Р. М.“ И для опредѣленія влиянія этихъ условій, мнѣ кажется, лучше всего можетъ служить другая статья въ № 1, брошенная какъ бы въ видѣ вызова тѣмъ руководителямъ тогдашняго Союза Борьбы, которые стояли противъ допущенія рабочихъ во внутреннюю его организацію.

Я говорю про передовицу, первого номера, по которой обыкновенно, и притомъ совершенно ошибочно, судятъ о направлениі первыхъ номеровъ „Р. М.“. Дѣло въ томъ, что первые номера давно уже стали величайшей библіографической рѣдкостью, и всѣмъ интересующимся прежнею „Р. М.“ поневолѣ приходилось составлять о ней свое мнѣніе по этой передовицѣ, перепечатанной В. И—нымъ въ его библіографической замѣткѣ № 9—10 листковъ „Работника“. Необходимо, однако, сказать, что В. И—нь не вполнѣ правильно выбралъ для перепечатки именно эту статью, если только цѣль его замѣтки состояла, дѣйствительно, въ желаніи познакомить читателя, въ общихъ чертахъ, „съ этой первой русской рабочей газетой“. Впрочемъ и самъ товарищъ И—нь, перепечатывая передовицу № 1, счелъ необходимымъ прибавить, что „статья эта... не совсѣмъ полно и точно выражаетъ собой общее направлениe и характеръ органа петербургскихъ рабочихъ“ *).

Впрочемъ, если ужъ начать серьезно выяснять направлениe „Р. М.“, то поневолѣ придется выводить его изъ всего ея содержанія, а не только изъ немногихъ ея передовыхъ статей, которая подчасъ могли быть написаны и неумѣло, и не совсѣмъ полно, и не совсѣмъ „надлежащимъ образомъ освѣщать изъ жизни взятые материалы“.

Каково же было направлениe всего содержанія „Р. М.“? Каково было направлениe тѣхъ безчисленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „достовѣрныхъ сообщеній“, которымъ „должно было

---

*) Стр. 50.

принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты" и кото-
рыя составляли главную часть ея содержанія?

На этотъ вопросъ отвѣтить ужъ не такъ трудно. Рабо-
чіе стремились къ выясненію темныхъ сторонъ своего по-
ложенія и, обладая своимъ собственнымъ органомъ, они
имѣли: вполнѣшую возможность выводить на свѣжую воду
всѣхъ своихъ угнетателей. Рабочіе знали, что ихъ слово
всегда найдетъ себѣ надлежащее мѣсто въ ихъ газетѣ.

Интересно знать, кто станетъ теперь отрицать, что стачки
средины и конца 90-хъ годовъ представляли собою началь-
ный періодъ широкой профессіональной борьбы петербург-
скихъ рабочихъ со своими хозяевами?

А если это такъ, то почему же газета, бывшая орга-
номъ этихъ рабочихъ, не должна была призывать ихъ къ
подобного рода борьбѣ? развѣ такая борьба нежелательна? Врядъ ли кто осмѣлится повторить, что такая борьба бур-
жуазна. И „Р. М.“, будучи органомъ петербургскихъ рабо-
чихъ, сознательно призывала ихъ къ этой борьбѣ, не боясь,
что кто-либо можетъ обвинить ее въ буржуазности.

Если же даже почти неорганизованная профессіональ-
ная борьба весьма желательна, какъ первое начало профес-
сіонального движенія, то можетъ ли быть нежелательной
сознательная и организованная профессіональная борьба,
какъ дальнѣйшее развитіе того же рода движенія? Опытъ
большихъ стачекъ ткачей и прядильщиковъ показалъ пе-
тербургскимъ рабочимъ всю необходимость организованности
для успѣшности дальнѣйшей борьбы.

Рабочіе стремились основывать боевые рабочіе союзы и
кассы; и ихъ газета „Р. М.“ являлась и въ этомъ отно-
шении ихъ выразителемъ, настаивая въ каждомъ номерѣ на
необходимости организацій и не пропуская случая для агита-
ції по этому поводу. Она выражала въ этомъ отношеніи
насущныя нужды и интересы рабочихъ и представляла ра-
бочимъ свои страницы для проектовъ организацій и для
обмѣна мыслями по этому поводу. Вспомнимъ, вѣдь это
былъ самый разгаръ организаціоннаго періода, явившагося
самымъ прямымъ послѣдствиемъ двухлѣтней, напряженной
борьбы, періода, развившагося самымъ естественнымъ обра-
зомъ изъ предшествовавшаго ему періода массовой агитациі.

Конечно, „Рабочая Мысль“ не была вполнѣ выражен-
нымъ соціалдемократическимъ органомъ. Но и самое дви-
женіе петербургскихъ рабочихъ средины и конца 90-хъ го-

довъ, описанное на предыдущихъ страницахъ, стоитъ еще очень далеко отъ вполнѣ сознательного соціалдемократического рабочаго движенія. А недопущеніе сознательныхъ рабочихъ соціалдемократовъ во внутрь соціалдемократической организаціи, конечно, не только не способствовало развитію среди рабочихъ соціалдемократизма, но, наоборотъ, задерживало его развитіе.

Исходя изъ всего этого, нисколько не мудрено, что и органъ, выражавшій движение, какъ оно есть, не былъ вполнѣ соціалдемократическимъ органомъ, хотя имѣлъ въ средѣ своихъ основателей и главныхъ сотрудниковъ сознательныхъ, преданныхъ искреннихъ соціалдемократовъ.

Правда, „Рабочая Мысль“ призывала рабочихъ больше къ профессіональной борьбѣ, чѣмъ къ борьбѣ политической; однако, въ ней постоянно говорилось и о необходимости „Союза всего рабочаго класса“, о необходимости борьбы съ бюрократизмомъ. Такъ въ приводившейся выше статьѣ изъ № 1 мы читаемъ: „Стѣна современного строя крѣпка и произволъ нашего бюрократизма непобѣдимъ, но непобѣдимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльные силы, которые настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена обѣдиненная сила — сила сознанія самостоятельности рабочаго класса“.

Въ передовицѣ № 2 мы читаемъ: „правительство открыто, не стѣсняясь, становится на сторону капиталистовъ и, при помощи полиціи и войска, съ оружіемъ въ рукахъ старается заставить рабочихъ снова приняться за свою несносную лямку. Такимъ образомъ, приходится вести борьбу съ двумя врагами: фабрикантами, заводчиками и ихъ защитникомъ правительствомъ“. Статья оканчивается такъ: „Зданіе капиталистовъ съ правительствомъ устроено на пекѣ; очевидно, оно рушится при первой бурѣ. Сила пролетаріата, рабочихъ скрыта въ нихъ самихъ; но русскій рабочій еще только начинаетъ просыпаться; проснувшіеся съ ужасомъ узнаютъ, насколько долго они спали и, дабы не потерять драгоцѣннаго времени, спѣшатъ будить своихъ спящихъ товарищѣй.

Будите же, товарищи, быстрѣе, старательнѣе другъ друга, соединяйтесь въ союзы и, такимъ образомъ, за ними, русскими рабочими, будетъ полный успѣхъ и побѣда“!

По смыслу всей статьи, подъ союзами здѣсь надо понимать нѣчто среднее между профессіональнымъ союзомъ и соціалдемократическимъ союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Въ № 3, на ряду съ выдвиганіемъ необходимости боевыхъ союзовъ и кассъ, говорится: „правительство и фабриканты заключили „союзъ“ для борьбы съ рабочими, и дружными усилиями полиціи, войска и духовенства имъ удается подавлять требованія рабочихъ. Понятно, что для отпора союза враговъ и намъ надо устроить союзъ рабочаго класса“.

Отъ направленія этихъ трехъ номеровъ не отступаетъ ни на юту и „знаменитая“ передовица № 4, одно мѣсто которой было въ свое время кое-кѣмъ совершенно неправильно истолковано, и въ этомъ невѣрно истолкованномъ видѣ послужило почвой для распространенія слуховъ о томъ, что будто бы „Р. М.“ даже противъ политической свободы?

Вотъ это мѣсто: „Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движение оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочее движение двинулось и неудержимо стремится впередъ! Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякий рабочій союзъ только тогда становится „законнымъ“, когда сталъ дѣломъ обычнымъ, когда—запрещай его или дозволяй—все равно ничего не подѣлаешь“.

А вотъ заключеніе этой статьи: „Да! Дѣло въ томъ, чтобы бороться за жизнь... Какими средствами?.. законными или беззаконными?.. Всѣми! Всѣми, какія только даютъ современная жизнь и указываетъ въ своеемъ движении впередъ.

„Всѣми средствами, начиная съ открытыхъ массовыхъ стачекъ за повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня—до тайныхъ рабочихъ сообществъ и кассъ, отъ „трудовыхъ товариществъ или сообществъ работниковъ, добровольно составленныхъ“, по проекту министерства внутреннихъ дѣлъ и имъ же разрѣшаемыхъ потребительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи, образованія, развлечения и т. д.—до союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, отъ книгъ и журналовъ, цензурой одобренныхъ, вплоть до „преступнѣйшихъ“ прокламаций, говорящихъ о необходимости нынѣшихъ нуждахъ рабочихъ, вплоть до машинъ скорописныхъ и тайныхъ типографскихъ станковъ!“

Въ ходъ все, слѣдуя жизни! Пусть жизнь вся прописывается „злонамѣреннымъ“, „незаконнымъ“ духомъ рабочихъ. Правительство уже чувствуетъ себя не въ силахъ остановить все усиливающееся движение рабочихъ, охватившее всю страну, и измѣняетъ политику (замѣчайте!). По прежнему преслѣдуя „зачинщиковъ“ и „главарей“, оно начинаетъ уже разрѣшать настоящія рабочія общества (напр. „Харьковское общество взаимопомощи заводскихъ рабочихъ“, уставъ котораго недавно утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и др.); оно, очевидно, разсчитываетъ *канализовать* рабочее движение, направить его по болѣе удобному для себя руслу. Это значитъ, что у насъ началась хорошо извѣстная всѣмъ заграничнымъ рабочимъ политика „прирученія“ рабочихъ союзовъ.

„Великолѣпно! Пусть же всеоживляющая сила сознательныхъ рабочихъ дѣятелей проникаетъ повсюду, гдѣ мыслимо двигать рабочее дѣло подъ какимъ бы то ни было покровомъ. Товарищи! Крыться намъ нечего. Наживной, сознательный классъ фабрикантовъ и его ловкое правительство знаетъ хорошо, что такъ и будетъ. Весь ихъ расчетъ—на отсрочку.

„Пусть же не будетъ отсрочки! Пусть скорѣе забыть струи жизни тамъ, гдѣ про нихъ никто не гадалъ и не думалъ. Пусть все оживаетъ! Пусть желательное становится скорѣй настоящимъ, а настоящее пусть неудержимо бьетъ кипучимъ ключемъ жизнедѣятельности“.

(Октябрь, 1898 г.)

Но мнѣ скажутъ, все-таки соціалдемократическое направление „Р. М.“ не было выражено вполнѣ опредѣленно. Я скажу болѣе. Если принять во вниманіе всѣ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось направление „Р. М.“ и если принять въ соображеніе первоначальную постановку задачъ „Р. М.“—быть выразителемъ рабочихъ,—то придется сказать, что направление ея и не могло въ то время быть вполнѣ выраженнымъ соціалдемократическимъ направлениемъ, хотя оно и заключало въ себѣ начала истиннаго соціалдемократизма.

Слѣдующее мѣсто основной статьи первого номера „Рабочей Мысли“ очень хорошо подтверждаетъ только что сказанное.

„... Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса, таково, что работая надъ достижениемъ своего благополу-

чія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса, есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправіе; и къ достижению его должны мы стремиться; только тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно и это подтверждатъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ необходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены только тогда, когда они будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопиющаго въ пустынѣ".

Но довольно о направленіи „Рабочей Мысли“.

Теперь два слова о самой постановкѣ задачъ газеты.

„Не „Рабочая Мысль“ создаетъ извѣстное настроеніе среди рабочихъ, а, напротивъ, сама „Рабочая Мысль“ создается рабочимъ настроениемъ, „отражаетъ ихъ мыслями“,—писалъ одинъ изъ рабочихъ главныхъ сотрудниковъ „Р. М.“ предъ выходомъ въ свѣтъ № 5.

Быть можетъ, надо признать ошибочнымъ веденіе рабочей газеты въ такомъ направленіи. Но это уже вопросъ иного порядка; это вопросъ о правильности постановки задачъ „Рабочей Мысли“ ея основателями. Объ этомъ вопросѣ можно поговорить когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, принимая во вниманіе *данную* постановку задачъ, приходится лишь окончательно установить тотъ фактъ, что „Р. М.“ дѣйствительно самымъ точнымъ образомъ выражала собою *общее* направленіе петербургскаго рабочаго движенія средины и конца 90-хъ годовъ. Поэтому обвиненіе „Р. М.“, какъ органа петербургскихъ рабочихъ, въ неправильности ея направленія, обвиненіе ея въ томъ, что она держалась именно *такого*, а не иного направленія, равносильно обвиненію въ неправильности всего направленія петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.

Междудѣмъ направленіе этого движенія, очевидно, не могло быть инымъ, будучи обусловлено всѣми тогдашними обстоятельствами. При *данной* постановкѣ своихъ задачъ, и „Р. М.“ тоже не могла быть тѣмъ, чѣмъ она была бы при другой постановкѣ ея задачъ. Но самая постановка ея задачъ вытекла цѣликомъ изъ условій ея возникновенія.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

- Кн. 1. **Сазеранъ-де-Форжъ.** „Человѣкъ сталъ летать“. Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Съ 35 рис. и съ приложеніемъ крат. слов. терминовъ авіац. Пер. съ франц. В. Керженцева.—1 р.
- Кн. 2. **Германъ Вагнеръ.** „Въ полѣ и на лугу“. Разсказы о разныхъ растеніяхъ и камняхъ. Пер. съ нѣмец. В. М. Величкиной. Изд. 2-е, 94 рис. въ текстѣ.—1 р.
- Кн. 3. **Германъ Вагнеръ.** „Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ“. Перв. съ нѣм. В. М. Величкиной. Изд. 3-е, 51 рис. въ текстѣ.—1 р.
- Кн. 4. **В. М. Величкина.** „Швейцарія“. Изд. 2-е, 70 рис. въ текстѣ.—2 р.
- Кн. 5. А. М. Хирьяковъ. „Въ смертельной опасности“ и др. разсказы. Съ 14 рис. въ текстѣ. Обложка художника Як. Чахрова.—1 р.
- Кн. 5. Генторъ Мало. „Приключенія Ромена Кальбрі“. Перев. съ франц. Е. Д. Хирьяковой. 2-е изд. 17 рис. въ текстѣ.—1 р. 50 к.
- Кн. 7. И. С. Абрамовъ. „Что говорятъ забытые могилы“. Подъ ред. и съ предисл. М. В. Новорусскаго. 67 рис. въ текстѣ. Обложка художника Н. Е. Макаренко.—1 р.
- Кн. 8. Мольденгауэръ. „Въ хвойномъ лѣсу“. Разсказы молодого экскурсанта. 37 рис. въ текстѣ. Обложка и рис. художника Оскара Клевера.—1 р.
- Кн. 9. И. С. Абрамовъ. „Подъ роднымъ солнцемъ“. Экскурсіи по Россіи. 57 рис. въ текстѣ. Обложка художника Е. М. Сотникова.—1 р. 50 к.
- Кн. 10. В. Мольденгауэръ. „Въ лиственномъ лѣсу“. Со многими рисунками. Обложка и рисунки художника Оскара Клевера.—1 р. 30 к.
- Кн. 11. С. А. Павловичъ. Ассистентъ Психо-Неврологического Института и Педагогическихъ курсовъ при Петроградскомъ Фребелевскомъ Обществѣ. „Простѣйшія работы по изготавленію зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома“. Крат. практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей дѣтскими работами по естествоизнанію и ручному труду. Съ 162 рис. въ текстѣ.—2 руб.
- Кн. 12. П. Н. Сурожскій. „Зеленый шумъ“. Со многими виньетками, фигурыми буквами и заставками.—1 р. 50 к.
- Кн. 13. К. П. Ягодзескій. „Въ странѣ полуночного солнца“. Воспоминанія о Мурманской экспедиції. Обложка художника К. Н. Фридберга. Въ текстѣ 152 рис., снятыхъ съ фотографій, сдѣланныхъ во время экспедиціи, 4 карты и 8 рисунковъ, отпечатанныхъ въ двѣ краски.—3 р. 50 к.
- Кн. 14. Ал. Алтаевъ. „Поэты юности“. Съ 33 портретами и рисун. въ текстѣ. Обложка художника Л. Пѣтухова. Заставки и концовки художницы А. М. Петровой.—2 р. 50 к.
- Кн. 16. Ал. Алтаевъ. „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ“. Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII вѣка. Съ 21 рис. въ текстѣ. Обложка и рисунки художницы А. М. Петровой.—1 р.
- Кн. 17. И. А. Бунинъ. „Храмъ Солнца“. Со многими иллюстрациями.—2 р. 50 к.
- Кн. 18. С. П. Аржановъ. „Среди водъ и болотъ“. Изъ жизни растеній. Со

многими рис. по фотографиямъ автора.—
2 р.

Кн. 20. **Ал. Алтаевъ.** „Пѣвецъ страданья и свободы“. Жизнь М. Ю. Лермонтова. Въ текстѣ 20 рис. и портр. Заставки и концовки художницы А. М. Петровой. Обложка художника Л. Пѣтухова—1 р. 50 к.

Кн. 21. **Ал. Алтаевъ.** „Юноша-Поэтъ“. (Жизнь и творчество С. Я. Надсона). Заставки и концовки художницы А. Петровой. Обложка художника И. И. Смуровича. Съ 10 рис. въ текстѣ—75 коп.

Кн. 22. **С. Карасневичъ.** „Приключения уличного бродяжки“.—1 р. 25 к.

Кн. 23. **Ал. Алтаевъ.** „Послѣдний король“.—3 р.

Кн. 27. **Генрихъ Сеникевичъ.** „Огнемъ и мечемъ“.—„Потопъ“.—„Панъ Володыевскій“. Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Съ изданія, сокращенного и переработанного для юношества подъ руководствомъ автора. Со многими рис. художника С. И. Панова.—7 р. 50 к.

Кн. 28. **Альманахъ для юношества**. Хрестоматія для домашняго чтенія. Подъ редакціей А. Н. Анненской. Съ иллюстр. художниковъ: М. Добужинскаго, Д. Кардовскаго, В. Кустодіева и В. Чемберса. Содержаніе: Достоевскій. Дружба (изъ романа „Неточка Неваннова“). Рис. Б. Кустодіева. Тургеневъ. „Морское плаваніе“. „Стучить“. Толстой. Охота (изъ ром. „Война и Миръ“). Рис. Д. Кардовскаго. Петь на войнѣ (изъ романа „Война и Миръ“). Рис. Добужинскаго. Станюковичъ. „Ужасный день“. „Человѣкъ за бортомъ“. Короленко. „Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ“. „Морозъ“. „Послѣдній лучъ“. Рис. Кустодіева. Чеховъ. „Хамелеонъ“. Рис. Д. Кардовскаго. „Настрасной недѣлѣ“. Рис. Б. Кустодіева. Горькій. Дѣтство Ильи (изъ ром. „Троє“). Рис. М. Добужинскаго. Купринъ. „Трусы“. Андреевъ. „Баргамотъ и Гараска“. Рис. М. Чемберса. „Гостинецъ“. „Молодежь“.—4 руб.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА.

В. М. Величкина. „Другъ дѣтей“. Рассказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ ученомъ Генрихѣ Песталоцци. Изд. 4-е. Съ 4 рис. въ текстѣ.—35 к.

Э. Вурмъ и В. Адлеръ. „Алкоголизмъ и рабочіе“. Изд. 2-е.—35 к.

Ник. Андреевъ. „Человѣкъ и нечистая сила“. (Культ.-истор. очеркъ). Съ 13 рис. въ текстѣ.—35 к.

Н. Шевлягина. „Вода и ея значеніе для человѣка“. Съ 4 рис. въ тек.—35 к.

М. Горький. „О писателяхъ - самоучкахъ“.—50 к.

Влад. Бончъ-Бруевичъ. „Родныя пѣсни“. Сбор. стихотв. Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жадовской, И. З. Сурикова, С. Дрожжина и др. Съ 6 порт. Изд. 4-е.—40 к.

Влад. Бончъ-Бруевичъ. „Кровавый на вѣтъ на христіанъ“.—1 р. 50 к.

Марія Конопницкая. „Прометей и Сизифъ“.—35 к.

Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. „Жертвы мирнаго труда“. (О несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ).—50 к.

СОЦІАЛЬНО-МЕДІЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1. **Д-ръ Г. Д. Лейтейзенъ.** „Заразы какъ причина сумасшествія“ (Алкоголь и душевные разстройства). Переведена

№ 3. **А. Форель.** „Спиртные напитки, съ нѣмец. В. Величкина.—40 к.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Всеволодъ Гаршинъ.** „Сигналъ“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—15 к.
— „Сказка о гордомъ Аггеѣ“.—10 к.
— „То, чего не было“.—10 к.
— „Лягушка-путешественница“.—10 к.
- С. И. Гусевъ-Оренбургскій.** „Пастырь Добрый“. Съ 4 рис. художника И. Гурьева.—35 к.
— „Кахетинка“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
— „Конокрадъ“—20 к.
— „По теченью“—15 к.
— „Интрига“. Съ рис. художника И. Гурьева.
— „Рабочий“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—50 к.
— „Сквозь преграды“.—20 к.
— „На Родину“.—30 к.
— „Заступникъ“.—25 к.
— „Отецъ Памфилъ“. Съ 2 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
— „Самоходка“. Съ 4 рис. художника И. Гурьева.—35 к.
— „Маленький Павлюкъ“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—80 к.
— „Горная Легенда“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—50 к.
— „Музыкантъ“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—35 к.
- М. Ю. Лермонтовъ.** „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“. Съ 4 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
— „Узникъ“ и др. стихотворенія съ портретомъ автора, рисованнымъ имъ самимъ.—10 к.
— „Мцири“. Съ 5 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
- „Ашикъ-Керибъ“. Тураецкая сказка. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
— „Демонъ“. Съ 6 рис. художника И. Гурьева.—25 к.
— „Вѣтка Палестины“ и др. стихот. Съ портретомъ автора, его матери и отца.—10 к.
— „Бѣла“. Съ 6 рис. художника И. Гурьева.—25 к.
— „Максимъ Максимычъ“. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.—10 к.
- Германъ Вагнеръ.** „Финиковая роща“.—„Сахарный тростникъ“.—„Хлѣбное дерево“. Съ рис.—10 к.
— „Бамбукъ“.—„Резина“.—„Хлопчатая бумага“. Съ рис.—10 к.
- Н. Шевлягина.** „Дурная болѣзнь или сифилисъ“.—30 к.
Н. Шевлягина. „Отчего происходятъ заразныя болѣзни и какъ ихъ лечатъ“. (Микробы).—1 р. 50 к.
- Н. Э. Сумъ.** „Почему дѣйствительно нельзя пить денатурированный спиртъ, политиру и одеколонъ“. 2-е изд.—30 к.
- I. Гауле.** „Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка“.—15 к.
- Г. Гольденбергъ.** „Бельгія“.—15 к.
- Ото Рункъ.** „Хирургъ“. Переводъ В. М. Величкиной.—30 к.
- A. Коллонтай.** „Работница мать“.—25 к.
- „Пѣсни Революціи“ (съ нот.).—25 к.
- В. П. Милютинъ.** „Зачѣмъ намъ нужна демократическая республика“.—30 к.
- И. В. Чернышевъ.** „Всеобщее избирательное право“.—30 к.
- А. Бебель.** „Христіанство и соціализмъ“.—50 к.
- Дикштейнъ.** „Кто чѣмъ живеть“.—45 к.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

Сочиненія М. ГОРЬКАГО.

Томъ IX. Жизнь ненужного че-	Цѣна	Томъ XIV. Лѣто.	Цѣна
ловѣка. Кн. 1-я	1.50	" XV. Матр. Ч. I и II по 3 р.	2.25
" X. Жизнь ненужного че-	3.—	" XVI. Пожаръ.	2.25
ловѣка. Кн. 2-я	1.50	" XVII. Сказки.	2.25
" XI. Городокъ Окуровъ .	3.—	" XVIII. Хозяинъ.—Три дня. .	2.50
" XII. Матвѣй Кожемякинъ.	1.50	" XIX. По Руси.	2.50
Часть I	3.—	" XX. Дѣтство.	3.—
" XIII. Матвѣй Кожемякинъ.	3.—	О писателяхъ самоучкахъ. . .	—.50
Часть II.	3.—		

Полное собраніе сочиненій СКИТАЛЬЦА.

Томъ I. Сквозь строй	2.—	Томъ V. Этапы.	
" II. За тюремной стѣной. .	2.—	" VI. Метеоръ.	
" III. Полевой судъ.		" VII. Месть.	
" IV. Огарки		" VIII. Пѣсни.	

Полное собраніе сочиненій СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА.

Томъ I. Распадъ.	2.—	Томъ IX. Комедія брака.	3.—
" II. Ита Гайне.	3.—	" X. Драма въ домѣ	5.25
" III. Евреи.	4.—	" XI. Вышла изъ круга.	3.—
" IV. Наши сестры.	2.—	" XII. Голуби.	4.25
" V. Прологъ.	5.—	" XIII. Леонъ Дрей. Часть I. .	2.—
" VI. Невинные.	5.—	" XIV. Леонъ Дрей. Часть II. .	2 —
" VII. Въ городѣ.	4.50	" XV. Человѣкъ воздуха.	1.50
" VIII. Очерки дѣтства. .	2.—		

Сочиненія А. М. ФЕДОРОВА.

Весенній вѣтеръ.	2.—	Сила крови.	
Утро.	2.—	Подвигъ.	
Паутина.		На востокъ.	
Камни.		Стихотворенія	

Книги ВЛАДИМИРА БОНЧЪ-БРУЕВИЧА.

Знаменіе времени (Убийство Ан- дрея Юшинскаго и дѣло Бей- лиса).	2.—	русскаго сектантства и старо- обрядчества. Томъ I—3р., Томъ II—3 р., Томъ III—3р., Томъ IV—7р.50к., Томъ V—6р., Томъ VII—10 р.
Духоборцы въ канадскихъ пре- ріяхъ.		Избранныя произведенія русской поэзіи. Сборн. лучш. стихо- твор. отъ Пушкина и до на- шихъ дней. Въ сборн. вошли 823 произвед. 232 авторовъ. 5-е изд. Ц. Зр., въ перепл. . .
Къ исторіи русскаго духобор- чества	1.75	4 —
Новый Израиль		Родныя пѣсни . . . . .
Среди сектантовъ		—.40
Изъ міра сектантовъ.		
Кровавый навѣтъ на христіанъ .		
Материалы къ исторіи и изученію		

Сочиненія А. НѢМОЕВСКАГО.

Заглавліе конфисковано	2.—	Ашуръ и Муцуръ	2.—
Сократъ	2.—	Листопадъ	—.50
В. В. Брусянинъ. Часть смертный.	2.—	Вл. Краинхфельдъ, Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Україны.	—.50
Н. С. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту.	1.—	Байронъ. Манфредъ.	2.—
Н. С. Абрамовъ. Вдали отъ боль- шихъ городовъ.		Земля. Кайнъ.	2.—
		В. В. Брусянинъ. Тёмный ликъ..	3.—

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

Полное собрание сочинений С. Гусева-Оренбургского.

Томъ 1. Рассказы	2.—	Томъ 10. Курычанские приходы	2.—
” 2. Въ гостяхъ		жане.	
” 3. Страна отцовъ	2.—	11. Враги.	2.—
” 4. Въ приходѣ	2.—	12. Въ глухомъ уѣздѣ.	2.—
” 5. Золотой сонъ.	2.—	13. Люди	2.—
” 6. Надь поемой.	2.50	14. Призракъ.	2.25
” 7. Дьяконъ и смерть.	2.—	15. Борьба.	
” 8. Недоумѣніе.	2.—	16. Тишина.	
” 9. Мгла.	2.—	17. Блудный сынъ.	

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“ принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій.

Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.

Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжного рынка.

Составляетъ новые и пополняетъ уже существующія библиотеки и читальни.

Подбираетъ книги для частныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Книжный складъ принимаетъ изданія какъ на комиссію, такъ и на главный складъ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Въ Петербургъ книги, по желанію, доставляются на домъ. Заказы принимаются по телефону.

Просимъ сообщать намъ адреса лицъ, интересующихся книгой, чтобы мы могли имъ постоянно, изъ года въ годъ, высылать наши каталоги.

Каталоги высыпаются бесплатно. ● Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства „Жизнь и Знаніе“ просятъ адресовать такъ: Книжный складъ и магазинъ (или книгоиздательство) „Жизнь и Знаніе“. Владимиру Дмитревичу Бончъ-Бруевичу. Петербургъ, Поварской пер., 2, кв. 10.